

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

Ю. А. РУСИНА

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Ю. А. Русина

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по программе бакалавриата
по направлению подготовки 030600 «История»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2015

УДК 930.2(075.8)
ББК Т211я73-1
Р885

Рецензенты:

кафедра истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(заведующий кафедрой доктор исторических наук,
профессор М. Р. Зезина);

А. В. Чудинов, доктор исторических наук, профессор
(Институт всеобщей истории РАН)

Русина, Ю. А.

Р885 Методология источниковедения : [учеб. пособие] / Ю. А. Ру-
сина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер.
ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.

ISBN 978-5-7996-1466-9

Учебное пособие посвящено вопросам формирования и развития источ-
никоведения как научной дисциплины на протяжении XVIII–XX вв. в рамках
отечественного исторического дискурса. В пособии рассматриваются узловые
темы методологии источниковедения, связанные со становлением понятийного
аппарата, построением научных классификационных систем исторических
источников, осмыслением основных элементов источниковедческого метода.
Особое место отведено идеям выдающегося русского историка А. С. Лаппо-
Данилевского.

Для студентов, изучающих дисциплину «Источниковедение», а также спе-
циалистов в области гуманитарного знания.

УДК 930.2(075.8)
ББК Т211я73-1

На обложке

репродукция картины В. Кандинского
«Квадраты с концентрическими кругами» (1913)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
РАЗДЕЛ I. История источниковедческой мысли в XVIII–XXI вв.	7
Глава 1. Развитие приемов работы с историческими источниками в XVIII – начале XIX в.	7
Глава 2. История источниковедения во второй половине XIX – начале XX в.	35
Глава 3. Вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие отечественного источниковедения	66
Глава 4. Развитие отечественного источниковедения в советский период	92
Глава 5. Предмет и метод современного источниковедения	113
РАЗДЕЛ II. Теория и практика источниковедческого исследования ...	123
Глава 6. Понятие «исторический источник»	123
Глава 7. Категория «исторический факт»	142
Глава 8. Теория массовых источников	152
Глава 9. Классификация исторических источников	163
Глава 10. Структура источниковедческого исследования	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Источники всегда дают фрагментарное представление об истории, – сказал в одном интервью старейшина отечественной исторической науки Сергей Михайлович Каштанов. – И для того, чтобы преодолеть это фрагментарное представление, нужны, во-первых, знание источников и, во-вторых, талант историка, который способен вообразить, как все было, хотя это получается на уровне гипотезы, а не абсолютной истины. История стоит между наукой и искусством...»¹ Полностью согласившись с этим высказыванием, хотелось бы и к непосредственной работе с историческими свидетельствами применить те же эпитеты и назвать ее особым искусством, требующим не только большой эрудиции, специальных знаний и навыков, но и развитого воображения, тонкой интуиции и понимания человеческой психологии.

В контексте истолкования исторического источника как явления культуры О. М. Медушевской предложена структура источниковедческого исследования, основанная на феноменологическом подходе². Согласно этому взгляду, источниковедческое исследование – это сложная, последовательная процедура, включающая в себя два основных этапа: источниковедческий анализ и источниковедческий синтез, составляющие основу метода источниковедения. Исследование строится на положении, что на содержание источника, его полноту, степень достоверности и научное значение могли повлиять различные факторы, связанные с его созданием и функ-

¹ *Каштанов С. М.* Важно то, что интересно: разговор с Сергеем Михайловичем Каштановым // Проблемы истории России. Исторический источник и исторический контекст. Вып. 10. Екатеринбург, 2013. С. 20–21.

² *Медушевская О. М.* Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996; Источниковедение / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998.

ционированием, всем его «жизненным циклом» до того, как он стал историческим источником. В рамках данного подхода хотелось бы выделить восходящую к научному творчеству А. С. Лаппо-Данилевского методику интерпретации текста, наиболее востребованную сегодня на фоне внимания к языку и дискурсу.

Подчеркивая цельность источниковедческого исследования и опираясь на известные выводы о различиях в содержании и результатах труда историка и источниковеда, высказанные отечественными специалистами еще в 1970-е гг.³, сошлемся на аллгорию известного французского ученого Эммануэля Ле Руа Ладюри. Если историк, наметив познавательную цель, определив круг источников и сформулировав конкретные вопросы к ним, начнет работу, то вскоре он может оказаться совсем на другой дороге, нежели предполагал. Источники, которые должны были, по предположению исследователя, дать одни ответы, оказываются способными направить научный поиск в неожиданное русло и навязать свой путь⁴. Во избежание того, чтобы «источники овладели историком», исследователю необходимо самому мастерски владеть методикой источниковедческих изысканий.

К концу XX в. определился междисциплинарный характер источниковедения в системе гуманитарных наук. Суть его заключается в том, что исторический источник выступает единым объектом различных гуманитарных наук при разнообразии предметов их изучения. Тем самым источник создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а метод источниковедения необходим для гуманитарного познания в целом. В связи с этим место источниковедения в профессиональной подготовке историка характеризуется тем, что этот учебный курс рассматривается как одна из фундаментальных дисциплин в образовании специалиста-гуманитария, а метод источниковедения – источниковедческий анализ и синтез – как тот исследовательский метод, которым

³ *Пронштейн А. П., Данилевский И. Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 43.

⁴ *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 83–84.

должен владеть профессионал-гуманитарий. В этом заключается главная идея, лежащая в основе концепции предлагаемого учебного пособия.

Пособие состоит из двух разделов (десяти глав). В первом разделе «История источниковедческой мысли в XVIII–XXI вв.» рассматривается развитие приемов работы с историческими источниками в результате научно-исследовательской практики отечественных ученых, начиная с опыта В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера и заканчивая современными источниковедческими школами, представленными именами крупнейших историков: С. О. Шмидта, О. М. Медушевской, И. Д. Ковальченко и др. Ключевое место отведено идеям выдающегося отечественного ученого-историка А. С. Лаппо-Данилевского. Завершающая глава данного раздела посвящена проблеме осмысления предмета современного источниковедения и анализу положения данной дисциплины в системе гуманитарного знания. Второй раздел «Теория и практика источниковедческого исследования» включает в себя главы, где анализируются основные понятия источниковедения и проблема классификации исторических источников, а также подробно разбираются элементы метода источниковедения – источниковедческий анализ и синтез, на основе которых исследователь делает выводы о степени достоверности, полноты исторических источников, их познавательных возможностях и научной ценности. Каждая глава сопровождается списком источников и исследований, идеи и выдержки из которых использованы в пособии, послужили основой его содержания и выводов, а также необходимы для более глубокого осмысления материала учащимися. В качестве интернет-ресурсов привлечен каталог университетской библиотеки online.

В основе текста учебного пособия – многолетний опыт преподавательской и исследовательской работы автора в области источниковедения отечественной истории.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVIII–XXI вв.

Глава 1

Развитие приемов работы с историческими источниками в XVIII – начале XIX в.

Формирование источниковедения как научной дисциплины связано с процессом выработки принципов работы с источниками и складыванием отдельных приемов и методов в стройную систему. Начало этого процесса относится ко второй четверти XVIII в. и представлено именами В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера. Говорить же о научной дисциплине можно в том случае, когда определены объект и предмет исследований, разработана методология и развит понятийно-категориальный аппарат. Поэтому превращение источниковедения в самостоятельную научную дисциплину происходит гораздо позже – в последней трети XIX в.

Интерес к отражению исторических событий возник в глубокой древности и был связан с устной народной традицией, а затем с летописанием. Летописцы в ходе своей работы привлекали довольно широкий круг источников: произведения устного народного творчества, погодные записи, жития, международные договоры и др. События обычно освещались в рамках хронологической канвы. В период русского Средневековья сама форма летописного погодного изложения не позволяла развиваться критическому отношению к источникам. Лишь иногда летописцы проверяли точность дат или согласовывали встречающиеся в источниках противоречия. Чаще они сами редактировали текст, исходя из современной

им политической ситуации, отдавали приоритет одним источникам перед другими, прибегали к прямым фальсификациям. Более критичное отношение к источникам проявилось в исторических сочинениях второй половины XVI в. Это была иная форма освещения исторических событий, нежели в летописях. Создаются произведения, посвященные конкретной теме: «Синописис» и «Скифская история» А. И. Лызлова (XVII в.), «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева (XVIII в.). Авторы стремятся к расширению круга используемых источников, делают первые попытки обнаружить связи между излагаемыми событиями.

Навыки работы с источниками накапливались и в ходе практической работы по собиранию и хранению документов в великокняжеских канцеляриях, позже – в архивах приказов, местных органов управления, монастырей и т. д.

Немалое количество поддельных и подложных документов способствовало развитию методов по установлению подлинности и достоверности свидетельств. Вырабатывались приемы обнаружения подчисток и подправок, анализа почерка, печатей. Но данного рода работа в основном касалась так называемых внешних признаков источников. Об анализе содержания документов с целью установления их подлинности и достоверности говорить еще очень рано.

В XVIII – первой половине XIX в. в России происходили заметные перемены во всех сферах общественной жизни. Возникли новые задачи и перед историческими исследованиями, развитие которых было невозможно без надежной источниковедческой базы. Историки стали уделять особое внимание выявлению и собиранию исторических источников.

А. П. Пронштейн в своем исследовании «Источниковедение в России: период феодализма» (1989) выделяет пять основных этапов в развитии методов изучения исторических источников в указанный период и олицетворяет их с деятельностью выдающихся отечественных ученых.

Первый этап связан с именем В. Н. Татищева.

Второй представлен трудами ученых середины XVIII в., прежде всего М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера.

Третий этап сформировали труды историков конца XVIII – начала XIX в.: М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера, Н. М. Карамзина.

Четвертый этап охватил первую треть XIX в. и отражен в работах представителей двух направлений: скептической школы во главе с М. Т. Каченовским и охранителей во главе с М. П. Погодиным.

Пятый отождествлен с исследовательской деятельностью историков середины XIX в. – Н. В. Калачова и Н. И. Надеждина.

Василий Никитич Татищев (1686–1750)¹, не будучи профессиональным историком, впервые поставил задачу создания обобщающего труда по истории. Для этого, по его мнению, необходимо было иметь солидную базу исторических свидетельств. Можно сказать, что В. Н. Татищев положил начало собиранию источников в научных целях. Он выявил более 300 документов, открыв целый ряд новых свидетельств.

В. Н. Татищев первым из русских историков понял, что ученый должен не просто пересказывать собранный материал, но и владеть «наукой критики». Под этим понятием он имел в виду не только проверку достоверности фактов, что уже делали его предшественники, но прежде всего выяснение надежности известия в целом. Критерием надежности исторического свидетельства, по его мнению, являлись достоверность сообщаемых фактов и их происхождение.

¹ В. Н. Татищев был активным участником реформаторской деятельности петровского правительства, выступавшим на военном, дипломатическом и административном поприщах. Он принадлежал к аристократическому роду смоленских князей. В 18 лет поступил на военную службу и принял участие во вторичной осаде и взятии Нарвы, в Полтавской баталии и в Прутском походе. В начале административной и дипломатической службы Татищев работал под руководством одного из самых образованных соратников Петра Великого – Я. В. Брюса. В 1719 г. по рекомендации Брюса Петр I определил его «к сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами». Составляя план этого большого труда, Василий Никитич пришел к выводу о необходимости серьезно заняться древней русской историей. В 1720–1721 и 1734–1737 гг. Татищев возглавлял горнозаводскую промышленность Урала. В 1741–1745 гг. был астраханским губернатором. После чего переехал в свое родное поместье Болдино под Москвой. Здесь он продолжил свои научные изыскания и провел последние годы жизни.

В. Н. Татищеву принадлежит первый в отечественной науке опыт систематизации изучаемых документов. Им были выделены следующие группы источников:

1) общие, или генеральные (летопись Нестора, «Степенная книга», хронографы, «Синописис»);

2) топографии, или местные летописи (Московская, Новгородская, Псковская, сборник муромский о Петре и Февронии);

3) дипломатические грамоты из казанских, сибирских, астраханских и других архивов;

4) частные («Хождение митрополита Пимена в Константинополь», «Жизнь царя Ивана Грозного», «Временник Ивана Тимофеева», «Сказание Авраамия Палицына», «Скифская история» А. Лызлова).

Далее В. Н. Татищев предложил все свидетельства распределить по степени достоверности содержащихся в них сведений с учетом авторства документа:

- автор – участник описываемого события;
- создатель документа – современник события;
- историк писал позже, но на основе документов современников или участников;
- автор – соотечественник, хорошо знающий язык, а не иностранец.

Подходя к историческим сведениям с точки зрения их достоверности, В. Н. Татищев отдавал предпочтение более древним из них. С меньшим доверием, чем к известиям отечественного происхождения, историк относился к сочинениям иностранных авторов. Совсем не доверял В. Н. Татищев встречавшимся в древнерусских письменных памятниках «суевериям» и «баснословиям», противоречившим *здравому смыслу*. Таким образом он высказал свое отношение к произведениям устного народного творчества, хотя признавал возможность их использования для освещения ранних периодов истории.

Данные опыты ученого пока рано определять термином «классификация исторических источников», так как это понятие еще не было введено в научную практику историков. Но значение рассмотренных аналитических процедур велико именно в связи с раз-

витиём методов изучения документов, которые служили основанием научных изысканий.

Изучая исторические документы, В. Н. Татищев обратил внимание на необходимость перевода дат и мер на современные системы счета, уточнения по действующим картам названий и местоположений географических пунктов, а также знания родословий и понимания древних терминов.

В. Н. Татищев подготовил к печати ряд важных законодательных источников, например Русскую Правду и Судебник 1550 г., снабдив их комментариями.

Создавая свой основной труд – «Историю Российскую», В. Н. Татищев стремился объединить всю массу бывших в его распоряжении известий. Отдельные сообщения ученый связывал между собой в соответствии с понимаемой им логикой исторических событий.

По мнению А. П. Пронштейна, В. Н. Татищев заложил основы научного источниковедения в России.

Основы критического отношения к историческим источникам, заложенные В. Н. Татищевым, получили дальнейшее развитие в середине XVIII в. в трудах **Михаила Васильевича Ломоносова** (1711–1765)² и **Герарда Фридриха Миллера** (1705–1783)³.

Как и В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов считал, что исторические труды должны базироваться в первую очередь на исторических известиях и сочинениях авторов, живших в описываемое время. Главным историческим свидетельством по истории Древней Руси он называл летописи, и прежде всего труд Нестора. В своих

² Родился в семье помора в Архангельской губернии. Учился в московской Славяно-греко-латинской академии (1731–1735) и учебных заведениях Германии (1736–1741). Адъюнкт физики в Петербургской академии наук (с 1742 г.), профессор химии (с 1745 г.). Инициатор создания Московского университета (1755).

³ Историк, археограф, член Петербургской академии наук с 1731 г. Приехал в Россию в 1725 г. С 1725 г. адъюнкт, с 1731 г. профессор истории, в 1728–1730 и 1754–1765 гг. конференц-секретарь Академии наук. В 1733–1743 гг. участвовал в экспедиции по изучению Сибири, обследовал и описал архивы более 20 городов. Собрал огромную коллекцию документов. Тридцать восемь фолиантов копий актового материала, так называемые «портфели Миллера», не утратили своей научной значимости до наших дней. В 1747 г. Миллер окончательно перешел в русское подданство. Почти 60 лет работал в Академии наук.

научных изысканиях М. В. Ломоносов, как и другие современные ему авторы, привлекал данные языка. Лингвистические доказательства были им использованы, например, для критики норманнской теории происхождения русского народа.

Главным критерием в определении достоверности исторических сведений для него было рационалистическое объяснение, то есть *здоровый смысл*. Используя летописи, сочинения древних и позднейших авторов, данные устного народного творчества, языка, ученый считал факт доказанным, если наблюдения о нем совпадали в нескольких свидетельствах. При наличии же расхождений он не выяснял причины, которые могли быть связаны с социальным заказом, стремлением авторов представить события в определенном свете, а отбирал те источники, которые представлялись ему достоверными с точки зрения *здорового смысла*.

Современник М. В. Ломоносова Г. Ф. Миллер вложил огромный труд в собирание исторических известий, в том числе по истории Сибири. На основе изучения сибирских летописей ученый составил схему сибирского летописания, главные положения которой длительное время сохраняли свое научное значение. Г. Ф. Миллеру принадлежит заслуга в издании ряда важнейших исторических документов, таких как «Степенная книга», Судебник Ивана IV, письма Петра I к Шереметьеву, «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и др. Им был выдвинут принцип издания «по лучшему списку», который получил признание в археографии XIX в.

Создавая свои исторические сочинения, Г. Ф. Миллер опирался на летописи. Он считал наиболее достоверными те из них, которые были созданы в древности, и с недоверием относился к текстам, вписанным позже, например на вклеенных листах, относительно которых историк пришел к выводу о более позднем, чем основной текст, происхождении. К преданиям и легендам Г. Ф. Миллер, как и М. В. Ломоносов, относился с позиций *здорового смысла*, старался дать им рационалистическое толкование.

При написании «Истории Сибири» ученый использовал актовые документы как иллюстрацию к летописным известиям, а также для уточнения и дополнения летописных сообщений. Актовый

материал он считал вполне достоверным и лишь в отдельных случаях подвергал его проверке с точки зрения вероятности описываемого события.

Дворянскую просветительную историческую мысль второй половины XVIII в. представляет общественный деятель, историк и публицист **Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790)**⁴. Ученый на протяжении всей жизни твердо стоял на рационалистических и прагматических позициях, отвергая стремление толковать исторические события волей божественного провидения. Ход истории он объяснял действиями выдающихся исторических личностей, поступки которых обусловлены господствующими идеями, нравами и обычаями.

Как и историки первой половины XVIII в., М. М. Щербатов в своих исследованиях широко привлекал летописный материал, хотя отмечал, что по истории Древней Руси сохранилось мало достоверных сведений, в том числе по причине суеверий русских летописцев. Ученый стал первым издателем таких важных летописных известий, как «Царственная книга» и «Царственный летописец».

Помимо летописей М. М. Щербатов использовал и другие повествовательные свидетельства – как русские, так и иностранные. Из наблюдений иноязычного происхождения ученый более всего ценил сочинения древних авторов, содержащие отсутствующие в летописях сведения. Что же касается записок иностранцев более позднего времени, то, как и М. В. Ломоносов, историк доверял им меньше, чем сведениям русского происхождения. М. М. Щербатов

⁴ Происходил из древнего и богатого княжеского рода. Получил глубокое и разностороннее домашнее образование. В раннем детстве был записан в гвардейский Семеновский полк. Хорошо знал французский, немецкий, итальянский языки. В 1762 г. вышел в отставку в чине капитана. В конце 60-х гг. XVIII в. поступил на государственную службу. Работал в комиссии по составлению Нового Уложения. В 1779 г. стал сенатором. В 1788 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника. Свои взгляды на историю Щербатов выразил и обосновал в «Истории российской от древнейших времен», за которую получил звание историографа и почетного члена Петербургской академии наук (1776). После него осталась библиотека в 50 тыс. томов, множество древних рукописей и собственных сочинений.

значительно шире и полнее, чем его предшественники, привлекал актовый материал, а также занимался его изданием и разработкой приемов публикаций. Однако он считал, что акты и грамоты могут использоваться главным образом в качестве иллюстрации фактов и событий, указанных в летописях.

Определенное место в исследованиях М. М. Щербатова принадлежало произведениям фольклора. Их он рассматривал как наиболее раннюю форму освещения событий прошлого и признавал возможным использовать при освещении древнейших периодов, от которых других свидетельств не осталось. Но как рационалист М. М. Щербатов решительно отвергал явные выдумки и стремился найти в преданиях рациональное зерно. При этом он руководствовался критерием *здравого смысла*, который был главным подходом в оценке исторических сведений у историков XVIII столетия.

Подход другого представителя дворянской историографии второй половины XVIII в., **Ивана Никитича Болтина** (1735–1792)⁵, к задачам изучения исторического материала во многом определялся его общим взглядом на движение истории. Последнее, по его мнению, являлось результатом влияния различных факторов, в том числе сущности человеческой природы и естественных условий жизни человека. Отсюда следовала необходимость отличать в свидетельствах вероятное от невероятного и находить в истории общее и особенное. Для этого, по мнению И. Н. Болтина, надо прежде всего уметь отбирать необходимые исторические известия («припасы»), не обольщаясь их количеством, и тщательно их изучать. Болтин отличался критичностью в подходе к историческим свидетельствам и более точно (чем, например, Щербатов) толковал термины древних памятников.

⁵ Дворянин, крупный помещик, государственный деятель. Родился в Нижегородской губернии. Получил домашнее образование. С 1779 г. проживал в Петербурге. В 1783 г. правитель личной канцелярии кн. Г. А. Потемкина. Научные интересы сформировались в связи с его практической деятельностью и на основе широкого знакомства с научной литературой, в том числе с трудами В. Н. Татищева и французских просветителей. Входил в кружок «Любителей отечественной истории», сгруппировавшийся вокруг А. И. Мусина-Пушкина. Стал оппонентом и критиком М. М. Щербатова.

Известные ему памятники и документальные материалы ученый распределил на группы, показав достоинства и недостатки каждой из них. На первое место он ставил летописи, особенно древнейшую из них – летопись Нестора, не исключая, однако, что ей предшествовали и более древние летописные записи, которые не сохранились.

Большое значение И. Н. Болтин придавал законодательным документам. Их появление он связывал с состоянием нравов населения и выделял несколько этапов в развитии русского законодательства (древний период, период Русской Правды, период становления в стране единодержавия, период Уложения 1649 г.).

Пользовался ученый и картографическими материалами, считая географические данные очень важными для исследователя, так как история и география, по его утверждению, тесно связаны.

Высказывался И. Н. Болтин также за привлечение известий иностранного происхождения (историков и летописцев) в целях сравнительного анализа их и русских свидетельств.

К произведениям фольклора историк обращался лишь в редких случаях – только тогда, когда они говорили о народных поверьях и преданиях. В целом же он, будучи рационалистом, исключал их из ряда достоверных сведений.

И. Н. Болтин определил три этапа в изучении исторических известий, которые предшествуют собственно историческому изложению:

- первый – отобрать материалы, заслуживающие доверия, слитить летописные списки с целью исправления погрешностей и выявления первоначального текста;
- второй – уяснить смысл текста, правильно его понять, раскрыв точный смысл устаревших слов;
- третий – исторические сведения и наблюдения пополнить данными географического характера.

Главными критериями в правильном отборе и оценке свидетельств И. Н. Болтин считал их вероятность с точки зрения «здорового рассудка» и совпадение с другими наблюдениями, иногда старался также учесть «пристрастия» их авторов. С позиции достовер-

ности исторических свидетельств ученый предлагал делить их на «истинные», «сумнительные», «вероподобные», «невероятные» и «ложные».

«Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова» имели важное научное значение, поскольку способствовали развитию углубленного анализа источников и становлению вспомогательных исторических дисциплин.

Представитель немецкого просветительства **Август Людвиг Шлецер** (1735–1809)⁶, проживший в России несколько лет в 60-е годы XVIII в., большую часть жизни посвятил изучению русских летописей как главного источника по истории Древней Руси. Он стал одним из основоположников славистики в Германии.

Немецким ученым были подготовлены к печати и опубликованы важнейшие исторические источники: первый том Никоновской летописи, Русская Правда по Академическому списку, Судебник 1550 г.

Но его вклад в русскую историографию определяется прежде всего источниковедческим анализом Повести временных лет. Это был первый в русской исторической науке источниковедческий труд – «Нестор».

А. Л. Шлецер начал критический анализ древних летописей со сравнения двенадцати напечатанных и девяти неопубликованных списков. Ученый собрал сведения о биографии Нестора, считая его первым русским летописцем, и о Киево-Печерском монастыре, в котором тот работал.

Основываясь на достижениях современной ему текстологической критики, А. Л. Шлецер обосновал *три критических подхода* к исследованию исторических источников:

- во-первых, восстановить по имеющимся спискам первоначальный текст, который не дошел до исследователя, – малая критика;

⁶ Немецкий историк, публицист, статистик. Член Петербургской академии наук с 1765 г. Почетный член Общества истории и древностей российских с 1804 г. Учился в Виттенбергском и Геттенгенском университетах. По приглашению Г. Ф. Миллера в 1761–1767 гг. работал в России, изучал древнерусские летописи. По возвращении в Германию преподавал историю и статистику в Геттенгенском университете.

- во-вторых, правильно понять исторический источник – грамматическое и историческое толкование текста;
- в-третьих, выявить достоверности сведений – высшая критика, основанная на *здравом смысле*.

Ученый исходил из того, что древнейшая русская летопись была создана в начале XII в. монахом Нестором, однако сохранилась лишь в позднейших (не ранее XIV в.) списках, сильно искаженных переписчиками. Поэтому он предлагал прежде всего восстановить первоначальный текст летописи (идея создать «очищенного» Нестора), а затем истолковать непонятные по причине их древности или искажений при переписке слова и термины и путем проверки убедиться в достоверности приводимых в ней фактов. Как рационалист и прагматик, он ко всем летописным известиям подходил в первую очередь с позиций *здравого смысла*, используя также метод сопоставления сообщений летописца с показаниями других источников.

Разработанные А. Л. Шлецером приемы критики были шагом вперед в развитии источниковедения, к ним обращались историки XIX в.

В 1818 г. вышли в свет восемь, а затем еще четыре тома «Истории государства Российского» **Николая Михайловича Карамзина** (1766–1826)⁷, вызвавшие шумный успех у публики и серьезный резонанс в научных кругах.

⁷ Родился в Симбирской губернии, дворянин. С 1784 г. жил в Москве. В 1789–1790 гг. путешествовал за границей. Член Российской академии наук с 1818 г.

«Николай сначала учился дома, затем – в Московском пансионе; с 15 лет – в Петербурге в гвардейском Преображенском полку, в 17 лет выходит в отставку поручиком и живет в Москве. В 23 года отправляется в заграничное странствие и возвращается оттуда с “Письмами русского путешественника”... Первое их полное издание вышло в свет в 1801 г. Идеология Карамзина была проникнута рационализмом XVIII в. ...Во время своего путешествия он посетил страны, где формировалась просветительская философия. ...Он беседовал с И. Кантом, был гостем философа Лафатера, слушал лекции в Лейпцигском университете. <...> 31 октября 1803 г. 37-летний Карамзин Высочайшим указом получает должность историографа. <...> Перед ним открываются все архивохранилища и библиотеки. В 1816 г. он приступил к изданию первых 8 томов своей “Истории государства Российского”, которые вышли в свет весной 1818 г.» (Историография истории России до 1917 года: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 194–198).

Н. М. Карамзин полагал, что при написании истории следует опираться на возможно более полную источниковую базу. В этом отношении он находился в гораздо более благоприятных условиях, чем его предшественники. К началу XIX в. многие документы были опубликованы, российские архивы приведены в определенный порядок, историка снабжали документами археографы и коллекционеры (П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, П. М. Румянцев, А. И. Мусин-Пушкин и др.).

Поэтому при создании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин располагал более значительным числом документов, чем его предшественники. Ученый использовал 40 русских летописей, в то время как М. М. Щербатов – только 21. Благодаря «Истории...» в научный оборот были введены летописные известия, памятники древнерусского права, художественной литературы, такие как: Ипатьевский летописный свод, «Кормчая книга» и церковные уставы, Новгородская Судная грамота, Судебник Ивана III, «Стоглав», недавно открытое «Слово о полку Игореве», «Вопросы Кирика» и др. Расширяя вслед за М. М. Щербатовым использование иностранных сведений, Н. М. Карамзин и в этой области привлек немало новых свидетельств: например, Плано Карпини, Контарини, Герберштейна, записки иностранцев о Смутном времени.

Н. М. Карамзин был убежден в том, что исторический труд необходимо основывать на критике исторических источников. Поэтому, как и историки XVIII в., важнейшей задачей исследователя он считал установление по источникам достоверных и точных фактов. Писатель проверял и уточнял каждый факт, упоминаемый в свидетельствах. Его методы проверки достоверности были традиционными, идущими из XVIII в.: критика содержания источника с позиций *здравого смысла*. Но рассуждениям Н. М. Карамзина, в отличие от его предшественников, свойственны психологизм и бóльшая глубина. Устанавливая достоверность, он также применял метод сопоставления показаний различных источников.

В понятие критики источников ученый вслед за А. Л. Шлецером, который был для него авторитетом, включал две задачи – восстановление первоначального текста («очищение» источника)

и истолкование текста. Однако решая вторую из указанных задач, Н. М. Карамзин отказывается от простой интерпретации терминов на основе словотворчества, которыми были заполнены сочинения историков XVIII в. Его понимание содержания источников основано на более глубоком, чем у предшественников, знании реальной жизни изучаемой эпохи. При истолковании отдельных терминов он нередко прибегал к сравнению их употребления в разных документах, пользовался данными лингвистики, хронологии, исторической географии.

К «Истории» Н. М. Карамзина приложены обстоятельные примечания, содержащие выписки из многочисленных документов, в том числе тех, которые погибли позже при пожаре Москвы 1812 г. и, таким образом, сохранились только в «Истории». Примечания настолько обширны, что в некоторых томах превышают объем основного текста. Они представляют собой выдержки из исторических источников, содержащих сведения об описываемых событиях. Но Н. М. Карамзин не ограничивался здесь только воспроизведением свидетельств. Примечания демонстрируют углубленную критическую работу историка над документальным материалом. Однако ее результаты не нашли отражения в тексте повествования об исторических событиях, где для ученого наиболее важным оказалось раскрытие внутреннего содержания явлений, а не критика источников.

В целом сочинения Н. М. Карамзина способствовали дальнейшему развитию источниковедения в русской исторической науке. Ими была создана основа для установления нового этапа в развитии научной критики исторических источников и возникновения источниковедения как самостоятельной отрасли научных знаний.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX в. была заложена традиция отношения к историческим источникам как к самостоятельным объектам исследования. Это проявлялось в стремлении ученых разработать принципы критического подхода в изучении исторических известий и публикации документов.

В 20–40-е гг. XIX в. в русской исторической науке появилось новое, *критическое направление*, которое развивалось в полемике

с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. С одной стороны, этот труд оценивался как высшее достижение отечественной историографии XVIII–XIX вв. С другой – критике подвергались мировоззренческие основы его концепции, понимание задач и предмета исторических явлений, трактовка отдельных явлений русской истории и отношение к историческому источнику. С критикой исторической концепции Н. М. Карамзина выступили такие ученые, как И. Ф. Г. Эверс, Н. А. Полевой, Н. Г. Устрялов.

М. Т. Каченовский в рамках нового направления выразил мысль о необходимости более глубокого изучения источникового материала. М. П. Погодин, которого сегодня рассматривают как представителя именно критического, а не охранительного направления, как было принято в советской историографии, в полемике с М. Т. Каченовским доказывал возможности позитивного критического подхода к источникам.

С именем профессора Московского университета **Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842)**⁸ в отечественной историографии связано понятие *скептической школы*, в центре внимания которой и оказалась критика исторических источников.

⁸ «Из небогатой греческой семьи Качони, переселившейся из Балаклавы в Харьков. Учился в Харьковском коллегииуме, где получил фамилию Каченовский. В 1788 г. поступил в Екатеринославское казачье ополчение урядником. С 1793 г. – канцелярист в Харьковском губернском магистрате, с 1795 г. – сержант Таврического гренадерского полка. В 1801 г. вышел в отставку и поступил библиотекарем к А. К. Разумовскому. С 1804 г. сотрудничал в “Вестнике Европы”. С 1805 г. – магистр философии и преподаватель риторики и русского языка в Московском университете, с 1806 г. – доктор философии и изящных наук, с 1808 г. – адъюнкт и правитель канцелярии Разумовского. С 1811 г. – профессор теории изящных искусств и археологии, с 1821 г. – профессор истории, статистики и географии, с 1835 г. – профессор истории и литературы славянских народов, с 1837 г. – ректор Московского университета» (История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 539).

Каченовский преподавал риторику и археологию, русскую и всеобщую историю, статистику, географию и этнографию, читал историю славянских наречий. Был редактором одного из популярнейших журналов начала XIX в. – «Вестника Европы» (1805–1830). В 1841 г. избран действительным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Среди учеников Каченовского были К. С. Аксаков, С. М. Соловьев, И. А. Гончаров и др. (см.: Историография истории России до 1917 года: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 241).

Под влиянием новых философских идей (прежде всего Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля) в отечественных исторических исследованиях начинает складываться представление о развитии народов по определенным законам и ведется поиск этих законов. Исходя из представления об «органическом развитии общества», скептики отказались от взгляда на историю как на набор мало связанных друг с другом фактов. Они считали, что историки должны проследживать место каждого явления в цепи исторических событий, сравнивая его со сходными процессами в других странах, особенно славянских, и критически оценивая существующие известия и свидетельства.

По этой причине представители скептической школы призывали покончить с доверительным отношением к источникам, собственным их предшественникам, в том числе Н. М. Карамзину. Принимая понятия о высшей и низшей критике, разработанные А. Л. Шлецером, они критиковали немецкого ученого, который не ставил задачи сопоставления показаний источников с ходом исторических событий и обстоятельствами места и времени их появления. Скептики значительно расширили задачи высшей критики по сравнению со старыми подходами. Она, по их мнению, должна исходить из общих представлений об эпохе, основываясь на понимании историком законов развития общества, и отвергать те показания источника, которые противоречат «духу времени».

Анализ исторических источников они предлагали проводить с точки зрения трех видов критики: дипломатической, исторической, археологической. Дипломатика должна служить для отличия подложных документов от достоверных на основе анализа официальных признаков достоверности (подписей, печатей и т. п.). Но когда с помощью дипломатики установить подделку не удается, следует прибегать к исторической критике, к помощи фактов, которые связаны между собой причинами и следствиями. Третьей задачей ученый считал археологическую критику, к которой он относил объяснения отдельных слов, терминов, имен, народных званний, должностей, обычаев, поверий и т. д.

Таким образом, если А. Л. Шлецер с помощью низшей и высшей критики стремился решить вопрос, какие части источника возникли позже, чем сам памятник, то есть были кем-то дописаны, а потом исключить их, то М. Т. Каченовский с помощью названных трех видов критики пытался прояснить вопрос о подлинности и достоверности источника в целом.

Разработанные М. Т. Каченовским методы критического анализа скептики применили к изучению важнейших источников по истории Древней Руси X–XII вв. Главным для них было раскрытие внутреннего содержания памятников в отношении к реальным условиям развития общественного строя Руси и стран Западной Европы. Однако такой подход не дал положительных результатов, так как представления скептиков об уровне развития Древней Руси были ошибочными.

М. Т. Каченовский исходил из того, что каждый народ имеет свой «баснословный период», подобный младенческому возрасту человека, когда знания о прошлом сохраняются в устных рассказах, мифах и преданиях, часто в преувеличенном виде, и данное обстоятельство требует от историка особого критического подхода, чтобы отделить вымысел от действительно произошедших событий. Критический анализ летописей и древнейших законодательных памятников привел ученого и его учеников к заключению, что датировать древнейшие русские памятники можно лишь XIII–XIV вв., а отсутствие их в IX–XII вв. делает всю историю Древней Руси недостоверной и баснословной.

Так, например, М. Т. Каченовский, подвергнув критическому анализу текст Русской Правды, старался связать его с общими условиями жизни Новгорода и окружающих его земель. Но на оценке этого памятника сказалось неверное представление о низком уровне хозяйственной, политической и культурной жизни Новгорода в начале XI в., когда Русь только приняла христианство и обрела письменность. Эта точка зрения не позволила историку объективно оценить все факты и привела к ошибочному выводу о том, что Русская Правда не могла возникнуть в начале XI в., а была заимствована из германского права не ранее середины XIII в.

Метод проверки показаний источников с точки зрения соответствия их «духу времени» вступал у скептиков в противоречие с неверным взглядом на историческую эпоху, к которой относились изучаемые свидетельства. По их мнению, в XI – начале XII в. Русь только вышла из варварского состояния и поэтому не могла иметь таких литературных шедевров, как летописи или «Слово о полку Игореве», детально разработанных законодательных памятников. Вместе с тем подвергалась сомнению и достоверность всей древней русской истории, какой она изображалась в этих исторических текстах.

Заключения скептиков о древнейших русских памятниках и русской истории IX–XIV вв. были несостоятельны и отвергались современниками. Но, несмотря на ошибочность и наивность многих суждений, скептическая школа имела определенные достоинства. Проверка исторического факта историческим законом, забота об углубленном критическом отношении к источнику являются большой заслугой М. Т. Каченовского и его учеников и вкладом в становление методов источниковедческого анализа.

Формирование исторических воззрений и научного метода **Михаила Петровича Погодина** (1800–1875)⁹ происходило в середине 20-х гг. XIX в. В это время он разделял взгляды представителей скептической школы. Однако уже в начале 30-х гг., отмежевываясь от них, объявил себя последователем А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина.

Предметом исторических исследований вместо политической истории М. П. Погодин определял «дух народа», явления прежде всего личные, бытовые, религиозные, художественные. Историк

⁹ Русский историк, писатель, журналист и публицист. Академик с 1841 г. Сын крепостного крестьянина, получившего в 1806 г. вольную. В 1821 г. окончил с золотой медалью словесное отделение Московского университета. В 1826–1844 гг. – профессор Московского университета. В 1827–1830 гг. издавал журнал «Московский вестник», в 1841–1856 гг. – «Москвитянин», в 1867–1868 гг. – политическую и литературную газету «Русский». В 1830–60-е гг. – секретарь и председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете и Общества любителей российской словесности. В течение жизни Погодин собрал обширную коллекцию (ок. 2 тыс.) рукописей XIII–XVIII вв.

считал важным исследовать все, даже самые незначительные происшествия и их причины, «ловить звуки».

Ученый был убежден в тождестве законов естественного и духовного мира, один из первых в отечественной исторической науке предположил, что историк может в своих изысканиях использовать приемы, разработанные другими научными дисциплинами.

Свой метод исследований М. П. Погодин называл математическим и считал его универсальным для работы со всеми видами источников. Этот подход состоял в выявлении всех источников, относящихся к теме исследования, установлении их подлинности, происхождения и достоверности и суммировании их свидетельств по изучаемому вопросу.

Так, например, ученый ставит перед собой задачу выяснить роль великого князя как представителя верховной власти. Для этого прежде всего он выбирает из летописи все упоминания по этому вопросу. Их оказывается 37. Затем распределяет их по конкретным случаям и устанавливает, что князь владел племенами (3 случая), брал с них дань (10 случаев), в том числе с Новгорода (1), раздавал города (2), сажал в них своих «мужей» (2), строил крепости (2), собирал войско (2), управлял (1), судил и наказывал (2) и т. д. Тем же математическим способом историк рассматривал положение бояр, вопрос о значении денег и роль языческих верований в Древней Руси. Такая методика исследования исторических источников исключала возможность широких историко-философских обобщений, направляя внимание ученого на разработку частных проблем.

Под влиянием критики со стороны К. Д. Кавелина, И. Е. Забелина и И. В. Киреевского М. П. Погодин внес коррективы в понимание своего метода и признал возможность его применения лишь на начальной стадии исследования.

Возражая представителям скептической школы, историк именно математическим методом пытался доказать достоверность древней русской истории, а следовательно, и сообщаемых летописями сведений. В отличие от А. Л. Шлецера, старавшегося воссоздать «очищенного» Нестора, М. П. Погодин выдвинул задачу поиска источников, которыми пользовался каждый летописец, и добился определенных результатов в ее решении.

Наиболее значительным после летописей источником по истории Древней Руси М. П. Погодин считал Русскую Правду. На основе изучения Краткой и Пространной Правды М. П. Погодин предложил схему развития древнерусского законодательства X–XIII вв., от Правды Ярослава к Правде Ярославичей и затем к Пространной Правде. Данная периодизация долго сохраняла свое научное значение, являясь важным вкладом в источниковедение законодательного памятника.

К числу важных источников исторических знаний М. П. Погодин причислял данные лингвистики. К древнейшим памятникам языка он относил названия рек, озер, отдельных мест. При использовании данных лингвистики как источника историк следовал за Н. М. Карамзиным и далеко опередил в этом отношении ученых XVIII в.

В исследовательской деятельности М. П. Погодина можно выделить несколько значительных достижений, которые оказали влияние на становление отечественного источниковедения. Историк одним из первых обратил внимание на возможность использования в исторических исследованиях методов естественных наук и необходимость развития вспомогательных исторических дисциплин. Он скрупулезно занимался собиранием и публикацией исторических источников. Положительное значение имела его полемика с М. Т. Каченовским о древнейших русских памятниках.

В середине XIX в. отмечено появление значительного числа трудов, в которых специально разрабатывались вопросы работы с историческими источниками.

Образцом источниковедческого исследования такого рода является опубликованный в 1846 г. труд **Николая Васильевича Калачова** (1819–1885)¹⁰ о Русской Правде, которую он рассматривал

¹⁰ Русский историк, археограф, архивист. Академик с 1883 г. Работал в Петербургской археографической комиссии, был профессором кафедры истории русского законодательства Московского университета в 1848–1852 гг. Участвовал в подготовке реформы 19 февраля 1861 г. и судебной реформы 1864 г. В 1865–1885 гг. возглавлял Московский архив Министерства юстиции. Основатель и первый редактор журнала «Юридический вестник» (1860–1864). Инициатор создания Петербургского археологического института в 1877 г.

в связи с развитием права в стране в целом. Ему принадлежит одна из первых попыток дать периодизацию русского законодательства, в основе которой лежит учет различий в характере русских юридических документов.

Программа изучения Русской Правды, сформулированная историком, включала в себя следующие разделы:

- 1) полное издание текста памятника по важнейшим спискам с вариантами прочих;
- 2) филологический анализ, дающий объяснение отдельных слов, выражений и оборотов речи;
- 3) юридическое истолкование текста, то есть раскрытие его содержания и сравнение с другими юридическими и неюридическими памятниками;
- 4) публикация «критически очищенного текста»;
- 5) выводы о достоинствах источника с исторической, филологической и философской точек зрения.

Не все пункты этой программы историку удалось осветить в равной степени. Но уже сама разработка такой программы была для своего времени выдающимся явлением, поскольку открывала перспективы источниковедческого изучения документов историко-правового характера.

Николай Иванович Надеждин (1804–1856)¹¹ ратовал за философский подход к событиям прошлого и считал, что будущее за «философской историей» России, которой должен предшествовать период критики источников. На профессиональную сцену он вступил

¹¹ Родился в семье священника. Окончил Московскую духовную академию (1824). В 1831–1835 г. профессор теории изящных искусств и археологии Московского университета. С 1831 г. издавал журнал «Телескоп» с приложением газеты «Молва», в которых сотрудничал В. Г. Белинский. В 1836 г. «Телескоп» был закрыт за опубликование «Философического письма» П. Я. Чаадаева, а Надеждин сослан в Усть-Сысольск, затем Вологду (1836–1838), где стал заниматься историко-географическими и историко-этнографическими исследованиями. С 1848 г. Надеждин – председатель Отделения этнографии Русского географического общества, редактор «Географического вестника» и «Этнографического сборника» (1853).

в период усилившегося интереса к исторической науке и острой полемики между прагматиками и скептиками о принципах, приемах и методах исторической критики.

Н. И. Надеждин значительно расширил круг исторических источников. Что касается летописей, то он показал, что характер русского летописания не был всегда одинаков, а менялся с развитием общества: от начального периода, связанного с Древней Русью, через раздробленность к единодержавию и централизации. Ученый по-новому раскрыл значение произведений устного народного творчества. К фольклору он причислял сказания, сказки, пословицы и песни, утверждая, что от употребления этих источников историческая наука только выиграет, так как это хотя и не серьезное историческое повествование, но и не чистый вымысел. Помимо сказаний и летописей историк признавал важным источником документы, которые он называл дипломатическими, то есть акты, грамоты и другие бумаги. Он ценил их потому, что они достоверны, но достоверность их, по его мнению, относительна и безусловна лишь в отношении самого факта, а не смысла и духа документа. К числу источников Н. И. Надеждин относил и частные свидетельства – рассказы очевидцев о событиях, в которых его привлекала непосредственная связь рассказчика с происходящим.

Помимо истории Н. И. Надеждин уделял большое внимание изучению исторической географии и исторической этнографии. Эти занятия привели его к заключению о важности историко-географического и топонимического материала как исторических источников. Специальное внимание он уделил раскрытию значения топонимики для историко-географического изучения России и исследования проблем расселения.

Необходимо также отметить *классификацию* исторических источников, предложенную ученым. Он делил источники на безгласные (вещественные и археологические) и гласные (словесные отголоски минувшего).

Крупной заслугой Н. И. Надеждина является разработка *принципов исторической критики*.

По мнению ученого, в естественных науках существуют два вида познания: опытное (чувственное) и умозрительное. Но совсем иначе вырабатывается истина в такой науке, как история. Опытное знание здесь достигается путем изучения исторических источников и дополняется умозрением. При этом для исторической критики важно происхождение свидетельств, то есть вопрос в том, имеет ли дело исследователь с источниками намеренными или безнамеренными. В первом случае критике открывается большее поле деятельности, нежели во втором, поскольку на эти сообщения может влиять целый ряд причин, искажающих истину. Во втором же случае нет оснований предполагать умышленный обман со стороны автора.

Принимая традиционное, идущее из XVIII в. деление исторической критики на низшую и высшую, Н. И. Надеждин в то же время считал, что традиционная критика не решает всех стоящих перед историком задач, так как лишь воспроизводит достоверные факты на основе надежных свидетельств. Задачи же исторической критики должны состоять не только в отрицании всего неистинного, но и в утверждении истины. В определенной степени это обеспечивается с помощью низшей и высшей критики источников, которую ученый предложил называть формальной критикой. Но ее следует дополнить критикой факта – реальной критикой. Последняя, по представлению Н. И. Надеждина, предполагает знание и учет:

- общей природы человеческой личности;
- этнографических черт каждого народа;
- влияния времени, когда происходит событие;
- влияния условий внешнего общения.

Установить истину, по словам ученого, можно лишь при совокупном использовании формальной и реальной критики.

Такой подход к задачам исторической критики свидетельствует о том, что в трудах Н. И. Надеждина научное источниковедение в своем развитии поднялось на новый уровень.

С начала XIX в. из-под пера отечественных историков выходят сочинения, посвященные исследованию отдельных видов и групп исторических источников.

Большой интерес продолжают вызывать русские летописи. В работах Й. Добровского и П. М. Строева высказывается мнение о летописях как о своде бывшего в распоряжении летописцев материала, который они подвергли редакции. И. Д. Беляев, изучив состав и содержание Лаврентьевской летописи, показал, что по своему назначению летописи можно разделить на государственные и частные. М. И. Сухомлинов выделил части, заимствованные русскими летописцами из византийских источников, и сравнил русскую летопись со средневековыми западноевропейскими анналами.

Наряду с летописями постоянным предметом прикладного источниковедения становится законодательство. Особое внимание ученых привлекала к себе Русская Правда (И. Ф. Г. Эверс, Э. С. Тобин, А. Н. Попов, Н. И. Ланге). Благодаря изданию Полного собрания законов Российской империи много исследований было посвящено Уложению 1649 г. (В. Строев, Ф. Мирошкин, К. Кавелин и др.). На основе разработки правовых документов предпринимаются первые опыты создания общей истории русского права. Крупными сочинениями такого рода стали труды К. А. Неволлина.

Далеко не во всех национальных научных гуманитарных школах была сформирована самостоятельная дисциплина, объектом изучения которой являются исторические источники. В российской исторической науке уважительное отношение к свидетельствам прошлого, материалам, на основе которых историк строит свои выводы, и понимание того, что они требуют к себе внимательного и глубокого подхода, привело к появлению особой отрасли знаний – источниковедения.

Однако превращение отдельных приемов в работе с историческими источниками в специальную научную дисциплину произошло не сразу. Этот процесс потребовал от историков серьезных интеллектуальных затрат. Главным на этом пути явилось стремление исследователей к установлению надежности сведений, почерпнутых из наблюдений, свидетельств и известий прошлого.

Для дворянских историков-рационалистов XVIII в. главным критерием в определении достоверности исторических сведений был здравый смысл, учитывалась также древность происхождения.

Этому времени принадлежат первые опыты ученых, связанные с характеристикой различных групп исторических источников или, в современной терминологии, их систематизацией. С этой целью учитывались разные критерии: содержание (Татищев), степень пригодности (Щербатов) или достоверности (Болтин). Основными источниками признавались летописи, поскольку взоры исследователей были обращены прежде всего в сторону истории Древней Руси. Вовлекались в научную практику также акты, документы, хронографы, топографические материалы, свидетельства очевидцев.

Важнейшее звено в становлении источниковедения – разработка этапов исторической критики (Болтин и Шлецер). При этом целеполагающими задачами являлись установление первоначального текста и его истолкование на основе методов логического и сравнительного анализа, привлечения данных языка, палеографического изучения и т. д.

Влияние философии на историческую науку сказалось в трудах ученых начала XIX в. Увеличение числа исторических источников, введенных в историческую практику благодаря их упорядочению (в архивах, библиотеках и публикациях), – примета времени. Постепенно в среде историков крепнет понимание того, что историческая критика имеет все основания на самостоятельный научный интерес. Выходят сочинения, посвященные отдельным группам исторических источников. Усиливается внимание к вспомогательным историческим дисциплинам.

Таким образом, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. отечественные историки стремились разработать научный подход к изучению исторических источников с целью выявления достоверных фактов для своих конкретно-исторических построений. Это выразилось прежде всего в собирании источников, их публикации, определении принципов и критериев оценки достоверности, развитии этапов научной критики и выявлении характерных черт вовлеченных в научную практику исторических свидетельств с разработкой приемов их исследования.

Список литературы

Источники

Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории [Электронный ресурс] / И. Н. Болтин. – Град Св. Петра : Императорская Типография, иждивен. И. Глазунова, 1793. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/77466/>.

Болтин И. Н. Примечания на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка. Т. 1–2 [Электронный ресурс] / И. Н. Болтин. – [Б. м.] : Типография Горного Училища, 1788. – Т. 1. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/105322/> ; – Т. 2. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/116136/>.

Калачов Н. В. Об отношении юридических обычаев к законодательству [Электронный ресурс] / Н. В. Калачов. – [Б. м.] : Типография В. Киршбаума, [Б. г.]. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/70478/>.

Калачов Н. В. Программа разработки начал русского гражданского права по Своду законов с его источниками и по судебным решениям [Электронный ресурс] / Н. В. Калачов. – М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1868. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/60521/>.

Калачов Н. В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций [Электронный ресурс] / Н. В. Калачов. – М. : Типография А. Семена, 1846. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/66976/>.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. – М. : Директ-Медиа, [Б. г.]. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/14486/>.

Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Т. 1–12. – М., 2005.

Карамзин Н. М. История государства Российского : репр. воспроизд. 5-го, выпущ. в 3 кн. с прил. «Ключа» П. М. Строева. – Т. 1–12. – М., 1988–1989.

Карамзин Н. М. История государства Российского. – Т. 1–12 [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. – М. : Директ-Медиа, 2010. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/>.

Каченовский М. Т. О баснословном времени в российской истории / М. Т. Каченовский // Ученые записки Московского университета. – 1833. – Ч. 12.

Каченовский М. Т. Об источниках русской истории / М. Т. Каченовский // Вестник Европы. – 1809. – Т. 43.

Каченовский М. Т. Параллельные места в русской летописи / М. Т. Каченовский // Вестник Европы. – 1809. – Т. 47.

Ломоносов М. В. Древняя Российская История от начала Российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого, или до 1054 года [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов. – М. : Директ-Медиа, 2010. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/56667/>.

Ломоносов. М. В. Записки по русской истории / М. В. Ломоносов. – М., 2003.

Ломоносов М. В. Записки по русской истории [Электронный ресурс] / М. В. Ломоносов. – М. : Директ-Медиа, [Б. г.]. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/38829/>.

Ломоносов М. В. Избранные труды / М. В. Ломоносов. – М., 1996.

Ломоносов : Краткий энциклопедический словарь / Музей М. В. Ломоносова РАН ; ред.-сост. Э. П. Карпеев. – СПб., 2000.

Миллер Г. Ф. Избранные труды / Г. Ф. Миллер. – М., 2006.

Миллер Г. Ф. Известие о дворянах российских [Электронный ресурс] / Г. Ф. Миллер. – СПб. : Типография Рахманинова, 1790. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98489/>.

Миллер Г. Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах [Электронный ресурс] / Г. Ф. Миллер. – М. : Университетская типография, 1846. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98466/>.

Миллер Г. Ф. История Сибири [Электронный ресурс] / Г. Ф. Миллер. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. – Т. 1. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/45195/>; – Т. 2. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/45197/>.

Миллер Г. Ф. Материалы для истории Императорской Академии Наук [Электронный ресурс] / Г. Ф. Миллер. – Т. 6. История Академии Наук (1725–1743). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1890. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/106844/>.

Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших [Электронный ресурс] / Г. Ф. Миллер. – СПб. : [Б. и.], 1773. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98468/>.

Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России : Избранное / Г. Ф. Миллер ; сост., статья А. Б. Каменского. – М., 1996.

Михайло Ломоносов. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем. – М., 1989.

Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – СПб., 1837. – Т. 20.

Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – СПб., 1837. – Т. 20.

Погодин М. П. Историко-критические отрывки. Кн. 1 [Электронный ресурс] / М. П. Погодин. – М. : Типография Августа Семена, 1846. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/100005/>.

Погодин М. П. Историко-критические отрывки. Кн. 2 [Электронный ресурс] / М. П. Погодин. – М. : Синодальная типография, 1867. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/100006/>.

Погодин М. П. Источники для удельного периода русской истории [Электронный ресурс] / М. П. Погодин. – Одесса : Городская типография, 1848. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/68322/>.

Погодин М. П. Начертание русской истории [Электронный ресурс] / М. П. Погодин. – М. : Университетская типография, 1837. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/100008/>.

Погодин М. П. Нестор, историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей [Электронный ресурс] / М. П. Погодин. – [Б. м.]: Университетская типография, [Б. г.]. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/100009/>.

Татищев В. Н. Избранные труды / В. Н. Татищев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Б. Каменский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Татищев В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М. ; Л., 1962–1968.

Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ [Электронный ресурс] / В. Н. Татищев. – М. : Университетская типография (М. Катков), 1887. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/72666/>.

Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. / В. Н. Татищев. – Репринт с изд. 1965–1966 гг. – М., 1994–1996.

Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке : [в 3 частях] / Сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером, надворным советником, доктором и профессором Геттингского университета и кавалером ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени. – СПб., 1809–1819.

Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная [Электронный ресурс] / А. Л. Шлецер. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1875. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/69553/>.

Щербатов М. М. Избранные труды / М. М. Щербатов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. А. Радищев. Путешествие [Электронный ресурс]. London : Trubner&Co, 1858. – Режим доступа: <http://www.biblio-club.ru/book/70619/>.

Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые скрытые и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на историю древней и нынешней России, г. Леклерка [Электронный ресурс] / М. М. Щербатов. – М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1789. – Режим доступа: <http://www.biblio-club.ru/book/106063/>.

И с с л е д о в а н и я

Астраханский В. С. «История Российская» В. Н. Татищева: опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий : сб. науч. статей / В. С. Астраханский. – М., 1993.

Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики (Летописцы России): Татищев, Щлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг / К. Н. Бестужев-Рюмин. – М., 1997.

Древнерусские письменные источники X–XIII вв. – М., 1991.

Историография истории России до 1917 года : в 2 т. – М., 2004.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л., 1947.

Муравьев В. Николай Карамзин / В. Муравьев. – М., 2005.

Нечипоренко Ю. Д. Помощник царям. Жизнь и творения Михаила Ломоносова / Ю. Д. Нечипоренко. – М., 2011.

Павленко Н. И. Древняя русская история до монгольского ига : в 2 т. / Н. И. Павленко. – М., 1999.

Павленко Н. И. Михаил Погодин / Н. И. Павленко. – М., 2003.

Павлова Г. Е. Михаил Васильевич Ломоносов, 1711–1765 / Г. Е. Павлова. – М., 1988.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Л., 1940.

Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Период феодализма / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д, 1989.

Смирнов А. Ф. Николай Михайлович Карамзин / А. Ф. Смирнов. – М., 2005.

Советское источниковедение Киевской Руси : Историографический очерк. – Л., 1976.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод / В. В. Фарсобин. – М., 1983.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков / Л. В. Черепнин. – М. ; Л., 1948–1950. Ч. 1–2.

Шакинко И. М. В. Н. Татищев / И. М. Шакинко. – М., 1987.

Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли. И. Н. Болтин / Д. Н. Шанский. – М., 1983.

Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. / А. Л. Шапиро. – М., 1993

Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1978.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М., 1983.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А. Х. Элерт. – Новосибирск, 1990.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород / В. Л. Янин. – М., 1977.

Глава 2

История источниковедения во второй половине XIX – начале XX в.

В русской исторической науке в середине 1840-х гг. совершается методологическая революция, в результате которой отечественные историки осваивают новые философские идеи и подходы к историческим изысканиям. Благодаря трудам ученых второй половины XIX в. С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, Д. Я. Самоквасова, С. Ф. Платонова и других происходит становление источниковедения как самостоятельной отрасли научного знания.

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879)¹² в специфике исторической жизни народа видел результат реальных географических, этнографических и исторических условий жизни. Нравственные силы народу, с его точки зрения, давали христианство, созидательная роль государства и просвещение.

Первые труды историка появились в печати на рубеже 40–50-х гг. XIX в. Главный труд С. М. Соловьева – «История России с древнейших времен». Уже в предисловии к первому тому ученый сформулировал принцип, которым должна руководствоваться историческая наука: «...не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений... не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараясь объяснить каждое явление из внутренних причин».

«История России» основана на широком привлечении и использовании практически всех известных к тому времени историчес-

¹² Родился в Москве в семье священника. В 1837–1842 гг. учился в Московском университете, где испытал влияние Т. Н. Грановского и философии Г. Гегеля. 1842–1844 гг. провел за границей домашним учителем детей графа А. Г. Строганова. Слушал лекции Ф. Гизо и Ж. Мишле в Париже, Л. Ранке в Берлине, Ф. Шлосера в Гайдельберге. В 1845 г. приступил к чтению университетского курса по русской истории и закончил магистерскую диссертацию, в 1847 г. – докторскую, с 1847 г. профессор Московского университета, с 1872 г. – академик.

«Из всего многообразия наследия С. М. Соловьева наибольшей известностью пользуется 29-томная “История России с древнейших времен”. <...> Изложение событий внутренней жизни России в 29-м томе доведено до 1775 г., а в области дипломатических отношений – до 1780 г. <...> Начиная с 1851 г. и вплоть до конца жизни Соловьев ежегодно публиковал очередной том своего понимания исторического развития Отечества. <...> По рекомендации С. Г. Строганова Соловьев в 1859–1863 гг. учил истории цесаревича Николая Александровича, позднее и его младшего брата, будущего императора Александра III. <...> Последние годы жизни Соловьев был председателем Общества истории и древностей российских. В 1871–1877 гг. он был ректором Московского университета. Много сил у него отнимала борьба за сохранение академических свобод и университетского устава 1863 г., которая привела к столкновению с Министерством народного образования. В зените славы он ушел в отставку. В 1876 г. министр просвещения Д. А. Толстой отклонил прошение коллег Соловьева о праздновании 25-летия научной деятельности ученого. Тем не менее оно состоялось» (Историография истории России до 1917 года: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 315, 330–331).

ких материалов. Ученый подчеркивал, что историку следует со вниманием относиться буквально ко всем источникам: анекдотам о государях, о дворах, известиям о том, что было сказано одним министром, что думал другой. Обилие использованных источников – отличительная черта его трудов.

Одним из первых среди историков С. М. Соловьев привлек в качестве источника духовные и договорные грамоты князей как свидетельства проявления княжеской власти. Если его предшественники искали в актах лишь иллюстрацию к выводам, установленным по иным документам, то С. М. Соловьев использовал их как основной источник для решения важнейших проблем отечественной истории. Так, по духовным и договорным грамотам Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана IV он прослеживает этапы процесса складывания государственных отношений.

Изложение событий политической истории до XVI в. строилось ученым на основании летописей, преимущественно поздней Никоновской. Согласно его характеристике, летописи представляют собой первые на Руси «памятники собственно исторического содержания». Возникновение летописей историк относил примерно к XI в. Вопреки общепризнанному мнению его учителя М. П. Погодина о том, что летописи писались при княжеских дворах, С. М. Соловьев доказывал, что они создавались в условиях монастырей. В целом историк относился к летописям с доверием, считая, что установление точных и достоверных данных об исторических фактах обеспечивает тщательный текстологический анализ летописных списков и их согласование. Приемы определения достоверности основывались на его собственных знаниях о событиях и взглядах на исторический процесс. В отдельных случаях ученый старался понять личные, религиозные и политические мотивы, которыми руководствовался летописец. Произведения устного народного творчества он анализировал с целью поиска ответов на вопросы о быте и нравах Древней Руси.

Наряду с летописями, сказаниями и легендами С. М. Соловьев неоднократно обращался к законодательным материалам. В поле его внимания оказались уставные и судные грамоты, судебники

Ивана III и Ивана IV и другие законодательные документы второй половины XVI – первой половины XVIII в. Особенно подробно он рассмотрел Русскую Правду, характеристика которой представляет собой самостоятельное научное исследование. Прежде всего, ученый сделал вывод о ее славянском происхождении и слабом влиянии на содержание документа скандинавского элемента. Текст Русской Правды историк использовал, выясняя положение представителей разных групп древнерусского общества, а также изучая правовые отношения – судоустройство и судопроизводство.

С. М. Соловьеву принадлежит заслуга в значительном расширении источниковой базы исторической науки за счет впервые вводимых в научный оборот документов текущего делопроизводства XVII–XVIII вв. С середины 40-х гг. XIX в. историк почти ежедневно работал в архивах. Он тщательно изучил материалы Московского архива Министерства иностранных дел, Московского архива Министерства юстиции, Московского отделения архива Главного штаба, рукописных собраний Румянцевской библиотеки. Введение в исследовательскую практику делопроизводственных документов потребовало разработки методов их изучения. С. М. Соловьев предложил некоторые способы установления датировок, сопоставления редакций, отбора из их числа наиболее достоверных, определил приемы исследования источников с учетом особенностей эпохи, учреждений и лиц, с которыми связано их появление.

Использовал в своих исследованиях С. М. Соловьев и мемуары русских и иностранных государственных деятелей XVIII в. (Я. П. Шаховского, Б. К. Миниха, Екатерины II, Фридриха II и др.). Внимание ученого привлекали также литературные памятники. Он ввел в научную практику, тщательно проанализировал и оценил источниковое значение большого числа литературных произведений XI – первой половины XVIII в.

Что касается критического подхода к источникам, то он слабо выражен в работе С. М. Соловьева. Основной прием, используемый им, – пересказ или обширное цитирование содержания документов. Подробно и точно пересказывая источник, ученый стремился создать впечатление объективности в подходе к историческим

фактам. Однако выборочный подход к свидетельствам не помог избежать введения в научный оборот ненадежных исторических источников.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897)¹³ в 60–70-е гг. XIX в., когда во главе московских историков стоял С. М. Соловьев, возглавлял кафедру русской истории Петербургского университета.

В 1872 г. профессор К. Н. Бестужев-Рюмин опубликовал первый том «Русской истории», во введении к которому изложил свои взгляды на философию истории. Его интерпретация способов разработки и осмысления истории свидетельствует о том, что историку была близка философия истории Г. Гегеля и его диалектика. Создавая свой труд, ученый видел задачу в том, чтобы ввести будущих историков в мир профессионального мастерства, открыв им глубины источниковедческого и историографического знания.

Историк не принимал «прагматической историографии», то есть такого способа воспроизведения исторических событий, которые преследуют цель воспитать читателя. Рассуждениям о пользе истории, характерным для европейской науки XIX столетия, он противопоставил пафос научной объективности. Свою объективность и истину К. Н. Бестужев-Рюмин искал в историческом источнико-

¹³ Родился в Нижегородской губернии в дворянской семье. В 1851 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1865 г. профессор на кафедре русской истории Петербургского университета, с 1890 г. академик. В 1878–1882 гг. возглавлял Высшие женские курсы в Петербурге. Член Археологической комиссии, Русского географического общества, Петербургского славянского комитета.

«После окончания Московского университета и до прихода на кафедру Петербургского университета занимался журналистской деятельностью. В 1855–1859 гг. был помощником редактора “Московских ведомостей”. <...> С 1850 по 1864 г. работал в журнале “Отечественные записки”. В 1864 г. Бестужева-Рюмина пригласили преподавать русскую историю в царской семье. <...> Он давал уроки будущему императору Александру III. <...> Своим учителям – Павлу Ивановичу Мельникову, Тимофею Николаевичу Грановскому, Петру Николаевичу Кудрявцеву, Сергею Михайловичу Соловьеву и Константину Дмитриевичу Кавелину благодарный К. Н. Бестужев-Рюмин посвятил второй том основного труда – “Российской истории”» (Историография истории России до 1917 года: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 374–375).

ведении. Не случайно он стал автором первого обзора исторических источников, относящихся к истории России до 1825 г., обратившим внимание на особенности их изучения.

Под *историческим источником* ученый понимал «все то, откуда черпается сообщаемое сведение об историческом прошлом», но из этого понятия он исключал литературные пособия, то есть исторические труды. К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что собранные и систематизированные сведения об исторических фактах, содержащиеся в источниках, если последние надежны, вполне могут отразить ход исторического процесса. Предварительную работу с источниковым материалом историк называл *исторической критикой*.

Свою концепцию работы с историческими источниками российский историк обосновал в статье «Методы исторического исследования», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1886 г. как рецензия на книгу английского ученого Э. Фримена «Методы изучения истории». Отмечая несистемный подход английского коллеги к методологии истории, К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркивал необходимость систематического обзора всех разновидностей источников и цельной характеристики основ исторической критики. По-разному ученые представляли цели изучения источников. Э. Фримену такие изыскания были необходимы, чтобы найти ошибки в чужом изложении, К. Н. Бестужеву-Рюмину – для целостного, общего представления обо всех источниках. Суть этой заочной полемики – в отношении историков, принадлежащих разным национальным школам, к роли и месту исторического источника в конкретно-исторических изысканиях. Русские историки видели в работе с источниками не только подготовительный, вспомогательный, незавершенный этап работы исследователя, предвещающий собственно конкретно-историческое построение (характерный подход для западной историографии). Они находили в изучении исторического свидетельства завершенность научного исследования, где источник имеет самостоятельную ценность и может выступать полноценным объектом научной практики. В письме одному из своих учеников К. Н. Бестужев-Рюмин

замечал: «Я вообще того мнения, что исследование источников – лучшая тема магистерской и даже докторской...»

Особое внимание к изучению и критике исторических источников нашло отражение в ряде работ К. Н. Бестужева-Рюмина, прежде всего в монографии «О составе русских летописей до конца XIV века», которая посвящена возникновению и развитию древнего русского летописания.

К. Н. Бестужев-Рюмин не ограничивался характеристикой отдельных групп исторических источников и особенностей их изучения. Он сформулировал и общие задачи, принципы и методы *научной критики источников*. С его точки зрения, ценность исторического труда зависит от того, насколько исследователь владеет источниками. Прежде всего историк должен установить внешнюю достоверность свидетельства. С этой целью следует определить, оригинал или копия имеется в его распоряжении. В числе источников могут быть переводы, записанные позже поверья и предания. В таком случае надо выяснить, к какой эпохе они относятся. В решении задач внешней критики необходимо опираться на филологические приемы работы с текстами, из которых собственно и произошла историческая критика. Затем исследователь должен перейти к установлению внутренней достоверности. К. Н. Бестужев-Рюмин ставил четкую грань между этими этапами работы, не видя их тесной взаимосвязи. Для установления внутренней достоверности источника следует изучить личность автора, его социальное положение, обстоятельства, в которых он находился, и на основе этих данных определить, имел ли он возможность передать достоверные сведения и какова при этом была его цель.

К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что для успешного решения задач научной критики источников историк должен обладать обширными познаниями в области филологических, юридических, естественных наук, а также археологии, палеографии, дипломатики, сфрагистики и других вспомогательных исторических дисциплин.

В 1870–90-е гг. господствующее положение в методологии истории занимали идеи позитивизма. Они оказали определенное

влияние на научное творчество **Василия Осиповича Ключевского** (1841–1911)¹⁴.

Путь к профессиональному мастерству историк видел через научную добросовестность, поиск «следов» прошедших явлений и событий, привлечение надежных источников, выработку действенной методики.

В. О. Ключевскому принадлежала выдающаяся роль в разработке многих конкретных исторических проблем и создании научного метода в истории. Он подошел к изучению истории России с позиций взаимосвязи и взаимовлияния трех главных факторов – личности, природы и общества.

Первые исследовательские работы будущего ученого носили источниковедческий характер. В последний год пребывания на студенческой скамье в Московском университете он написал дипломное сочинение «Сказания иностранцев о Московском государстве», опубликованное в журнале «Известия Московского университета». В течение шести лет работал историк над книгой «Древнерусские жития святых как исторический источник», защищенной на магистерском диспуте в 1872 г., в результате чего он получил ученую степень магистра русской истории. В работе упоминается 670 списков агиографических памятников из 321 рукописного сборника. Это уже был крупный источниковедческий опыт. Проанализировав эволюцию русского житийного жанра, автор предложил классификацию житийных сочинений.

Разработкой методов исторического исследования В. О. Ключевский занимался на протяжении всей своей научной деятельности, но специальное внимание уделил им после того, как накопил

¹⁴ Родился в семье сельского священника в Пензенской губернии. Отказался от духовной карьеры. В 1865 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1867 г. начал преподавательскую деятельность (Александровское военное училище, Московская духовная академия, Высшие женские курсы). В 1872 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1882 г. – докторскую, с 1879 г. доцент, с 1882 г. профессор русской истории Московского университета, с 1889 г. член-корреспондент Академии наук, с 1900 г. академик. С 1880-х гг. член Московского археологического общества, Общества любителей российской словесности, Общества истории и древностей российских.

огромный опыт творческой работы, то есть с 80-х гг. XIX в. В самом начале 80-х гг. ученый начал читать в Московском университете общий курс по истории России. Его он вел и раньше, на Высших женских курсах, но теперь значительно расширил. Во введении он впервые изложил свое понимание хода истории человеческого общества, свой взгляд на метод ее изучения. В последующих главах историк дал подробную характеристику важнейших исторических источников. В этот же период он начал вести в университете источниковедческие семинары по Русской Правде и Псковской судной грамоте, с 1884 г. читал курс по методологии истории, с 1885 г. – по терминологии русской истории, а с 1888 г. – по источниковедению. Последний вошел в отечественную историографию как первый специальный курс лекций по источниковедению.

Способы, с помощью которых ведется историческое исследование, В. О. Ключевский называл *исторической критикой* и видел в ней несколько этапов: критика источников, критика прагматическая и критика высшая, устанавливающая связь между историческими событиями.

Методологическая позиция и сформулированные В. О. Ключевским задачи и методы исторического исследования легли в основу его подхода к некоторым теоретическим вопросам исторической науки, в том числе к определению понятия *«исторический факт»*. В отличие от своих предшественников и современников, толковавших исторический факт только как конкретное событие, историк представлял его как более широкую категорию – идеи, взгляды, чувства, определенные состояния материальной и духовной жизни общества.

В. О. Ключевский придавал важнейшее значение разработке методов изучения источников. *Историческую критику* он определял как «общую методику предварительной обработки исторических источников», а ее задачу видел в «очистке исторического источника от портящих его примесей с целью сделать его годным к научному употреблению».

Ученый определял *источники исторических знаний* как письменные и вещественные памятники, в которых «отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ».

Исходя из указанного определения исторических источников, историк предложил их *классификацию*. Прежде всего он разделил источники на два главных разряда:

- 1) остатки жизни и деятельности людей (памятники);
- 2) наблюдения современников (воспоминания).

Каждый разряд далее он делил на группы: акты, деловые бумаги относил к памятникам, а летописи, сказания – к воспоминаниям.

Вкладом В. О. Ключевского в развитие источниковедения стало представление о том, что каждая разновидность исторических источников требует специфических приемов их изучения и особых знаний.

По мнению В. О. Ключевского, *историческая критика источников* должна включать в себя два этапа.

Во-первых, это «предварительная расчистка и разборка исторического источника», «критика текстов», в задачу которой ученый включал интерпретацию и реставрацию текста. Интерпретация текста достигается при помощи филологической критики и состоит из правильной разбивки древнего текста на слова и фразы, а также изучения лексики той эпохи, к которой принадлежит изучаемый источник. Реставрация – это решение текстологических проблем с целью восстановления первоначального варианта текста: например, выяснение источников летописи, восстановление хронологической и внутренней исторической связи событий, выявление искажений, внесенных переписчиками. Кроме того, на первом этапе должны решаться и другие вопросы, такие как: установление времени возникновения источника, выяснение имени его автора, определение круга источников, которыми он пользовался.

Второй этап исторической критики источников, согласно В. О. Ключевскому, представляет собой «критику фактов». Собрав все источники по интересующему его вопросу, исследователь должен прежде всего оценить, насколько они богаты или бедны сведениями. Затем он обращается к анализу содержания источников. При этом ученый исходит из того, что все остатки исторических

фактов, если установлена их подлинность, в критике достоверности содержащихся в них сведений не нуждаются. К числу таких источников он относит все вещественные памятники, а из письменных – юридические документы, акты, писцовые книги. Иной подход необходим, по мнению ученого, при изучении повествовательных источников. Историк должен прежде всего выявить все содержащиеся в них сведения, а затем установить, как позиция автора влияет на степень достоверности изложенных в источнике фактов. В. О. Ключевский применял этот метод к изучению житий святых и летописей, но пришел к выводу, что авторская позиция в них выражена слабо, в отличие, например, от повестей и сказаний о Смуте.

Благодаря трудам С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина и В. О. Ключевского интерес к источникам как к объекту специального изучения в связи с усложнением задач, стоящих перед исторической наукой, значительно возрос.

В последней трети XIX в. можно выделить два направления исследований, связанных с историческими источниками: характеристика и подробные обзоры их основных разновидностей, а также дальнейшее развитие научной критики.

Характеристике исторических свидетельств уделил внимание в своей работе **Михаил Осипович Коялович** (1828–1891)¹⁵. Его научные взгляды формировались в 50-е гг. XIX в., когда шла борьба между западниками и славянофилами. Он встал на сторону последних. В своем основном труде «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) М. О. Коялович поставил перед собой задачу проследить историю развития русского самосознания. Первую часть своей книги ученый посвятил тщательному разбору источников, которые он делил на пять групп: летописи; акты государственные, общественные и частные; сочинения иностранных писателей; опыты прагматического изложения истории (народная поэзия, легенды, былины); документы текущего делопроизводства и канцелярий.

¹⁵ Российский историк, археограф, сын священника Гродненской губернии. В 1855 г. окончил Петербургскую духовную академию, с 1862 г. – ее профессор. Придерживался славянофильских взглядов.

Подробный и систематический обзор важнейших источников по русской истории осуществил другой ученый – профессор Харьковского университета **Дмитрий Иванович Багалей** (1857–1932)¹⁶. Его научная деятельность началась в 80-е гг. XIX в., а основные интересы сосредоточились вокруг истории слободской и степной Украины. Наряду с этим с конца 1880-х гг. он читал в Харьковском университете спецкурс по русской историографии, который впоследствии опубликовал. Эта книга включала также материал, который мы сегодня относим к источниковедению. Источниковедческой части автор отводит вводную роль. Здесь историк подробно освещает историю собирания и издания исторических материалов начиная с периода Киевской Руси, а также дает характеристику важнейших источников и их групп. Наиболее подробно в книге Д. И. Багаля рассмотрены летописи, а также изучены хронографы, житийная литература, актовые документы, наблюдения иностранцев, записки и мемуары русских людей.

Содержательную работу, посвященную как вопросам систематизации, так и научной критики источников, опубликовал в 1884 г. профессор Киевского университета **Федор Яковлевич Фортинский** (1846–1902)¹⁷. Работа называлась «Опыт систематической

¹⁶ Историк, общественный деятель, организатор науки. Получил образование в Киевском университете, окончив историко-филологический факультет. С 1883 г. приват-доцент Харьковского университета, после защиты докторской диссертации – профессор. Одновременно с 1883 г. заведовал Харьковским историческим архивом. Ректор Харьковского университета в 1906–1910 гг. Член Государственного совета в 1906 и 1910–1914 гг. В 1914–1917 гг. городской голова г. Харькова. Академик АН УССР (1918). Один из основателей отделения истории и филологии Украинской АН. В 1922 г. основал в Харькове научно-исследовательскую кафедру истории Украины, Институт истории украинской культуры, Институт по изучению творчества Т. Г. Шевченко. В 1923–1925 гг. руководитель центрального архивного управления УССР.

¹⁷ Родился в Рязанской губернии, сын сельского священника. Среднее образование получил в Рязанском духовном училище и Рязанской семинарии. Обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1865–1869). Оставлен в университете по кафедре всеобщей истории. Выезжал для работы с источниками в Дрезден. В 1872 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1877 г. – докторскую. Доцент Киевского университета с 1872 г. В 1874–1876 гг. занимался в Геттингенском университете. С 1877 г. экстраординарный профессор Киевского

обработки исторической критики». Ученый отмечал, что критическое отношение к истории как в Западной Европе, так и в России утвердилось лишь во второй половине XIX в. Задача исторической критики, по мнению Ф. Я. Фортинского, заключалась в том, чтобы уметь выделить из источника достоверные факты и на их основе воспроизвести события прошлого.

Все исторические источники историк делил на три группы: писанные (письменные), устные (предания) и вещественные. О критике вещественных памятников ученый говорил кратко. По его мнению, археолог должен определить, подлинный ли это предмет, что он означает и для чего использовался.

Столь же кратко Ф. Я. Фортинский писал о критике преданий. Он полагал, что безусловного внимания заслуживают те из них, которые сообщают о крупных событиях и не опровергаются письменными источниками. При этом он считал, что даже вполне достоверные предания могут содержать детали, которые являются вымыслом и фантазией.

К числу письменных источников Ф. Я. Фортинский относил официальные документы прошлого и свидетельства о нем, оставленные людьми. Содержание документов, по его мнению, как прямых остатков прошлой жизни людей, не нуждается в критическом анализе, а достоверность свидетельств современников подлежит проверке.

Историческая критика, по характеристике ученого, состоит из двух этапов: критика текстов (установление их подлинности) и критика фактов (определение достоверности). Как позитивист он проводил четкую грань между этими этапами.

С 1873 г. стали выходить в свет научные труды профессора Варшавского и Московского университетов **Дмитрия Яковлевича Самоквасова** (1843–1911)¹⁸. Основные его интересы сосредоточились на исследовании общей истории России и истории русского права.

университета, с 1878 г. ординарный профессор, в 1887–1890 гг. декан историко-филологического факультета, в 1890–1902 гг. ректор Киевского университета. Преподавал на Киевских женских курсах в 1878–1888 гг.

¹⁸ Российский археолог и историк права. С 1877 г. профессор русского права в Варшавском университете, с 1894 г. – в Московском университете. Управляющий Московским архивом Министерства юстиции с 1892 г.

Первой работой Д. Я. Самоквасова, посвященной источникам, была статья «О методе ученой разработки исторических источников». В ней на основе изучения главным образом русских летописей решались некоторые проблемы исторического источниковедения. Так, первой задачей при изучении источников сводного характера историк считал восстановление первоначального текста на основе сопоставления различных списков. Затем необходимо восстановить первоначальный смысл текста каждого источника, то есть провести его истолкование. Эта задача выдвигалась еще историками XVIII в., но Д. Я. Самоквасов дал ей развернутое обоснование. Он отмечал, что древние понятия резко отличаются от современных и поэтому часто толкуются неправильно, когда старинным словам и выражениям придается смысл в соответствии с новым языком, вследствие чего искажается подлинное значение исторического свидетельства. Чтобы восстановить понятие, выявить соответствие древних и современных слов, необходимо сопоставление различных свидетельств как одного, так и нескольких источников, где эти слова используются.

Свои взгляды на методы исследования исторических источников Д. Я. Самоквасов пытался применить к изучению законодательных документов. Итоги многолетних занятий ученого в этой области были подведены им в опубликованных в 1896 г. трех выпусках «Исследований по истории русского права». В этой работе историк прежде всего ставил вопрос о том, что следует считать источником права. Он значительно шире, чем многие современные ему юристы, истолковывал понятие источника права как средства познания. Ученый делил эти источники на общие (летописные указания на нравы, общественный строй и политические события, вещественные памятники, архаические следы в современном быте и т. п.) и специальные (акты и сборники обычных и законодательных правил или норм, сохранившиеся в летописях, литературных сборниках или официальных кодексах).

Ученый также разработал этапы изучения источников права. Первый этап – догматическое изучение источников права всех исторических эпох с целью определения их содержания. Второй – критическое изучение содержания сохранившихся памятников

с целью определения исторической достоверности каждого памятника в целом и отдельных его частей. Третий – хронологическое распределение достоверных памятников по историческим эпохам. Четвертый – экзегетическое изучение содержания памятников русского права с целью определения взаимной связи между ними, истинного смысла текстов и значения каждого из них как средства познания права данной исторической эпохи или данных эпох.

Как и другие ученые-позитивисты, свой метод Д. Я. Самоковцов называл «методом положительной науки», в рамках которого единственными средствами научного познания являются опыт и наблюдение.

Сергей Федорович Платонов (1860–1933)¹⁹ принадлежал к числу наиболее крупных русских ученых конца XIX – начала XX в.

¹⁹ «Родился в Чернигове... в семье заведующего губернской типографией. <...> Согласно семейным преданиям, предки Сергея Федоровича были крестьянами. <...> Учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. <...> В 1883 г. в возрасте 23 лет... начал читать лекции по русской истории на Высших женских курсах. <...> В 1884–1889 гг. он также преподавал историю и русский язык в Петровском училище Санкт-Петербургского купеческого общества, с 1886 по 1891 г. читал лекции по русской истории XVIII–XIX вв. в университетском классе императорского Александровского лицея. <...> За защиту в 1888 г. магистерской диссертации был удостоен Уваровской премии Академии наук. Осенью 1890 г., в возрасте 30 лет... избран экстраординарным профессором кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета. В этом же году он становится членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, а также редактором “Журнала Министерства народного просвещения”. <...> С 1899 г. – ординарный профессор Санкт-Петербургского университета. <...> С 1900 по 1905 г. – декан историко-филологического факультета университета. <...> В разное время его учениками были такие видные историки, как Б. Д. Греков, А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский, П. Г. Любимиров, Н. П. Павлов-Сильванский и др. <...> В 1903 г. Платонов возглавил только что созданный женский Педагогический институт, директором которого он был до 1916 г. В 1895–1902 гг. был приглашен преподавать русскую историю великим князьям. <...> Избран в 1909 г. членом-корреспондентом российской Академии наук. <...> После 1917 г. председатель Археологической комиссии (1918–1929), заведующий Петроградским отделением Главархива (1918–1923), директор Археологического института (1918–1923)... с 1920 г. – действительный член Академии наук... с 1925 г. – директор Пушкинского дома и Библиотеки Академии наук. <...> Арестован в январе 1930 г. по “Академическому делу”, получил 5 лет ссылки в Самару, где скончался в январе 1933 г.» (Историография истории России до 1917 года: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 239–241).

Чисто источниковедческим исследованием является его труд «Древнерусские сказания и повести о “Смутном времени” XVII в. как исторический источник», представленный в качестве магистерской диссертации, а затем дважды изданный в 1888 и 1913 гг. Источниковедческий характер имеет работа «Обзор источников русской истории летописного типа» (1905). Подробную характеристику многих источников содержат «Лекции по русской истории», выдержавшие за 1894–1917 гг. десять изданий.

Изучая «Смутное время» по сказаниям и повестям, С. Ф. Платонов применил к ним методы исторической критики, часть которых разработал самостоятельно. Для науки представляют большой интерес использованные им в ходе исследования способы датировки источников по косвенным данным, методы их идентификации (установление имени и социальной принадлежности автора), выяснение подлинности или поддельности, а также определение источников сведений, содержащихся в изучаемых им сказаниях и повестях.

Поскольку многие из сказаний и повестей имели сводный характер, он стремился определить состав каждого списка, происхождение отдельных его частей, соотношение сохранившихся редакций и прочие текстологические вопросы. Анализ источников историк осуществил в хронологическом порядке, показывая развитие идей о Смуте на протяжении XVII столетия.

В поисках сказаний о Смуте С. Ф. Платонов обнаружил ранее неизвестные «Временник» дьяка Ивана Тимофеева и мемуары князя Ивана Хворостинина. Большой заслугой ученого было то, что он опубликовал выявленные источники. «Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени» и в наши дни используются историками.

Проблем работы с источниками С. Ф. Платонов касался в своих учебных курсах: «Лекции по русской истории» и «Обзор источников русской истории летописного типа». Эти труды ученый начинает с определения понятия истории как науки, ее задач и методов:

История есть наука, изучающая конкретные факты... главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества... Чтобы дать научную, точную и художественно цельную картину какой-либо эпохи... или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами...

История каждого народа складывается из трех основных частей: 1) из суммы проверенных фактов, относящихся к быту и процессу народной жизни, 2) из суммы приемов, при помощи которых мы добываем эти факты, и 3) из суммы источников, откуда добываем эти факты знанием.

К числу *исторических источников* С. Ф. Платонов относил «всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание». Всю массу свидетельств ученый делил на две основные категории (*классификация*): памятники литературного типа и документы юридического характера. К первой группе он относил летописи, хронографы, сказания и повести литературного и публицистического характера, жития святых и повествования о чудесах, сочинения иностранных авторов о России; ко второй – все документы законодательного и административного характера. Из первой группы источников С. Ф. Платонов особенно подробно останавливался на летописях, предлагал их классификацию по разрядам и изводам. Все юридические документы ученый также подверг научной группировке, выделив:

1) государственные акты (договорные грамоты, духовные грамоты великих и удельных князей, Русская Правда, судебники, Кормчая книга – церковное законодательство);

2) административные грамоты;

3) челобитные;

- 4) памятники народного быта;
- 5) документы судопроизводства;
- 6) приказные, писцовые, переписные, кормленные, разрядные книги.

С. Ф. Платонов сформулировал свои взгляды на *задачи и приемы критики исторических источников*. Как и другие историки-позитивисты, он делил работу с источниками на *внешнюю* и *внутреннюю критику*. Между этими этапами ученый видел четкую грань: сначала надо изучить все внешние данные об источнике, а затем анализировать его содержание. Главной задачей внешней критики источника он определил установление подлинности. Внутренняя критика связывалась с определением достоверности сообщаемых фактов, на которую в числе прочих факторов может влиять личность автора свидетельства. Поэтому к приемам внутренней критики исторического источника относится исследование личности создателя источника, выяснение его целей и обстоятельств, при которых возникло то или иное известие.

«Школа Платонова» ориентировала его учеников и последователей на конкретное изучение и объективный анализ источников, выяснение закономерностей исторического процесса.

Основные научные интересы **Владимира Степановича Иконникова** (1841–1923)²⁰ были связаны с проблемами историографии и источниковедения. В 1891–1892 гг. был опубликован первый том его сочинения «Опыт русской историографии», где рассматриваются проблемы методологии истории, освещается история собирания, хранения, издания материалов по русской истории и состояние архивного дела в стране, дается подробная характеристика важнейших, по мнению автора, источников.

Одно из центральных мест в труде В. С. Иконникова занимает проблема *исторической критики*. Рассматривая ее значение

²⁰ Российский историк, профессор Киевского университета с 1870 г., академик Петербургской АН с 1914 г. и Украинской АН с 1920 г. Окончил Киевский университет (историко-филологический факультет) в 1865 г. С 1868 г. преподавал там же. Один из создателей Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете (1872) и Киевских высших женских курсов (1879).

и задачи, историк демонстрирует позитивистский подход. Поскольку любой исторический источник по разным причинам дает не всегда достоверные и полные сведения об историческом факте, В. С. Иконников ставит вопрос о том, как должны относиться к источникам историки. Как и многие современные ему историки, В. С. Иконников выделяет в научной исторической критике два самостоятельных подхода.

Первый – это критика низшая, критика текстов. В ее задачи входит выяснение подлинности источника, установление времени и места его появления, имени автора. Последнее необходимо для того, чтобы разобраться в психологии автора и собрать о нем сведения, влияющие на достоверность источника. К первой части критики относится также истолкование содержания источника, неясных или древних слов и выражений.

Решив все задачи внешней критики источников, исследователь переходит ко второй части – критике внутренней, или высшей, которая ставит своей задачей определить достоверность и точность сообщаемых исторических фактов. С этой целью необходимо прежде всего установить, мог ли автор источника знать факты, о которых говорит. Для этого надо использовать данные внешней критики и определить, был ли автор очевидцем описываемых событий. Затем необходимо проверить точность сообщаемых в документе фактов, сопоставив их с данными других источников, далее выяснить, насколько искренен автор в своих показаниях, и если он пристрастен, то почему и какими способами пытается склонить на свою сторону читателя.

Далее В. С. Иконников, рассуждая об исследовательской работе историка, выделил три последовательных этапа. Первый из них ученый связал со сбором и описанием фактов. Этот этап он назвал «анатомия истории». Затем исследователь связывает их в определенной системе – и это «физиология истории». И, наконец, опираясь на установленные связи, историк изображает прошлое как живую деятельность общества.

Историческим источником или историческим материалом В. С. Иконников называет «отражение впечатлений, произведенных

на очевидцев и ближайших свидетелей событий». Он также отмечает, что исторические источники чрезвычайно разнообразны и многочисленны, и делит их на определенные категории (опыт *классификации*). Все источники по форме подразделяются им на письменные, устные и вещественные; затем письменные он делит на прямые свидетельства (произведения письменности, изображения искусства, официальные документы, хроники, летописи и т. п.); косвенные свидетельства (произведения искусства и литературы). По существу, такой подход соответствовал распространенному в конце XX в. в исторической науке делению источников на *остатки* исторических фактов и *предания* о них.

В своем труде В. С. Иконников также дает характеристику письменных источников, установив их очередность по степени важности: актовъй материал, документы официального характера (летописи, записки современников, донесения тайных агентов), повествовательные источники (мемуары, письма, жития святых).

Важным условием развития исторической науки В. С. Иконников считал овладение возможно большим количеством исторических материалов. Значительную часть своего труда он посвятил истории собирания, переписки и публикации исторических источников, а также охарактеризовал состав и содержание документов, хранящихся в архивах, музеях и библиотеках страны. До середины XIX в. историки такой задачи перед собой не ставили.

Весомый вклад в разработку вопросов исследования древнерусских летописей внес **Алексей Александрович Шахматов** (1864–1920)²¹, хотя специально вопросами теории источниковедения и методики изучения источников он не занимался.

²¹ Родился в Нарве в семье судебного чиновника. С 9 лет проявил глубокий интерес к истории. В 1883–1887 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1890 г. был утвержден приват-доцентом университета, в 1894 г. получил степень доктора. С 1898 г. ординарный академик Петербургской академии наук, с 1904 г. действительный член Сербской академии философских наук, с 1910 г. член-корреспондент Краковской академии наук, почетный доктор философии Пражского и Берлинского университетов. С 1908 г. преподавал в Петербургском университете.

Взгляд А. Л. Шлецера на «Повесть временных лет» как на испорченный позднейшими переписчиками единоличный труд Нестора был отвергнут русской исторической наукой еще в первой четверти XIX в. П. М. Строев в 1820-е гг. и историки следующих поколений М. П. Погодин, К. Н. Бестужев-Рюмин рассматривали летописи как сборники разнородных материалов, своды. Однако они полагали, что летописные своды – это механические соединения отдельных сказаний с погодными записями.

В отличие от своих предшественников А. А. Шахматов рассматривал каждую летопись не как механическое соединение ее отдельных частей, а как литературно-историческое произведение, памятник того времени, когда она создавалась. Каждая летопись, по его мнению, была результатом сознательной переработки предшествующего летописного материала, звеном в системе текстов, развивавшейся на протяжении всей истории русского летописания IX–XVI вв. Поэтому, чтобы раскрыть идейное содержание каждой сохранившейся летописи, следует выяснить ее состав и источники, воссоздать историю всего русского летописания, установить генетические связи между дошедшими летописными списками, сохранившимися и утраченными текстами и определить их место в историческом развитии русского летописания в целом.

На материале конкретных исследований А. А. Шахматов показал, что решение этих задач требовало применения ряда методических приемов: анализа датировок, топографических данных, имен летописцев и упоминающихся в летописях исторических лиц, логически-смыслового и сравнительного анализа текстов, аналогии,

«В 1893 г. А. А. Шахматов защищал магистерскую диссертацию, посвященную фонетике русского языка, причем по решению историко-филологического факультета Московского университета вместо искомого магистра ему было сразу присвоено звание доктора наук. Еще через год его пригласили для работы в Академию наук, а в 1899 г. в возрасте тридцати пяти лет он стал академиком. Шахматов был кадетом и одно время входил в центральный комитет этой партии» (*Шахмуро А. Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 648).

учета сознательного редактирования текста летописцами под влиянием политических, религиозных и личных устремлений, анализа внешних признаков рукописей, данных языка и стиля, пометок на полях и т. д. Многими из этих приемов исследования летописей ученые пользовались и до А. А. Шахматова, но он использовал их в комплексе, значительно смелее, чем его предшественники, прибежал к гипотезе как средству познания.

Значение исследований ученого заключается в том, что он, изучая летописи, открыл в их составе неизвестные произведения древнерусской литературы, способствовал выяснению авторства, времени, места и условий появления ряда летописных сводов и их взаимозависимости.

В результате скрупулезного изучения «Повести временных лет» и сопоставления ее с другими источниками А. А. Шахматов выдвинул гипотезы о существовании до «Повести» по крайней мере трех киевских и новгородских сводов и о трех редакциях самой «Повести». Ученый доказал существование общерусских летописных сводов еще в первой четверти XV и в XVI в., задолго до полного объединения русских земель вокруг Москвы.

Методы, разработанные А. А. Шахматовым, его текстологический анализ получили распространение при изучении других источников, особенно тех, которые сохранились в различных редакциях и списках.

Среди русских историков последней трети XIX – начала XX в. заметную роль играл **Николай Иванович Кареев** (1850–1931)²² – автор многочисленных работ по истории Западной Европы в Средние века и Новое время, а также по проблемам методологии, теории и методики исторических исследований.

²² Из небогатой дворянской семьи. В 1873 г. окончил Московский университет, где под руководством В. И. Герье изучал историю Французской буржуазной революции конца XVIII в. В 1879–1885 гг. преподавал в Варшавском, а затем в 1884–1899 и 1906–1929 гг. в Петербургском университетах. В годы первой русской революции (1905–1907) вошел в ряды кадетской партии и был избран членом первой Государственной думы (1906). С 1910 г. член-корреспондент Российской академии наук. С 1929 г. почетный член АН СССР.

В 1916 г. вышла его работа «Историка. Теория исторического знания», в которой ученый выразил свой взгляд на историю как науку, ее предмет и задачи, на материал исторической науки – источники, их классификацию и методы изучения. В научном творчестве Н. И. Кареева нашло отражение влияние идей ведущих немецких и французских историков и философов рубежа XIX–XX вв.: Г. Риккерта, Э. Бернгейма, Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобоса.

К задачам источниковедения как особого отдела исторической науки Н. И. Кареев относил упорядочение и характеристику каждой разновидности источников. Заключение в источниках свидетельства о прошлой жизни людей, по словам ученого, не всегда точны и полны, но познание прошлого по ним возможно, хотя для этого требуется овладеть необходимыми техническими приемами. Историк также дал определение понятию *исторический источник*: «всякие свидетельства, заключающиеся в вещественных или словесных памятниках, то есть в остатках и следах, которые в том или другом виде дошли до нас от прошлого».

Позднее Н. И. Кареев уточнил свое определение. Он отметил, что изучение вещественных источников является предметом археологии, а словесных – филологии. При этом главным материалом для историка служат не всякие остатки прошлой жизни, а те, которые могут передать мысль, внутреннее содержание событий, психику людей. К числу источников ученый не относил исторические труды.

В соответствии с приведенным определением Н. И. Кареев подходил к *классификации* исторических источников. Он делил их на две большие категории. Первая – источники, которые дошли до нас непосредственно из самого прошлого и сохранили его частицу, остаток; вторая – те, что донесли воспоминание о нем. Н. И. Кареев указывал, что работа с конкретными категориями источников требует специальных сведений и навыков, поэтому вспомогательное значение для исторической науки могут иметь психология, социология, политическая экономия, юриспруденция, палеография, дипломатика, геральдика, нумизматика и др. К числу самостоя-

тельных наук, которые также помогают понять источники, он относил археологию и филологию.

Что касается приемов и задач научного анализа источников, то ученый считал, что они едины для всех категорий источников. Научную критику он делил в соответствии с позитивистским подходом на внешнюю, то есть критику подлинности, и внутреннюю – критику достоверности и содержания. Смысл исторической критики Н. И. Кареев видел в получении точных и достоверных знаний.

Итак, термин *источниковедение*, возникший в исследовательской практике немецких ученых в первой четверти XIX в., прижился на российской научной почве. Труды российских историков второй половины XIX в. сыграли важную роль в рождении отечественного источниковедения как особой научной дисциплины. Пока еще не был определен ее предмет, но уже обозначен объект – исторический источник, разрабатывались приемы и основные этапы анализа свидетельств. Принципиальное значение имеют выводы о том, что изучение исторических источников не является лишь вспомогательным этапом исторических изысканий, а представляет собой самостоятельную, наделенную научной перспективой область исследований. Первостепенное значение приобретает практика работы с источниковым материалом, которая раньше расценивалась лишь как подготовительный этап сбора документов. Появилась источниковедческая исследовательская проблематика. В качестве одной из самостоятельных задач было выдвинуто обозрение всех сохранившихся источников, на основании которого возможно затем изучение истории государства, общества и культуры. Публикация различных видов исторических документов способствовала закладыванию основ классификации источников.

В последней трети XIX в. отечественные историки исходят из того, что научный подход к истории возможен лишь на основе систематического представления об историческом материале (С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин). Растет интерес не только к обзорно-источниковедческим исследованиям, но и к изучению

особенностей отдельных видов и категорий источников (А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов). Создан университетский лекционный курс, ставящий задачу продемонстрировать целостную картину видового состава источников российской истории (В. О. Ключевский). Разработкой проблем источниковедения занимались историки не только Московского и Петербургского университетов, но и других российских научных центров – Киева, Харькова и др.

Характерной чертой исторических исследований последней трети XIX в. является влияние на них философии позитивизма. Так, работа с историческими источниками делится на две определенные части, каждая из которых наделена конкретными задачами. Это внешняя критика, призванная ответить на вопросы о подлинности источников, и внутренняя критика, определяющая их достоверность.

Появление термина «источниковедение» можно рассматривать как выход за рамки исследования традиционного повествовательного типа.

На вопрос, почему источниковедческое направление сложилось в российской исторической науке, отвечает О. М. Медушевская. Дело в том, что круг источников традиционной европейской исторической науки формировался путем переосмысления античного наследия. Задача идентификации себя в истории, стоявшая перед российскими учеными, ориентировала их на поиск новых источников. В связи с этим огромная деятельность, которая при этом была востребована, не укладывалась в рамки подготовительного или вспомогательного этапа исторических изысканий. Кроме того, формирование самостоятельного источниковедческого направления в российской исторической науке было связано не только с профессиональной сферой, но и со становлением исторического сознания общества.

Список литературы

Источники

Багaley Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры [Электронный ресурс] / Д. И. Багaley. – Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/76813/>.

Багaley Д. И. Русская история. Т. 1. Княжеская Русь (до Иоанна III) [Электронный ресурс] / Д. И. Багaley. – М. : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/76821/>.

Багaley Д. И. Удельный период и его изучение [Электронный ресурс] / Д. И. Багaley. – Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/67706/>.

Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг [Электронный ресурс] / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1882. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/77369/>.

Бестужев-Рюмин К. Н. О методах исторических занятий / К. Н. Бестужев-Рюмин // Журнал министерства народного просвещения. – 1887. – Февраль.

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 1. Введение. [Электронный ресурс] / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Типография А. Траншеля, 1872. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/109750/>.

Иконников В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. / В. С. Иконников. – Репр. изд. – СПб., 2007.

Иконников В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. [Электронный ресурс] / В. С. Иконников. – Киев : Типография Императорского университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1908. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/65971/>; <http://www.biblioclub.ru/book/65566/>; <http://www.biblioclub.ru/book/65569/>.

Иконников В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники [Электронный ресурс] / В. С. Иконников. – Киев : Университетская типография, 1871. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/68642/>.

Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Избранные статьи по социологии / Н. И. Кареев. – СПб., 2008.

Кареев Н. И. Избранные труды / Н. И. Кареев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. К. А. Соловьева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1895. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/101313/>.

Кареев Н. И. Историкология (теория исторического процесса) [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – Петроград : Типография М. М. Стасюлевича, 1915. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98117/>.

Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – СПб. : Типография акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/99872/>.

Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/99874/>.

Кареев Н. И. Роль идей, учреждений и личности в истории [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – Одесса : Типография Исаковича, 1895. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/99878/>.

Кареев Н. И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории [Электронный ресурс] / Н. И. Кареев. – СПб. : [Б. и.], 1905. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/68236/>.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. М., 1989.

Ключевский В. О. Источники русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения : в 9 т. – М., 1989. – Т. 7.

Ключевский В. О. Курс Русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения : в 9 т. – М., 1987. – Т. 1.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве / В. О. Ключевский. – М., 1997.

Ключевский В. О. Методология истории. Терминология русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения : в 9 т. – М., 1989. – Т. 6.

Коялович М. О. Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности [Электронный ресурс] / М. О. Коялович. – СПб. : Типография Ф. Елеонского, 1883. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98477/>.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – 4-е изд. – Минск, 1997.

Коялович М. О. Разбор критики Д. Корсакова на сочинение «История русского самосознания по историческим памятникам и научным

сочинениям» и уяснение современного состояния науки русской истории [Электронный ресурс] / М. О. Коялович. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/98482/>.

Платонов С. Ф. Древнерусские повести и сказания о смутном времени XVII века как исторический источник [Электронный ресурс] / С. Ф. Платонов // Журнал министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1888. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/100794/>.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – СПб., 1998 (Репринт. изд. Петроград, 1917).

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – М., 2007.

Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1902) [Электронный ресурс] / С. Ф. Платонов. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1903. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/99978/>.

Платонов С. Ф. Учебник русской истории / С. Ф. Платонов. – СПб., 1993.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] / С. Ф. Платонов. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1910. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/68112/>.

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории [Электронный ресурс] / С. Ф. Платонов. – М. : Директ-Медиа, 2010. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/14631/>.

Самоквасов Д. Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии [Электронный ресурс] / Д. Я. Самоквасов. – М. : Типография М. Н. Лаврова и К°, 1880. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/68008/>.

Самоквасов Д. Я. Древнее русское право [Электронный ресурс] / Д. Я. Самоквасов. – М. : Университетская типография, 1903. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/106768/>.

Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права [Электронный ресурс] / Д. Я. Самоквасов. – М. : Типография Императорского московского университета, 1908. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/109486/>.

Самоквасов Д. Я. Памятники древнего русского права. Ч. 1 [Электронный ресурс] / Д. Я. Самоквасов. – М. : Типография Императорского московского университета, 1908. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/106772/>.

Соловьев С. М. Избранные труды / С. М. Соловьев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаев. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I–XV [Электронный ресурс] / С. М. Соловьев. – М. : Директ-Медиа, 2010. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/>.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Предисловие / С. М. Соловьев // Сочинения. – Кн. 1. – М., 1988.

Соловьев С. М. Очерк нравов, обычаев и религий славян [Электронный ресурс] / С. М. Соловьев. – М. : [Б. и.], 1850. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/52311/>.

Соловьев С. М. Учебная книга русской истории / С. М. Соловьев. – М., 1996.

Соловьев С. М. Учебная книга русской истории [Электронный ресурс] / С. М. Соловьев. – [Б. м.]: Директ-Медиа, [Б. г.]. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/14549/>.

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев. – М., 1989.

Фортинский Ф. Я. Опыт систематической обработки исторической критики / Ф. Я. Фортинский // Киевские университетские известия. – 1884. – № 8.

Шахматов А. А. Древнейшие редакции Повести временных лет [Электронный ресурс] / А. А. Шахматов. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1897. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/70624/>.

Шахматов А. А. История русского летописания / А. А. Шахматов. – Т. 1, кн. 1–2. – СПб., 2002–2003.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах [Электронный ресурс] / А. А. Шахматов. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908. – Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/book/69748/>.

И с с л е д о в а н и я

Александров В. А. Василий Осипович Ключевский (1841–1911): Вступительная статья / В. А. Александров // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М., 1990.

Андреев А. И. Работа С. М. Соловьева над «Историей России» / А. И. Андреев // Тр. МГИАИ. – Т. 3. – М., 1947.

Брачев В. С. Крестный путь русского историка : Академик С. Ф. Платонов и его «дело» / В. С. Брачев. – СПб., 2005.

Дойков Ю. В. Самые знаменитые историки России / Ю. В. Дойков. – М., 2004.

Ерыгин А. Н. Восток. Запад. Россия. (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях) / А. Н. Ерыгин. – Ростов н/Д., 1993.

Ерыгин А. Н. Традиционная и модернизирующаяся Россия в философии истории русского либерализма (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин). – Ч. 1. Философия история русского либерализма второй половины XIX века (тема России) / А. Н. Ерыгин. – Ростов н/Д., 2004.

Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. / А. А. Зимин // Исторические записки. – Т. 69. – М., 1961.

Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев / В. Е. Иллерицкий. – М., 1980.

История и историки. 2002 : Историографический вестник. – М., 2002.

Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. – М., 1966.

Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. – М., 1983.

Киреева Р. А. Историки России XVIII – начала XX века / Р. А. Киреева. – М., 1996.

Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. / Р. А. Киреева. – М., 1990.

Кравченко В. В. Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность / В. В. Кравченко. – Харьков., 1990.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л., 1947.

Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания / Д. С. Лихачев // Академик А. А. Шахматов. – М. ; Л., 1947.

Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А. В. Малинов. – СПб., 2005.

Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М., 1996.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М., 2008.

Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М., 1974.

Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Луцкий, М. М. Ковалевский / С. Н. Погодин. – СПб., 1997.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Л., 1940.

Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма / А. П. Пронштейн. – М., 1991.

Ростовцев Е. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) / Е. А. Ростовцев // Проблемы социального и гуманитарного знания : сб. науч. работ. – Вып. I. – СПб., 1999. – С. 128–165.

Тайны истории : М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний : сб. – М., 1994.

Фарсоби́н В. В. Источниковедение и его метод / В. В. Фарсоби́н. – М., 1983.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографический очерк / А. Н. Цамутали. – Л., 1986.

Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев / Н. И. Цимбаев. – М., 1990.

Черепнин Л. В. В. О. Ключевский / Л. В. Черепнин // Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – М., 1960.

Черепнин Л. В. В. О. Ключевский как источниковед / Л. В. Черепнин // Археографический ежегодник за 1980 год. – М., 1981.

Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк / Л. В. Черепнин // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Кн. 1. – М., 1960.

Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед / Э. Г. Чумаченко. – М., 1970.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты / А. Н. Шаханов. – М., 2003.

Шаханов А. Н. Становление ученого / А. Н. Шаханов // С. М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. – М., 1996.

Глава 3

Вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие отечественного источниковедения

Идеи и научные выводы Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919)²³ лежат в основе методологии современного источниковедения. Этот выдающийся российский историк внес

²³ «Родился в Екатеринославской губернии в дворянской семье 15 января 1863 г. Получив домашнее образование, он поступил в Симферопольскую гимназию, которую окончил с золотой медалью в 1882 г. В 1886 г. будущий историк завершил обучение на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета, где был оставлен кандидатом для подготовки к профессорскому званию. В течение следующих четырех лет он занимался исследованием финансовой истории Московского государства XVII в., привлекая обширный, мало исследованный архивный материал. После защиты магистерской диссертации в 1890 г. ... начинает читать лекции по русской истории в С.-Петербургском университете. Научные пристрастия историка отданы теперь исследованию русской общественной жизни и культуры XVIII в., хотя в некоторых своих работах он касается и экономического развития России в указанный период. Кроме того, А. С. Лаппо-Данилевский читает лекции по русской историографии XVIII в., ведет практические занятия по дипломатике и теории социальных и исторических наук. С 1906 г. ученый читает общий университетский курс по методологии истории. Два тома этого курса были опубликованы в 1910–1913 гг. Первый том посвящен теории исторического знания, второй – вопросам методологии источниковедения. В 90-е гг. XIX в. историк является членом Археографической комиссии Министерства народного просвещения, занимает должность секретаря Исторического общества при С.-Петербургском университете и секретаря Отделения русских и славянских древностей Археологического общества. В 1899 г. А. С. Лаппо-Данилевский был избран в действительные члены Российской академии наук. А в 1906 г. в качестве представителя от академии и университетов – в члены Государственного совета. В 1915–1919 гг. ученый продолжает вести дела трех академических комиссий: Постоянная историческая комиссия, Комиссия по вопросу об учреждении института социальных наук, Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов. Летом 1916 г. ... прочел в Кембридже несколько лекций по истории научной мысли в России и был удостоен университетом звания почетного доктора права. В 1918 г. историк принимает участие в совещании по организации Главного управления архивным делом и читает на Архивных курсах лекции по русской дипломатике частных актов. С начала 1919 г. ученый был болен, тем не менее занимался подготовкой к повторной печати своего труда “Методология истории”. А. С. Лаппо-Данилевский скончался 7 февраля 1919 г. в Петрограде» (Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1919. С. 1–8).

неоценимый вклад в разработку теории и методов изучения исторических источников. Прежде всего, ему принадлежит заслуга в создании учения об историческом источнике, определении его понятия и природы как ключевого вопроса источниковедения. Кроме того, А. С. Лаппо-Данилевский разработал учения об интерпретации и критике исторических источников, рассмотрел задачи и возможные системы их классификации и высказал идею о культурологическом значении источников для познания прошлого. Вопросам методологии источниковедения ученый посвятил вторую часть главного итога своей научной деятельности, монографии «Методология истории» (1913).

Постановка вопроса о методологии источниковедения была новаторской, так как она противостояла позитивистскому представлению о методах работы с источниками. Проблему исторического источника, его интерпретации и критики А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал с теоретико-познавательной точки зрения.

Историческая обстановка, в которой проходило творчество А. С. Лаппо-Данилевского, характеризовалась кризисом исторической науки. Он проявлялся прежде всего в кризисе онтологического подхода, сторонники которого игнорировали теоретико-познавательные проблемы. Интерес исследователей направлялся только на объект, без учета роли субъекта в историческом познании. Новизна неокантианского подхода определялась выдвиганием на первый план гносеологического подхода, для которого характерно внимание к основаниям исторического знания, способам его получения и критериям проверки его истинности.

В первом разделе своего труда ученый обращается к вопросу об объекте исторического познания и дает характеристику явлениям, изучаемым исторической наукой. Здесь А. С. Лаппо-Данилевский

«Среди тех, кто в своих работах обозначил влияние идей ученого, – основатель социологии П. А. Сорокин, создатель экономической прогностики Н. Д. Кондратьев, историки А. Е. Пресняков, С. Н. Валк, А. И. Андреев, коллеги ученого С. Ф. Ольденбург, И. М. Гревс, Б. Д. Греков, В. И. и Г. В. Вернадские, Т. Н. Райнов, Б. А. Романов» (*Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 195*).

вводит понятие о действительности и ее изменении, а также о *принципе признания чужой одушевленности*, которая обуславливает понятие об историческом изменении или об историческом факте. По мнению ученого, объектом исторического познания является изменение, произошедшее в действительности, причем историку наиболее интересны качественные изменения во времени. В связи с этим историк должен иметь в виду изменения в состоянии индивидуального или коллективного субъекта исторического процесса. Принимая во внимание изменения, которые происходят в чужой психике, исследователю необходимо опираться, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, на особого рода принцип – чужой одушевленности, заключенной в исторических источниках, с помощью которого историк изучает факты, недоступные его эмпирическому восприятию.

Принцип чужой одушевленности А. С. Лаппо-Данилевский называет гипотезой, которая нужна историку для того, чтобы объединить свое знание о наблюдаемой им чужой деятельности и соотнести его со своим собственным опытом. Ученый рассматривает принцип чужой одушевленности с различных позиций: в метафизическом смысле, с гносеологической и психогенетической точек зрения. Подводя итог своим размышлениям, А. С. Лаппо-Данилевский пишет:

Историк стремится перевоспроизвести в себе именно то состояние сознания, которое ему нужно для научного объяснения изучаемого им объекта... он как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и синтезированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее... Лишь после этого он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий... Но свое психологическое построение чужой душевной жизни историк подвергает научному контролю, он признает его лишь гипотезой... принимает ее лишь в том случае, если факты ей не противоречат... Историк занимается научным построением действительности, значит, он должен установить, что переживаемое им представление

о чужой одушевленности есть вместе с тем воспроизведение реально данной одушевленности той именно индивидуальности, которой он приписывает известные действия или в зависимости от которой он изучает данный исторический факт.

Далее ученый останавливается на вопросе о специфике исторических фактов. Размышления на эту тему тесно связаны с рассмотренным ранее принципом чужой одушевленности. А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что под историческим фактом следует понимать прежде всего продукты воздействия сознания данной индивидуальности (субъекта) на среду, в особенности на общественную среду. Такое воздействие носит преимущественно психологический характер и доступно чужому наблюдению (историку) только в его результатах (источниках). Индивидуальностью ученый называет и отдельное физическое лицо, и некий коллектив – народ, группу народов, государство, общественный слой, город и т. п.

Наиболее глубокому анализу в своем труде А. С. Лаппо-Данилевский подвергает вопросы методологии источниковедения. Изучив современную ему литературу по методологии истории (Л. Ранке, Э. Фримен, Ш. Сеньобос, В. С. Иконников, В. П. Бузескул, Г. Вольф), ученый пришел к выводу, что методология источниковедения пока не представляет цельного и систематически развитого учения. Одни историки, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, предлагают взамен такого учения только обзорные конкретно данных исторических источников и отводят особое место критике, другие отождествляют методологию источниковедения с критикой, понимая ее в широком смысле, третьи подменяют методологию изучением исторических источников в их генезисе.

Ученый отмечает, что долгое время методология источниковедения развивалась в тесной зависимости от филологии и сами понятия об источнике, герменевтике (искусстве понимать чужую речь) и критике возникли в связи с филологической интерпретацией и критикой произведений классической литературы. Такая зависимость, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, задерживала самостоятельное развитие методологии источниковедения, которая

только с начала XVIII в. стала приобретать значение особой научной дисциплины.

Рассматривая задачи методологии источниковедения, А. С. Лаппо-Данилевский говорит, что историк имеет дело с уже свершившимися фактами, а научное построение исторического прошлого находится в зависимости от наличия исторических источников в самом широком смысле. В то же время источники нельзя отождествлять с исчезнувшими фактами, так как они не создавались для научного наблюдения, и требуются особые методы их изучения. Таким образом, свое знание о большинстве сложных исторических фактов историк вынужден черпать из чужих наблюдений, воспоминаний, оценок. При этом, подчеркивает А. С. Лаппо-Данилевский, возрастает значение принципов и методов, излагаемых в методологии источниковедения. Поскольку историк должен подходить к каждому показанию с научным сомнением, то ему надо установить критерии, на основании которых возможно утверждать, что факт, известный из данного источника, действительно совершился. Установление таких критериев, отмечает ученый, а также связанных с ними методов изучения исторических источников и производится в методологии источниковедения.

Учение об историческом источнике

А. С. Лаппо-Данилевский, разъясняя свое учение, приводит серию взаимосвязанных рассуждений, развивая определение исторического источника, анализируя теоретическое и практическое значение источников, выделяя их характерные признаки.

Во-первых, ученый отмечает, что «источник – это всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте, то есть об историческом факте». Предлагаемое определение включает понятие о реальности данного объекта и его пригодности для познания другого объекта, поскольку каждое историческое исследование имеет цель – по данному источнику познать действительность.

Методологически неверным называет ученый желание подвести под данное определение явления природы, так как последние могут служить источником для научного знания естествоведа, но не историка. Историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности. Явления душевной жизни сами по себе (язык, жесты, слова и пр.) также не могут служить источниками знания в смысле эмпирических данных.

Между произведением природы и произведением человека существует явное различие. Первое связано с действием законов механики, физики и т. п. Произведение человека – результат его деятельности. Но деятельность эта объясняется не только физическими, но и психологическими факторами. Произведением человека, отмечает А. С. Лаппо-Данилевский, можно назвать объект, значение которого объясняется лишь при помощи предпосылки чужой одушевленности, обнаруживающейся в его особенностях. Следовательно, с такой психологической, а не гносеологической точки зрения, произведение человека, или результат его деятельности, следует признать психическим продуктом.

Однако психический продукт доступен чужому восприятию только в том случае, когда мысль как психический продукт реализована, то есть выражена в каких-то действиях или их результатах, запечатлена в каком-либо образе. Следовательно, историк может судить о чужой мысли только по реализованным ее продуктам.

Таким образом, развивая определение, ученый выходит на следующую ступень: «...под историческим источником должно разуметь доступный чужому восприятию, то есть реализованный продукт человеческой психики». Данное определение включает понятие о психическом значении исторического источника и понятие о материальном его образе, в котором такой продукт реализуется.

Далее А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что понятие об источнике трактует его как средство для достижения некой познавательной цели. Лишь в том случае, если данный объективированный продукт человеческой психики может служить историку материалом для ознакомления с каким-нибудь фактом из истории человечества, исследователь называет его историческим источником.

Значит, вопрос о пригодности исторического источника решает сам историк, а критерий подбора материала зависит от его познавательной цели.

Развивая дальше вопрос о пригодности исторического источника, ученый приходит к следующему определению: «Лишь тот материал, который оказывается пригодным для изучения факта с историческим значением, а не для изучения какого бы то ни было факта из прошлой жизни человечества, в сущности, заслуживает наименование исторического источника». Историка интересуют те факты воздействия индивидуума на среду, которые привели к изменению этой среды, и именно в силу такого их воздействия на социальную среду мы можем признать их историческими.

И, наконец, обобщая все рассмотренные характеристики исторического источника, А. С. Лаппо-Данилевский сформулировал его определение с аналитической и генетической точек зрения: *«Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением».*

Исходя из этого определения, ученый делает несколько выводов, связанных с представлением о психологическом характере источника.

Во-первых, исторический источник – это историческое построение того, что недоступно непосредственно чувственному восприятию историка.

Во-вторых, исторический источник есть результат человеческого творчества в широком смысле.

И, в-третьих, понятие об историческом источнике тесно связано с его практическим назначением с точки зрения его творца, но и историк может достигнуть представления о его цели и назначении.

И несколько выводов, связанных с понятием о пригодности источника для историко-познавательных целей:

1. Естественно различать основные источники (по месту и времени ближе остальных стоят к изучаемому факту, возникли под его влиянием и непосредственно свидетельствуют о нем) и производные источники (дальше отстоят от того же факта, сообщают о нем известия, которые уже прошли несколько передаточных инстанций).

2. От источников следует отличать научную обработку данных известий – пособия; но при утрате источников последние могут стать производным источником.

3. Момент научной «пригодности» источника для историка получает существенное значение при подборе исторического материала, историк должен иметь какую-нибудь руководящую точку зрения, критерий подбора материала зависит от той познавательной цели, для которой он должен служить, следовательно, подбор материала зависит от того, в какой мере он пригоден для изучения фактов с историческим значением.

Главнейшие виды исторических источников

Ученый отмечает главное назначение классификации – ориентироваться в большом разнообразии источников, которое, в свою очередь, обуславливает «довольно существенные отличия в методах их изучения». Главную цель классификации А. С. Лаппо-Данилевский видел прежде всего не в упорядочении источников, а в том, чтобы с помощью классификации раскрыть эвристические возможности источников, их познавательную ценность.

Систематизировать исторические источники ученый предлагал с учетом различных критериев в зависимости от целей исследования. Самый общий подход состоит в распределении исторических источников по их значению для исторического познания. С этой точки зрения А. С. Лаппо-Данилевский различал источники по степени их ценности:

- 1) для познания исторической действительности вообще;
- 2) для изучения определенных исторических фактов.

В первой группе ученый выделяет источники, изображающие факт (в красках или звуках), и источники, обозначающие факт (путем символических знаков – письменность). Источники, изображающие факт, совпадают с памятниками вещественными, источники, обозначающие факт, – с памятниками словесными и письменными.

С познавательной точки зрения по степени близости познающего субъекта (историка) к объекту его изучения (источнику) А. С. Лаппо-Данилевский предлагает различать два основных вида

источников: остатки культуры и исторические предания²⁴. И те и другие могут встречаться среди источников, изображающих и обозначающих факт.

Остатком культуры ученый называл остаток того самого исторического факта, который изучается историком, а историческим преданием – результат того впечатления, которое он произвел на автора предания, реализовавшего его в данном материальном образе (произведении).

Все остатки культуры А. С. Лаппо-Данилевский делит на:

1) воспроизведения культуры – например, язык, нравы, обычаи, учреждения, то есть все то, что было раньше и может в известной степени повториться, воспроизводиться вновь;

2) пережитки культуры – например, некоторые элементы языка, разные обряды, нравы, учреждения, то есть все то, что может жить в настоящем;

3) произведения культуры – например, предметы древности, произведения литературы, документы и т. д.

Исторические предания он делит на:

1) чистые, то есть основанные на личном восприятии, – рисунки и рассказы очевидцев, мемуары, надписи, отчасти былины и сказания и т. д., а они, в свою очередь, делятся на описательные (анналы, дневники) и оценочные (мемуары, сказания);

²⁴ Авторами общих классификаций исторических источников до А. С. Лаппо-Данилевского были немецкие ученые И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм. Последний построил свою классификацию по степени близости источника к фактам и, продолжив логику Дройзена, предложил две группы – исторические остатки и исторические традиции («Учебник методологии и философии истории», 1889; «Введение в историческую науку», 1907). Ценность классификации Э. Бернгейма состоит в том, что он обратил внимание на принципиальное различие характера информации в источниках и на следующую из этого факта необходимость подходить к ним с различными исследовательскими методами. Для первых – подлинность, для вторых – достоверность (см.: Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988; Она же. Теория и методика когнитивной истории. М., 2008).

По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, Э. Бернгейм был «составителем одного из лучших руководств по методологии истории» (Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 2. СПб., 1913. С. 359).

2) смешанные, то есть основанные на опосредованном восприятии, – жития, биографии, сказания, легенды, летописи, которые, в свою очередь, делятся на производные и составные.

Рассматривая вопросы систематизации, ученый пришел к выводу, что нельзя ограничиваться делением источников по одному признаку, что этих признаков может быть несколько: например, по происхождению, по материальной форме, по степени близости к объекту изучения.

А. С. Лаппо-Данилевский дает и другую возможную систему деления источников – по содержанию – и делит источники, исходя из этого критерия, на источники с фактическим и с нормативным содержанием.

Первая группа состоит из источников с идейным содержанием (предметы культа, произведения прозаической и поэтической литературы) и с бытовым содержанием (предметы житейской техники, деловые бумаги и т. д.) Последние делятся, в свою очередь, на источники частного быта и государственного быта.

Источники с нормативным содержанием состоят из чисто нормативных (трактаты по логике, система законодательства, моральное учение) и утилитарно-нормативных (правила техники, правила стихосложения, памятники обрядового характера, обычного права, юридические акты, памятники законодательства и т. д.).

Учение об исторической интерпретации источника

Важнейшим вкладом в разработку методики источниковедческого исследования является раздел труда А. С. Лаппо-Данилевского, посвященный учению об исторической интерпретации источника. Ученый настаивал на самостоятельном значении интерпретации, ее специфических задачах и недопустимости поглощения ее критикой²⁵.

Научно понимать исторический источник – значит установить то объективно данное психическое значение, которое истолкователь

²⁵ Необходимо отметить, что структура источниковедческого исследования, принятая современной методикой источниковедения, рассматривает интерпретацию как один из элементов источниковедческого анализа.

должен приписывать источнику (то самое значение, которое творец придавал своему произведению).

Идеальная интерпретация источника, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, состояла бы в том, что исследователь достиг такого состояния сознания, при котором он может понимать чужое произведение как свое собственное. Но реально, говорил ученый, интерпретация источника дает лишь более или менее приблизительное его понимание.

Условия возникновения интерпретации: двусмысленность или недостаточность целого источника или его частей, форм, выражений, излишнее его многообразие и многословие, употребление деталей, слов, терминов, сразу не поддающихся пониманию. Она нужна в тех случаях, когда источник вызывает разноречивое понимание.

С познавательной точки зрения историческая интерпретация начинается с *психологического* истолкования источника, исходя из предпосылки о существовании «чужого я». По мнению ученого, психологическое истолкование лежит в основе всех остальных методов исторической интерпретации источников.

Психологическое истолкование основано на принципе признания чужой одушевленности, оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаруживающемся в изучаемом источнике. Этот подход связан с большими трудностями, так как полное и взаимное понимание двух субъектов (автора произведения и его исследователя) предполагает тождественность их психики, что само по себе маловероятно. Дело осложняется тем, что историк имеет дело не с живым субъектом, а только с источником, который лишь более или менее отражает одушевленность его создателя.

В числе принципов психологического истолкования едва ли не главным следует признать *понятие о единстве чужого сознания*: истолкователь отталкивается от гипотезы, что оно обнаружилось в источнике, и придает ему известную целостность. С такой точки зрения историк должен понимать каждую его часть лишь в ее отношении к целому или к другим частям.

Принципы психологического истолкования находятся в тесной связи с понятиями об ассоциирующей и целеполагающей деятельности чужого сознания.

Психологическое истолкование прежде всего должно быть обращено на выяснение того комплекса состояния сознания, которое сам автор ассоциировал с данным материальным образом.

Историк должен сознавать, что переживаемое им представление есть вместе с тем воспроизведенное им чужое представление, и притом именно то, которое в чужом сознании ассоциировалось с наблюдаемым им материальным образом.

При установлении подобного рода соответствия историк пользуется несколькими второстепенными приемами:

- 1) установление реального объекта;
- 2) установление соответствия между психическим значением данного материального образа у его творца и тем психическим значением, которое историк приписывает тому же материальному образу.

Историк предполагает наличие цели, с которой создан данный источник. При этом историк исходит из того, что всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, что он оказывается результатом целеполагающей деятельности человека и имеет некоторое назначение.

Исследователь должен выяснить цель автора источника лишь в связи с той «главной идеей», которая составляет его содержание и объективирована в его произведении, он должен попытаться понять «главную идею» источника, придающую ему внутреннюю целостность. Соответственно характеру «главной идеи», которую историк приписывает автору источника, он истолковывает и его особенности.

А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, что вышеуказанные приемы применяются к интерпретации произведений как индивидуального, так и коллективного творчества. Историк может исходить из понятия о некотором единстве коллективного сознания, когда рассуждает о «народе» как о творце произведения, когда выясняет его «народный характер».

Рассматривая следующий метод интерпретации, А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, что историк может судить о смысле и назначении источника и по техническим средствам. Это те специальные приемы, которыми автор воспользовался для создания своего произведения и благодаря которым он придал ему тот, а не иной специфический вид.

Таким образом, *техническая интерпретация* сводится к истолкованию тех технических средств, которыми автор воспользовался для реализации своих мыслей и благодаря пониманию которых можно приблизиться к пониманию смысла или назначения его произведения. При этом ученый имел в виду интерпретацию материальных свойств и стиля источника.

Техническая интерпретация материальных свойств источника состоит в истолковании его смысла и назначения по его материалу, форме и т. п. Например, техническая интерпретация материальных свойств письменных источников заключается в их палеографическом изучении. Анализ материала, из которого данный предмет сделан, может дать некоторые указания о его назначении, месте и времени возникновения. По форме предмета можно судить о технике, времени и месте возникновения источника.

Другой метод состоит в истолковании источника с точки зрения того рода творчества, которое обнаружилось в его стиле. В таких случаях историк определяет, какой вид творчества мог породить данный источник. Исходя из психологии данного типа творчества и из понятия о соответствующем ему стиле самого произведения, историк пытается объяснить родовые признаки изучаемого им источника. Вместе с тем историк должен принимать в расчет и назначение стиля, то есть то, для чего такой стиль должен служить, впечатление, на которое он был рассчитан (например, составлялась ли данная речь для публичного произнесения или только для распространения в списках).

Следующий метод интерпретации, предложенный А. С. Лаппо-Данилевским, – *типизирующий*.

При помощи типизирующего метода интерпретации историк придает толкованию источника более ярко выраженный истори-

ческий характер. Он исходит из понятия о том культурном типе, к которому источник относится, и в соответствии с ним понимает его содержание.

Понятие о культуре, к которой относится источник, получает различные значения в зависимости от того, принимать ли во внимание «состояние культуры» или «период культуры» для истолкования источника. В связи с этим можно различать два вида типизирующей интерпретации: систематическую и эволюционную.

Систематическая интерпретация исторического источника состоит в понимании его в контексте отношения к данному состоянию культуры. Пользуясь этим приемом, историк выясняет не только общие особенности источника, но и те, которые характерны для культуры данной местности, национальности, слоя общества, кружка, школы и т. д.

Рассматриваемый метод, отмечает А. С. Лаппо-Данилевский, имеет большое значение для выяснения тех элементов источника, которые оказываются у него общими с данным состоянием культуры, но он не дает понимания его особенностей, связанных преимущественно с условиями времени. С такой точки зрения гораздо важнее эволюционная интерпретация исторических источников. Суть названного подхода состоит в понимании источника с позиции его отношения к данному периоду культуры.

Эволюционная интерпретация приобретает наибольшее значение, когда историк объясняет источник в контексте его реальной зависимости от предшествующей культуры и такого же его влияния на последующие ее этапы.

Таким образом, благодаря типизирующему методу интерпретации историк получает возможность с систематической и эволюционной точек зрения выяснить те родовые признаки источника, которые объясняются реальной его зависимостью от среды, то есть от данного состояния или периода культуры.

Но, замечает ученый, пользуясь вышеизложенными методами, историк все еще не может охватить содержание источника в наиболее характерных его чертах. Потому что чем более индивидуально произведение, тем более оно нуждается в особом методе *индивидуализирующей* интерпретации.

При истолковании источника, убежден А. С. Лаппо-Данилевский, нельзя упускать из вида личность, которая породила его и запечатлела в нем индивидуальные особенности своего творчества. Причем чем ярче индивидуальность автора, тем больше необходимо принимать ее во внимание при интерпретации произведения.

Изучать личность автора ученый предлагает в различных аспектах: историк должен интересоваться не только систематическим единством его сознания, согласованностью мыслей, последовательностью его рассуждений, но также его ассоциациями, настроениями, общим эмоциональным тоном его душевной жизни, его волей и т. п.

Часто, изучая источник, исследователь именно с психологической, а не с логической точки зрения может объяснить себе наличие в произведении таких элементов, которые в противном случае остались бы непонятными. А. С. Лаппо-Данилевский считает, что приблизиться к пониманию реального единства произведения возможно, лишь постигнув волю автора, его намерения и цели. Интерпретируя произведение, историк должен стремиться выяснить, что именно думал данный автор, когда работал над своим творением, имел ли он свои затаенные помыслы. Таким образом, исследователь приближается к установлению того смысла, в котором сам автор хотел, чтобы понимали его произведение, и того именно круга публики, к которому он преимущественно обращался.

Разрабатывая индивидуализирующий метод интерпретации, А. С. Лаппо-Данилевский возлагал на него довольно сложную задачу: «При помощи этого метода историк пытается проникнуть в тайники личного творчества автора и даже хочет, в известном смысле, по возможности, лучше его самого понять его произведение».

Достичь этой цели можно, используя аналитический и синтетический подходы, говорит ученый.

При анализе личности автора историк может или исходить из биографических данных о нем, или сосредоточить свое внимание на его произведении, восходя от него к личности автора. Важно изучение индивидуального генезиса мысли автора, его черновых набросков, концепций, переизданий. Если рассматривать источник

как один из фактов биографии его составителя, то знание тех именно обстоятельств в жизни автора, при которых источник возник, получает иногда весьма существенное значение для его истолкования.

В то же время полного понимания личности автора историк не может достичь без особого акта собственного творчества. Путем синтеза он объединяет проанализированные им произведения. Исследователь стремится при этом к некоей научной конструкции, но часто прибегает и к интуиции, и к эстетическому построению. С научно-познавательной точки зрения он признает такое синтетическое понимание личности автора своего рода лишь гипотезой.

А. С. Лаппо-Данилевский отмечает два важных правила индивидуализирующей интерпретации. Первое – источник надо предварительно подвергнуть анализу в его совокупности, а потом толковать отдельные части. Второе – текст должен изучаться лишь в его контексте.

Ученый обращал внимание, что круг источников, к которому применим индивидуализирующий метод интерпретации, довольно широк, так как под личностью можно понимать и коллективное лицо, и отдельного человека.

В заключение этого раздела А. С. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что все рассмотренные методы исторической интерпретации дополняют друг друга в силу их общей цели. Историк не может достигнуть достаточно полного понимания источника при помощи одного из методов и должен прибегать к различным комбинациям в зависимости от целей и объекта своего исследования.

Историческая критика

Следующей, значительной по важности частью труда А. С. Лаппо-Данилевского является глава, посвященная исторической критике. Ученый говорит о необходимости заменить собрание технических правил общим, систематическим и законченным учением о критике. При этом он подчеркивает, что критика преследует свою познавательную цель и поэтому ее нельзя смешивать с учением об интерпретации. «Целью научной критики является установление научно-исторической ценности источника».

Критика, как считает ученый, возникает под влиянием сомнения в ценности того, что интересует исследователя, если историк не устранил своего сомнения путем интерпретации, когда он наталкивается на разногласия между показаниями источников и т. п.

Всякая критика предполагает наличие критерия, в соответствии с которым нечто признается ценным. В научно-исторической критике за такой критерий А. С. Лаппо-Данилевский принимает прежде всего истину (абсолютную и фактическую), а также критерии подлинности или неподлинности, достоверности или недостоверности.

В связи с тем, что источник может иметь научно-историческую ценность в двояком смысле: в качестве исторического факта и в качестве показания об историческом факте, – имеют место различия в познавательных целях, и соответственно ученый различает два вида критики:

1) критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника как факта;

2) критика, устанавливающая научно-историческую ценность показаний источника о факте.

Это деление, отмечает ученый, в известной мере совпадает с делением критики на:

- «историческую» и «филологическую»,
- «внешнюю» и «внутреннюю»,
- «критику подлинности» и «критику достоверности».

Главная задача первого вида критики состоит в выяснении *подлинности* исторического источника. В этой связи А. С. Лаппо-Данилевский рассматривает понятие «подлинность»:

Если историк имеет основание утверждать, что действительный источник есть тот самый факт, каким этот источник представляется ему (что автор его есть действительно то самое лицо, которым он представляется, что этот источник возник в то время и в том месте, которые в нем означены, что этот источник действительно сохранил ту самую форму и то содержание, какие он получил при своем появлении, что он имел действительно то самое значение, какое он сам себе приписывает), он и признает его подлинным.

В качестве критерия установления подлинности ученый называет два понятия.

Во-первых, понятие о единстве или разъединенности сознания. Под единством сознания понимается логическая согласованность мыслей автора, единство цели и ее исполнения в источнике, тождественные или весьма сходные черты творчества в целом ряде произведений одного автора. Если же историк находит противоречивые элементы источника или его частей, то есть замечает в нем разъединенность, то появляется основание сомневаться в его подлинности.

Во-вторых, понятие о соответствии или несоответствии источника той культуре и той индивидуальности, к которой он относится. Чтобы установить соответствие источника с культурой данной местности, А. С. Лаппо-Данилевский предлагает пользоваться приемами систематической типизирующей интерпретации, а с культурой данного времени – приемами эволюционной типизирующей интерпретации. Возможно также сравнительное изучение исследуемого произведения с источниками данной культуры.

Приведенные выше критерии ученый применяет и для того, чтобы установить группы связанных между собой источников. Под группой понимается совокупность источников, находящихся в некоторой зависимости.

Построение группы «родственных» источников состоит прежде всего в установлении того из них, который признается «архетипом», оригиналом или основным источником, повлиявшим на возникновение остальных, производных членов группы (копии, источники, содержащие заимствования из основного и др.). Далее такое построение нуждается в изучении соотношения, в каком зависимые источники находятся между собой. Поиск «архетипа» производится на основании общих критериев подлинности и неподлинности источника.

В связи с приведенными выше понятиями А. С. Лаппо-Данилевский останавливается на вопросе о соотношении оригинала и копии.

По его мнению, единство сознания всецело не отражается в копии, даже если она безупречно выполнена самим автором – и тем более если копия сделана с чужого оригинала. Поэтому копия не может быть признана оригиналом. В то же время «подлинник – это продукт, в котором индивидуальный акт творчества и его исполнение слились воедино». Ученый также считает возможным установить различия между оригиналом и копией при помощи критерия соответствия. Когда произведение соответствует не той культуре или индивидуальности, к которой его относят, то это не оригинал, не подлинник, а копия.

Большой интерес представляют рассуждения А. С. Лаппо-Данилевского о так называемых «мнимых источниках». К таковым ученый причисляет плагиат и подделки.

А. С. Лаппо-Данилевский различает плагиат в широком смысле: «умышленное и тайное заимствование какой-либо части чужого произведения, имеющего некоторую ценность» – и плагиат в более узком смысле, который состоит «в присвоении себе чужих открытий, изобретений или оригинальных наблюдений и выводов с намеренным укрывательством самого источника заимствований и без самостоятельной переработки хотя бы формы заимствуемого».

Что касается подделки, то, характеризуя ее природу в широком, психологическом смысле, ученый останавливается на категориях субъекта и объекта такого источника. Под субъектом подделки он понимает «всякого, кто умышленно выдает посредством лжи или обмана свой (изготовленный) искусственный продукт за настоящий. При этом субъект довольствуется лишь внешним сходством между своим продуктом и оригиналом. Объектом подделки является сам поддельный продукт».

С познавательной точки зрения, отмечает А. С. Лаппо-Данилевский, критерий поддельности оказывается сложнее критерия неподлинности источника. Чтобы прийти к заключению, что изучаемый им продукт поддельный, историк должен вполне конкретно установить личность самого составителя подделки и его мотивы, иметь основания утверждать, что создатель обнаружил в своем

творении злую волю, а именно желал выдать путем обмана свой искусственный продукт за настоящий.

Ученый предлагает использовать понятие о поддельном продукте в историко-познавательном и правовом смысле. В историко-познавательном смысле можно умышленно выдавать посредством обмана искусственный продукт за настоящий, если приписывать ему значение действительного источника. При правовом подходе продукту приписывается правовое значение, которого он не имеет. В последнем случае речь идет о подлоге.

В понятии о подделках А. С. Лаппо-Данилевский выделял различные оттенки в зависимости от мотивов их появления и степени искусственности поддельного продукта. Мотивы подделки – это «страсть к подделке», личная выгода, стремление к богатству, славе, генеалогический расчет, политические интересы и т. п. Степень искусственности поддельного продукта может быть частичной или полной. Частичная подделка иногда называется фальсификацией. Следует иметь в виду, что полная подделка может выдаваться или за оригинал, или за копию либо содержать только пересказ мнимого источника, ссылки на него.

Ввиду того что подделка есть искусственный продукт злой воли человека, «материализованной лжи», методы ее обнаружения во многом сходны с методами установления неподлинности источника. Подделка обнаруживается по «искусственности общего вида продукта, его чрезмерной сохранности или, наоборот, демонстративной архаичности» и т. п. Пригоден в этом случае также технический метод интерпретации.

В то же время А. С. Лаппо-Данилевский обращал внимание, что источник может быть подлинным и тем не менее оказаться недостоверным – и наоборот. Поэтому исследователь должен отличать понятия подлинности и неподлинности от понятий достоверности и недостоверности источника.

А. С. Лаппо-Данилевский считал, что в основе критики второго вида, устанавливающей научную ценность показаний источника, лежит понятие о его *достоверности* или *недостоверности*.

Главным критерием достоверности, по мнению ученого, является критерий истины – фактической и абсолютной.

Историк признает источник достоверным, если он на основании его показаний о факте может научно судить о том же факте, как если бы он сам испытал или не испытал (историк может приписывать достоверность и такому показанию, которое сообщает, что факт, интересующий историка, не существовал в действительности) его в своем чувственном восприятии. И, наоборот, он считает источник недостоверным, если на основании его показаний он не может судить о таком факте в вышеуказанном смысле.

Очевидно, что это понятие о достоверности или недостоверности источника сформулировано А. С. Лаппо-Данилевским с теоретико-познавательной точки зрения.

В том случае, если показание не заслуживает признания его безусловно истинным или безусловно неистинным, необходимо выяснить степень его достоверности или недостоверности.

«Степень достоверности показания находится в зависимости от того соотношения, в каком “верные его элементы” находятся ко всей совокупности включенных в показание элементов». Но при этом нельзя довольствоваться их подсчетом, а надо взвешивать значение каждого элемента. Степень недостоверности показания определяется путем выяснения того соотношения, в каком «неверные его элементы» находятся к совокупности всех элементов, образующих показание.

По убеждению ученого, следует иметь в виду, что такое понятие прилагается не к факту, а к знанию о факте, обнаружившемся в показании о нем. Нельзя говорить о степени достоверности или недостоверности факта, который случился или не случился, но можно рассуждать о степени достоверности или недостоверности знания о факте.

А. С. Лаппо-Данилевский в качестве критерия установления степени достоверности или недостоверности источника предложил ответить на два вопроса:

- 1) мог или не мог случиться зафиксированный факт;
- 2) был или не был он в действительности.

При ответе на первый вопрос историк, по утверждению А. С. Лаппо-Данилевского, должен исходить из понятия о систематическом единстве сознания вообще и с позиции соотношения данного показания с «абсолютной истиной» судить о его значении, а именно соответствует оно или нет «законам сознания» и «законам природы».

При ответе на второй вопрос недостаточно довольствоваться критерием «абсолютной истины», необходимо также установить и критерии фактической истины показаний. Главнейшими из них являются понятия о единстве сознания, заключенном в данном показании, и о соответствии произведения с той культурой и той индивидуальностью, к которой он принадлежит.

Историк постоянно пользуется еще одним критерием, пригодным для установления фактической достоверности показаний: знание, которое он получает о каждом новом факте, интересующем его, должно быть поставлено в соответствие с его знаниями об остальных, уже известных ему фактах. По мнению ученого, можно различать две разновидности вышеуказанного соответствия: согласованность (непротиворечие) показаний и совпадение (тождество независимых) показаний.

Для определения достоверности или недостоверности показаний источник самостоятельное значение, как отмечал А. С. Лаппо-Данилевский, имеет изучение генезиса показаний. При этом подробно изучаются обстоятельства и условия возникновения исследуемого показания, причины и мотивы его появления, выясняются условия данного места и времени, положение, которое занимал их автор в обществе. Генезис показаний выясняется в связи с общими свойствами человеческой природы и в зависимости от условий той культуры, в которой они возникли. Подробного изучения требует личность автора или свидетеля.

Завершается «Методология истории» размышлениями А. С. Лаппо-Данилевского об **общем значении исторических источников**.

Выводы ученого и сегодня не потеряли своего современного звучания. А. С. Лаппо-Данилевский отмечает:

Исторические источники имеют и теоретическое и практическое значение. В теоретическом отношении они важны для познания исторической действительности. В практическом – нужны для того, чтобы действовать в ней и соучаствовать в культурной жизни человечества.

С общей теоретико-познавательной точки зрения исторический источник получает особого рода значение, так как без исторических источников нельзя конструировать историю человечества, о которой можно узнать только из них.

Но, предупреждает ученый, историческое знание, основанное на исторических источниках, оказывается лишь «более или менее вероятным». Во-первых, потому что материал, которым располагает исследователь, довольно «случайного происхождения». И, во-вторых, потому что историку редко удается достигнуть «полного понимания и надлежащей оценки» показаний источника.

Однако, рассуждает далее А. С. Лаппо-Данилевский, благодаря тесной связи между проявлениями культуры случайные пробелы одного рода источников иногда могут восполняться данными других источников. Лакуны, образовавшиеся в данной группе источников или в одном из них, возможно восстановить путем реконструкции архетипа или реставрации утраченных частей. Понятие же о «случайном материале» более применимо к остаткам культуры, чем к историческим преданиям, поскольку «чем важнее факт для определенной социальной группы, тем более вероятно, что он каким-то образом отразится в сознании современников или даже нескольких поколений и вызовет с их стороны какое-либо воспоминание или оценку».

Кроме того, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, историк должен иметь в виду, что каждый источник получает полное «свое значение» лишь в результате его научной обработки. Но во многих случаях интерпретация и критика не могут достигнуть вполне точных результатов и вынуждены довольствоваться «пониманием источника лишь более или менее приближающимся к истине». Следовательно, и выводы, получаемые путем интерпретации и критики источника, легко могут оказаться «лишь более или менее вероятными».

В то же время, подчеркивает ученый, «исторический материал (контролируемый интерпретацией и критикой) все же пригоден для познания исторической действительности». Более того, «чем шире круг источников, к которым историк обращается, тем более он может рассчитывать на достижение своей цели». Далее А. С. Лаппо-Данилевский делает вывод:

Не следует чрезмерно принижать значение исторического материала для познания и построения исторической действительности: он страдает, конечно, существенными пробелами и не всегда поддается успешной интерпретации и критике, но он содержит и такие сокровища человеческой мысли, исследования которых достаточно для того, чтобы конструировать историю нашей культуры, по крайней мере, в главнейших ее чертах и содействовать ее развитию в будущем.

Рассуждая о значении источников для познания и построения исторической действительности, ученый подчеркивает, что сами они оказываются «фактами из истории культуры, возникшими под ее влиянием» и «могут более или менее существенно действовать на ее последующее развитие». Свой труд А. С. Лаппо-Данилевский завершает словами о значении исторических источников в деле преемственности культуры: «Без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества».

Таким образом, «Методология истории» представляет собой цельную, теоретически аргументированную концепцию. А. С. Лаппо-Данилевский определил задачи методологии источниковедения, сформулировал понятие исторического источника, как центрального звена его научной концепции, соотнес с ним другие теоретические основы науки и методы источниковедческого исследования – классификацию, учения о критике и интерпретации, определение значения исторических источников. Основные вопросы методологии источниковедения ученый рассматривал в системе исторического познания.

На протяжении почти столетия в отечественной историографии доминировала точка зрения о принадлежности А. С. Лаппо-

Данилевского к *неокантианскому* направлению философии истории. Однако в последнее время сформировался иной взгляд, суть которого заключается в том, что философская концепция ученого близка к *феноменологии* Э. Гуссерля, исходящей из представлений о единстве мира и научного знания о нем. Так, А. С. Лаппо-Данилевский видел в человечестве особую, наделенную сознанием часть мирового целого (О. М. Медушевская).

А. С. Лаппо-Данилевский творчески переосмыслил современные ему теоретико-познавательные концепции: позитивизм О. Конта, неокантианскую философию В. Виндельбанда и Г. Риккерта, социологические идеи Н. К. Михайловского. С неокантианцами он был не согласен в противопоставлении номотетического и идеографического подходов в науке и считал, что в исторических исследованиях они сосуществуют и взаимодополняют друг друга. Таким образом, главная позиция неокантианства не только не разделялась, но и опровергалась им.

Рассмотрение морфологических особенностей документов на эмпирическом уровне стало основной целью позитивистского направления. Позитивист-историк изучал исторические источники такими и только такими, какими они представлены в непосредственном эмпирическом восприятии.

Философская парадигма, которая оказалась способной соединить философский и эмпирический подходы в единое целое, – это феноменологический подход к историческим явлениям. А. С. Лаппо-Данилевский как основатель феноменологической концепции методологии истории выдвинул тезис «признания чужой одушевленности», который означает, что существует универсальная связь человека с человеком, определенная возможность их взаимного понимания. Тем самым утверждается возможность одушевленного обмена посредством реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Феноменологическая философия, исходя из тезиса о целостности и системности окружающего мира, позволяет по-новому подойти к осмыслению огромного эмпирического материала, накопленного в области источниковедения. Сходство и различие исторических источников может изучаться

как проявление их единства и разнообразия. Оказывается возможным рассмотрение любого из них как исторического явления и применение к ним единого метода раскрытия их источниковых возможностей.

Оценивая вклад своего учителя, С. Н. Валк определил суть концепции А. С. Лаппо-Данилевского как «феноменологию культуры». Создание в начале XX в. феноменологической концепции методологии истории стало решающим историографическим фактом для последующего развития теории и методологии источниковедения.

Список литературы

Источники

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – М., 2006.

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом институте в 1918 г. / А. С. Лаппо-Данилевский. – Пг., 1920.

Исследования

Валк С. Н. А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов / С. Н. Валк // Русский исторический журнал. – 1922. – № 8.

Гревс И. М. А. С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души / И. М. Гревс // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6.

Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание / Г. М. Иванов. – Томск, 1973.

Историческая наука и методология истории в России XX века : К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. – СПб., 2003.

Малинов А. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ / А. Малинов, С. Погодин. – СПб., 2001.

Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. / О. М. Медушевская. – М., 1988.

Медушевская О. М. Лаппо-Данилевский / О. М. Медушевская // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. – М., 2005. – С. 249–250.

Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки / О. М. Медушевская // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 23–84.

Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение / О. М. Медушевская. – М., 1983.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М., 2008.

Пронштейн А. П. Теория и методика исторического источниковедения в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» / А. П. Пронштейн // Источниковедение отечественной истории. 1989. – М., 1989.

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская школа / Е. А. Ростовцев. – Рязань, 2004.

Русина Ю. А. Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методике источниковедения) / Ю. А. Русина // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Вып. 2. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. – С. 246–263.

Румянцева М. Ф. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (вступительная статья) / М. Ф. Румянцева // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 5–23.

Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. / Л. Н. Хмылев. – Томск, 1978.

Шмидт С. О. А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох / С. О. Шмидт // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 167–176.

Глава 4

Развитие отечественного источниковедения в советский период

После 1917 г. изменилась общественно-политическая ситуация в стране и в центре внимания ученых оказались проблемы, находящиеся вне прежнего академического подхода. 1917–1922 гг. – период, когда масштаб перемен уже стал очевиден, но возможность

выражать свои идеи в ученых трудах еще существовала. Если раньше одно из главных мест занимали университетские исследовательские семинары и подготовка фундаментальных изданий, то теперь – подготовка и издание учебной литературы, рассчитанной на нового читателя. Распадались привычные нормы: были отменены ученые степени и звания, введен прием в университеты пролетарской молодежи без обязательного среднего образования. Однако серьезное внимание в эти годы уделялось вопросам сохранности документов и развитию архивного дела.

С начала XX в. в России архивы постоянно находились в центре общественного внимания. После Октябрьской революции вопрос об архивах был очень значимым, поскольку документы упраздненных учреждений оказались под угрозой уничтожения. А. С. Лаппо-Данилевский и его коллеги А. Е. Пресняков²⁶, А. И. Андреев²⁷,

²⁶ Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929), член-корреспондент АН СССР (с 1920), окончил Петербургский университет, с 1918 г. профессор этого университета, в 1920-е гг. преподавал в Институте красной профессуры, в начале творческой деятельности придерживался психологического направления позитивистской социологии, основные темы сочинений – история политических отношений на Руси до XVI в. Значительное внимание после 1917 г. стал уделять вопросам русской истории XIX в., в том числе и революционному движению.

²⁷ «Александр Игнатъевич Андреев (1887–1959), российский историк. <...> Окончил Петроградский университет (1916). Как ученый сформировался в семинаре А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике. С 1913 г. сотрудник, в 1921–29 секретарь Постоянной исторической комиссии (с 1926 г. историко-археографическая) Академии наук. Занимался публикацией актового материала. <...> В 1929 г. одним из первых арестован по “Академическому делу” как ближайший сотрудник С. Ф. Платонова, отбывал ссылку в г. Енисейск. <...> С 1935 г. научный сотрудник ряда институтов в системе АН СССР. В 1937–1941 гг. подготовил к изданию “Историю Сибири” Г. Ф. Миллера. С 1938 г. член Всесоюзного географического общества, занимался историей русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах...» (Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 723). «Зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ с 1943 г., в 1949 г. отстранен от работы за отказ критики идей Лаппо-Данилевского. Последние десять лет жизни работал в ленинградских учреждениях Академии наук» (Медушевская О. М., Муравьев В. А. Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения историко-архивного института. М., 2001. С. 33–54).

С. Н. Валк²⁸ занимались разработкой архивной реформы. Кроме того, нужны были специалисты для работы в архивах. Осенью в Петрограде и Москве открылись Архивные курсы, где преподавали лучшие представители академической науки, в том числе А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, И. Л. Маяковский²⁹, О. А. Добиаш-Рождественская³⁰.

²⁸ Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975), историк, один из основоположников советской археологии и источниковедения. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1913), ученик А. С. Лаппо-Данилевского, продолжил традиции петербургской исторической школы. С 1921 г. преподаватель Петроградского государственного университета (с 1924 г. ЛГУ), с 1946 г. профессор. С 1968 г. ответственный редактор ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины». Разработал правила издания документов Новейшего времени (1925, 1955).

²⁹ «Илья Лукич Маяковский (1878–1954), в 1899 г. окончил Екатеринославскую духовную семинарию, в 1903 г. – историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1917 г. участвовал в учреждении Союза архивных деятелей, сразу вошел в его состав, был в числе ведущих архивных работников. Преподавал в Петроградском археологическом институте (1918–1922), Петроградском (Ленинградском) государственном университете (1922–1927). С 1942 г. преподавал на кафедре архивоведения МГИАИ. Доктор исторических наук с 1943 г.» (*Добренькая М. В.* Становление советского архивного дела по материалам личного фонда И. Л. Маяковского (по материалам личного фонда в Центральном московском архиве-музее личных собраний) // Вестник архивиста. 2008. № 3 (103). С. 229–238).

³⁰ «Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939) медиевист, историк западноевропейской средневековой культуры. Окончила историко-филологический факультет С.-Петербургских высших женских курсов (Бестужевских) (1899). Ученица Гревса. Несколько лет преподавала историю в петербургских женских гимназиях. С 1904 г. преподавательница Бестужевских курсов. В 1908–1911 гг. находилась в научной командировке в Париже, где занималась в Сорбонне, Школе хартий и Школе высших практических исследований. Своими учителями считала Ш. В. Ланглуа и Ф. Лота. По возвращении в Россию доцент Бестужевских курсов. Была первой женщиной в России, защитившей магистерскую (1915) и докторскую (1918) диссертации по всеобщей истории. Проф. Бестужевских курсов (с 1915), Петроградского (позднее Ленинградского) университета (1918–1929, 1934–1939). Чл.-корр. АН СССР (1929). Научный сотрудник Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки в Ленинграде (1922–1939). По своим политическим взглядам до революции была близка к кадетам, после революции постепенно примирилась с советской властью. Автор около 150 печатных работ» (*Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 178–180.*)

В 1917–1922 гг. удалось завершить и опубликовать работы, которые составили классику отечественной методологии источниковедения: «Очерк русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского, «Введение в историю. Теория истории» Л. П. Карсавина³¹. Принципы методологии, разработанные А. С. Лаппо-Данилевским, развивали С. Н. Валк, А. Е. Пресняков, И. М. Гревс³² и др.

В то же время появилась возможность обратиться к ранее малодоступным источникам историко-революционной тематики XIX–XX вв. (С. Н. Валк, А. Е. Пресняков). Для отечественного источниковедения был характерен единый культурологический подход к источникам разных эпох. Он позволял ученым успешно осваивать новые для них свидетельства. Этот методологический подход предполагает принципиальное единство научно-критических методов анализа документов, оценки их достоверности вне зависимости от времени их возникновения. В связи с активной разработкой новой

³¹ «Лев Платонович Карсавин (1882–1952) – мыслитель, историк культуры, философ... Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского ун-та (1906), ученик Гревса; Карсавин начал свой путь ученого с изучения средневековой религии и шире – средневековой культуры... Осенью 1922 г. покинул Россию на печально знаменитом “корабле философов”... В 1926 г. в Париже возглавил работу “Евразийского семинара”... К 1929 г. порывает с евразийством и по приглашению Каунасского университета занимает кафедру всеобщей истории. <...> Годы войны Карсавин провел в Литве. В 1944 г. советской властью был отстранен от преподавания в университете... В 1949 г. осужден на 10 лет лагерей, где умер» (Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 293–300).

³² «Иван Михайлович Гревс (1860–1941) – историк, педагог, публицист, краевед. Учась на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета (1879–1883), участвовал в “Ольденбургском кружке” (Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской и др.). Изучая историю римского землевладения, подолгу работал в Италии и Париже. <...> В 1890-х гг. Гревс – один из самых популярных профессоров Высших женских курсов (Бестужевских); с 1902 г. – в университете. Ученики (среди них Федотов, Карсавин, Анциферов) называли Гревса *padre* (отцом) и мастерзингером культуры. В 1917–1918 гг. Гревс проявил себя как публицист. Приняв Февральскую революцию как ниспровержение всего устаревшего и давящего, он вместе с тем отмечал ее “разрушительную силу”. Уйдя в 1923 г. из университета вследствие несогласия с возобладавшими установками М. Н. Покровского, Гревс читал лекции об изучении жизни городов и архитектурных ансамблей. <...> В 1934 г. продолжил работу в Ленинградском университете» (Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 155–156).

социально-политической проблематики в первой половине 1920-х гг. в печати появилось немало работ, в которых отстаивалась позиция научного, критического подхода к источникам новейшего времени. Ученые апеллировали к авторитету российских и зарубежных методологов – Э. Бернгейма, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, А. Л. Шлецера.

Некоторые теоретические источниковедческие положения нашли свое выражение на страницах журнала «Пролетарская революция» в статье М. Н. Покровского³³ «От Истпарта» (1921). В них проявились марксистские взгляды историка-большевика и влияние новой идеологии, делались выводы:

- о значении исторических источников, без которых невозможна исследовательская работа;
- о принципиальной важности обеспечения историко-революционных исследований возможно более полной источниковой базой;
- о значении документов РКП(б) и других политических партий и революционных движений для изучения революционной борьбы;
- о важности мемуаров как источников, отражающих психологический фон событий.

В 1922 г. было опубликовано учебное пособие В. И. Пичеты³⁴ «Введение в русскую историю», в котором автор:

³³ Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), советский историк, академик (1929), партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1905 г. Родился в Москве в семье чиновника. В 1891 г. по окончании историко-филологического факультета МГУ Покровский – одаренный ученик В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова – был оставлен для подготовки к профессорскому званию сразу по двум кафедрам – русской и всеобщей истории. 1907–1917 гг. – период эмиграции. С мая 1918 г. до конца жизни Покровский – зам. наркома просвещения РСФСР. Руководитель Коммунистической академии и ее Института истории, Института красной профессуры, общества историков-марксистов, Центрархива (с 1925). Редактор исторических журналов («Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов»), член главной редакции Большой советской энциклопедии.

³⁴ Владимир Иванович Пичета (1878–1947), советский историк, академик АН СССР (1946) и АН БССР (1928). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1901). Вел научную и педагогическую работу на Украине, с 1905 г. – в Москве. Ректор Белорусского университета (1921–1929). С конца 1930-х гг. работал в институте истории АН СССР и в МГУ. С 1946 г. заместитель директора института славяноведения АН СССР. Основные труды – по социально-экономической и культурной истории России, Белоруссии, Литвы, Украины и Польши.

- определил исторический источник как «все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»;

- подтвердил важность принципа исчерпывающей полноты источниковой базы;

- формулируя понятие о внутренней и внешней критике, указал на важность выяснения вопросов происхождения источников, обстановки их появления и в особенности авторства (условия жизни автора, его социально-экономическая, политическая и идеологическая принадлежность);

- дал обзор источников по территориальному признаку, а затем – по видам, но без обоснования видового принципа деления.

Н. А. Рожков³⁵ в статье «К методологии истории революционного движения», опубликованной в 1923 г. в журнале «Красная летопись», призывал критически усваивать не только запас исторических знаний, но и приемы и методы исторического исследования, оставшиеся в наследие от буржуазных историков. Автор также останавливался на вопросах методики исследований историко-революционного материала на примере анализа воспоминаний революционеров.

В 1924 г. на Всесоюзном совещании Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт) при обсуждении вопроса о научной обработке источников говорилось:

- о критическом освоении того полезного в области методики, что могла дать предшествующая источниковедческая историография;

- об обязательности применения всего аппарата источниковедческой критики ко всем историческим источникам, в том числе

³⁵ Николай Александрович Рожков (1868–1927), историк, социолог, публицист; в 1890 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1900 г. приват-доцент университета, в 1905 г. вступил в РСДРП(б), в 1917 г. меньшевик, член меньшевистского ЦК, в 1922 г. порвал с меньшевиками. Работал в вузах Москвы и Ленинграда, автор ряда школьных учебников по истории. Как историк он сформировался под влиянием, с одной стороны, позитивизма и, с другой – марксизма. Из русских историков наиболее значительным было влияние на него В. О. Ключевского.

и к историко-партийным документам (необходимость этого доказывалась ссылками на историко-партийные мемуары, в которых возможны ошибки памяти и которые требуют сопоставления с другими источниками);

- о дополнении вопросов происхождения и авторства, критики и интерпретации источников моментом классового анализа;
- о критике подхода немецкого историка Э. Бернгейма, подвергающего исторические остатки проверке только на подлинность без выяснения достоверности (в пример приводились документы охранки и белогвардейские документы).

Постепенно отношение к опыту прошлых поколений историков начинает меняться, оформляется история партии как самостоятельное направление исторических исследований, начинается борьба с так называемой «буржуазной методологией истории», раскрывается суть «кризиса буржуазного историзма». Большой вклад в это дело внесли выступления М. Н. Покровского в связи с переизданием книги А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» в 1923 г. Критикуя А. С. Лаппо-Данилевского за отрыв источников от общественных условий, в которых они созданы, М. Н. Покровский выдвигает положение об историческом источнике как продукте классовой борьбы. Но в период становления советской исторической науки формула М. Н. Покровского возникла, скорее всего, в связи с критикой подходов к источнику в буржуазной историографии. Впоследствии в начале 1960-х гг. данная формулировка М. Н. Покровского критиковалась В. П. Даниловым и С. И. Якубовской за узкое определение исторического источника, который, по словам советских историков, «не только отражает классовую борьбу, но содержит конкретные исторические сведения».

Однако в первой половине 1920-х гг., критикуя буржуазную историографию за узкое понимание происхождения исторического источника без учета социально-экономических условий, его породивших, М. Н. Покровский признавал заслуги академической исторической науки:

Борясь с буржуазными идеологами, не забывайте, что и старые историки, и европейские историки, и наши буржуазные историки обладают техникой, которую сразу проглотить нельзя, которой нужно выучиться.

Выступая же на заседании, посвященном открытию Института истории при Коммунистической академии, 18 ноября 1929 г., историк-марксист заявил:

В области истории, науки марксистской по преимуществу, науки ленинской по преимуществу, дореволюционные оценки, подходы и методы абсолютно никуда не годятся.

Серьезные последствия для формирования методологии и методики изучения истории советского общества имело письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) в редакцию журнала «Пролетарская революция». В письме фактически вводились ограничения на тематику научных дискуссий. Так, недопустимым объявлялось обсуждение вопроса о «большевизме Ленина» и других «аксиом большевизма». Предлагалось историков, которые «превращают аксиому в проблему» и предмет дискуссии, заклеить «клеветниками и фальсификаторами». Задача поиска недостающих документов для изучения дискуссионных вопросов характеризовалась как «бюрократический» прием. Историки, полагающиеся лишь на одни бумажные документы, были названы «безнадежными бюрократами» и «архивными крысами». В заключение был дан совет изучающим историю большевизма пользоваться «наиболее надежным методом проверки», а именно «проверять большевиков по их делам».

В результате в 1930-е гг. происходит серьезная деформация в развитии теоретических проблем источниковедения. В частности, утверждается положение о необязательности документального обоснования выводов историка, допускается отказ от принципа привлечения всей совокупности исторических источников как условия объективной интерпретации и оценки изучаемых событий, постепенно утрачивается академический профессионализм.

Проникновение новой идеологии в исторические исследования нашло отражение в формировании двойственного подхода к оценке достоверности документальных сведений дореволюционного и советского периодов. Если по отношению к источникам, датированным до 1917 г., требование критического анализа их содержания всегда подчеркивалось, то достоверность советских документов, в особенности исходящих из партийных и государственных органов, признавалась заведомо бесспорной, а всякая попытка критического подхода объявлялась крамолой. Таким образом, абсолютизация партийного и классового подхода влекла за собой игнорирование канонических приемов источниковедческой критики, а как следствие, искажение научных критериев в изучении новейшей истории.

Теоретические работы историков конца 1920-х – начала 1930-х гг. в первую очередь ставили перед собой учебные задачи. Так, Г. П. Саар в работе «Источники и методы исторического исследования» (1930) рассматривает важнейшие теоретические вопросы источниковедения: что такое исторические источники, их классификация, общие методы исследования, особенности анализа вещественных, письменных, изобразительных, фонических документов, звуковых фильмов и исторических сочинений. При этом он опирается на критический анализ выводов главных авторитетов в области методологии истории рубежа XIX–XX вв. – Э. Бернгейма, Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, А. С. Лаппо-Данилевского. Книга проникнута классовым подходом, а «буржуазные историки» объявляются «идеалистами» и представителями «класса эксплуататоров». Свои методы исторического исследования Г. П. Саар обильно проиллюстрировал примерами анализа источников новейшего времени: прокламаций, листовок, протоколов партийных конференций, публицистики, фотографий и т. д.

С таких же позиций написана книга С. Н. Быковского «Методика исторического исследования» (1931). Автор отмечает, что на современном ему «книжном рынке почти нет специальных работ и систематических учебников по вопросам техники исторического исследования». Все произведения дореволюционного периода (имеются в виду труды Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма,

А. С. Лаппо-Данилевского, Л. П. Карсавина), по мнению С. Н. Быковского, в части методологии истории объединяет антимарксистская сущность. Автор книги заменяет термин «методика исторического исследования» «технической методологией исторического исследования», дает определение понятию «исторический источник» в широком и узком смысле, проводит черту между историческими источниками и историческими пособиями, оперирует терминами «аналитическая и синтетическая критика источников» взамен «внешней и внутренней критики». Рассуждая о принципе полноты источниковой базы в исторических исследованиях, историк отмечает, что «прочные выводы историка могут быть основаны только на доброкачественных источниках».

Неординарным событием в условиях становления советской исторической науки было открытие в 1930 г. Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) (этот факт О. М. Медушевская назвала «феноменом»). В задачи вуза входила подготовка специалистов по архивному делу и документоведению, в которых нуждались государственные административные службы.

Дисциплины источниковедческого направления в институте были представлены С. Б. Веселовским³⁶, П. Г. Любомировым³⁷,

³⁶ Степан Борисович Веселовский (1876–1952), советский историк, академик АН СССР (1946). Окончил юридический факультет Московского университета (1902). Профессор МГУ (1917–1925), Историко-архивного института (1938–1941) и др. С 1936 г. старший научный сотрудник института истории АН СССР. Выдающийся знаток архивного актового материала по истории феодальной России. Большую ценность представляют его публикации источников по истории феодального землевладения и источниковедческие исследования о системе кадастра XVI–XVII вв. Был крупным специалистом и в области вспомогательных исторических дисциплин.

³⁷ Павел Григорьевич Любомиров (1885–1935), советский историк. В 1910 г. окончил Петербургский университет; в 1915–1917 гг. приват-доцент университета. В 1920–1930 гг. профессор и заведующий кафедрой русской истории Саратовского университета. В 1932–1935 гг. работал в научных учреждениях и вузах Москвы (Государственный исторический музей, Московский институт философии, литературы и истории, Историко-архивный институт). Главная область исследований – социально-экономическая история России XVII–XVIII вв. Ряд работ посвящен русской общественной мысли XVIII в. (А. Н. Радишев, М. М. Щербатов), расколу и старообрядчеству.

М. Н. Тихомировым³⁸, В. К. Яцунским³⁹, Л. В. Черепниным⁴⁰ и др. В учебные планы был включен полный курс источниковедения, который в 1936–1940 гг. читал М. Н. Тихомиров. Совместно с С. А. Никитиным⁴¹ он подготовил фундаментальный курс источниковеде-

³⁸ Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965), советский историк, академик АН СССР (1953); член-корреспондент (1946). После окончания в 1917 г. историко-филологического факультета Московского университета – на музейной, библиотечной и преподавательской работе; с 1934 г. на историческом факультете МГУ и в др. вузах. С 1935 г. в Институте истории, а затем Институте славяноведения АН СССР. В 1953–1957 гг. академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР; с 1956 г. председатель Археографической комиссии. Основные труды – по истории России и народов СССР, а также истории Византии, Сербии, общеславянским проблемам, источниковедению, археографии, историографии. Обобщающий труд «Россия в XVI столетии» (1962) – фундаментальный вклад в историческую географию. Ряд работ посвящен экономическим, политическим и культурным связям народов СССР.

³⁹ Виктор Корнельевич Яцунский (1893–1966), советский историк, специалист в области исторической географии и истории русской промышленности, доктор исторических наук (1950), профессор. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1916) и экономическое отделение Московского коммерческого института (1915). С 1921 г. преподавал в вузах (Коммунистический университет им. Свердлова, Московский университет, Историко-архивный институт и др.). С 1946 г. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

⁴⁰ Лев Владимирович Черепнин (1905–1977), советский историк, академик АН СССР (1972), заслуженный деятель науки РСФСР (1970). Специалист в области отечественной истории эпохи феодализма, источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин. В 1929 г. окончил аспирантуру Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. С 1946 г. старший научный сотрудник института истории (с 1968 г. Института истории СССР) АН СССР, с 1951 г. заведующий сектором истории СССР периода феодализма. Преподавал в МГУ и в др. вузах. Профессор с 1947 г. Автор свыше 350 научных трудов. Создал одну из советских школ медиевистики России.

⁴¹ «Сергей Александрович Никитин (1901–1979), после окончания гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета (с 1919 г. – факультет общественных наук), который окончил в 1922 г. Его учителями в университете являлись С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Р. Ю. Виппер, С. Д. Сказкин. <...> С 1930 г. арестован... почти два года провел в тюрьме и ссылке. <...> С 1937 г. начал преподавательскую деятельность в вузах Москвы. Он работал в Историко-архивном институте, Институте философии, литературы, истории, на историческом факультете МГУ, где проработал двадцать

ния отечественной истории, рассматривающий важнейшие виды источников с древнейших времен до конца XIX в. На этой основе были созданы учебники, в которых авторы представили обобщенную картину источников различных исторических эпох. Учебник М. Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (1940) стал шагом вперед в освоении новых групп источников: в нем дается необычайно широкая источниковедческая основа отечественной истории, в научный оборот вводятся целые комплексы источников по истории народов СССР – Крыма, Кавказа, Средней Азии, Украины, Белоруссии, Прибалтики. С. А. Никитин в своем учебнике «Источниковедение истории СССР XIX в.» (1940) фактически впервые с образовательными целями обратился к «особенностям и условиям развития» отдельных видов исторических источников XIX столетия. Историк подробно рассматривает архивные материалы центральных и местных хранилищ, опубликованные законодательные памятники, статистические документы, периодическую печать, мемуарные произведения. Акцентируя внимание на крупных видовых комплексах, авторы учебных пособий характеризовали источники в связи с историческими условиями их появления.

Разработка теоретических положений источниковедения продолжалась в МГИАИ и в 1940-е гг. В 1943 г. кафедру вспомогательных исторических дисциплин здесь возглавил ученик А. С. Лаппо-Данилевского А. И. Андреев. Еще в 1940 г. вышла в свет его монография «Очерки по источниковедению Сибири», в которой ученый подходил к историческим источникам как к явлениям культуры, выстраивая критический анализ в зависимости от видовой принадлежности свидетельств: картографические, письменные, изобразительные. В этом труде и затем в учебном курсе по методологии источниковедения историком были сформулированы следующие принципиальные положения:

лет, из которых четырнадцать (1947–1961) являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян. <...> В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1947 г. – докторскую. <...> С 1947 до 1979 г. в Институте славяноведения АН СССР» (Чуркина И. В., Горина Л. В. С. А. Никитин // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1991. С. 5–7).

- необходимость общих методов критики и истолкования исторических источников независимо от их видовой и иной специфики;
- применение видового принципа классификации источников отечественной истории и разработка специфических приемов работы с ними;
- обращение к новым приемам критики и интерпретации источников Нового и Новейшего времени в соответствии с их содержательными и видовыми особенностями.

Вместе с В. К. Яцунским он занялся проблемами взаимодействия естественно-научных и гуманитарных аспектов исследований и преподавания источниковедения и исторической географии. Одной из главных задач А. И. Андреев видел создание источниковедения истории советского общества как особого направления исследований и разработку лекционного курса с привлечением документов Новейшего времени. С этой целью он пригласил специалиста в области советской статистики М. Н. Черноморского, который начал разрабатывать это направление. В условиях изоляции советской исторической науки А. И. Андреев, читая лекции, посвященные идеям А. С. Лаппо-Данилевского, открыто высказывался за необходимость изучения новых достижений западных ученых. По его предложению возглавляемая им кафедра вспомогательных исторических дисциплин включила в свои планы серию докладов о трудах западноевропейских и американских историков. Однако идеологическая кампания 1949 г. по борьбе с «космополитизмом и идолопоклонством перед Западом», а также отказ А. И. Андреева выступить с критикой методологии своего учителя А. С. Лаппо-Данилевского привели к выведению ученого из состава совета института и лишению его кафедры.

В 1940-е – начале 1950-х гг. теоретические проблемы источниковедения рассматривались в работах Л. В. Черепнина, который развивал свои представления об историческом источнике в полемике с учением А. С. Лаппо-Данилевского. Полемизируя с А. С. Лаппо-Данилевским, Л. В. Черепнин принимал основной постулат его концепции – понимание источниковедения как системного учения об источниках. Главные возражения он высказывал по вопросу

природы исторического источника как «реализованного продукта человеческой психики». Разделяя главную идею А. С. Лаппо-Данилевского об источнике как явлении культуры, Л. В. Черепнин рассматривал его как историческое явление, как продукт общественной борьбы и социальных противоречий эпохи. В 1949 г. авторитетный советский ученый, автор фундаментального труда «Русские феодальные архивы» был вынужден написать статью в обличительном стиле «А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» (Вопросы истории. № 8), которая на многие последующие годы попала в списки рекомендованной учебной литературы.

Таким образом, в 1920–50-е гг. определились главные черты новой концепции источниковедения. Принципиальное значение имело при этом рассмотрение источника в качестве социально-исторического явления, продукта определенной эпохи и общественной борьбы. На этой основе реализовались вопросы классификации источников (по социально-экономическим формациям, видам и классовой позиции их создателей), методы изучения происхождения и авторства, проверки достоверности и оценки значения исторических свидетельств. Освоение источников Нового и Новейшего времени началось в 1920-е гг. с источников революционного движения. Но полноценное обращение к документам советского периода как к историческим источникам в 1930–50-е гг. было невозможно, так как, согласно единому подходу источниковедческой критики, к ним пришлось бы применять методы определения степени достоверности и критического анализа.

С началом «оттепели» в середине 1950-х гг. вопросы источниковедения Новейшего времени стали предметом дискуссионных обсуждений. Так, в 1957 г. в ходе научного совещания в МГИАИ в центре внимания оказался вопрос о правомерности применения к советским документам всего объема методов научной критики. Проблемам преподавания источниковедения Новейшего периода посвящались дискуссии в ведущих исторических изданиях начала 1960-х гг. М. Н. Тихомиров, неоднократно выступавший за разработку проблем источниковедения истории XX в., включил источники советского времени в сферу научных изысканий Археографической комиссии АН СССР.

С конца 1950-х гг. растет интерес к теоретическим проблемам дисциплины: предмет и содержание источниковедения, его структура, задачи и место в системе научных исторических знаний, вопросы типологии и классификации источников, методы их исследования. В 1960–70-е гг. сформировалось особое направление, в центре внимания которого находились эти вопросы. Вклад в их разработку внесли труды В. И. Стрельского, О. М. Медушевской, Г. М. Иванова, Б. Г. Литвака, А. П. Пронштейна, Л. Н. Пушкарева, С. О. Шмидта и др.

Заметный след в области методологии источниковедения оставила статья «Некоторые вопросы теории источниковедения» С. М. Каштанова и А. А. Курносова, напечатанная в журнале «Исторический архив» в 1962 г. вместе с материалами ее обсуждения. Высокую оценку эта работа получила в отзывах ведущих отечественных историков того времени, которые отмечали «научную смелость» авторов (Л. Н. Пушкарев), их «дерзость и новаторство» (В. В. Фарсобин). Авторы, преподаватели МГИАИ, актуализировали целый комплекс теоретических вопросов, отражающих уровень развития источниковедения как научной дисциплины. Во-первых, отмечался недостаток специальных трудов по методологии источниковедения, которые не выходили с начала 1930-х гг., после книг Г. П. Саара и С. Н. Быковского, за исключением работ на конкретные источниковедческие и архивоведческие темы. Во-вторых, обращалось внимание на необходимость строго научного подхода ко всем категориям исторических источников, в том числе и советского периода, с безусловной обязательностью их серьезной источниковедческой критики и недопустимости поверхностного, иллюстративного использования данных, почерпнутых из этих источников (здесь историки присоединились к точке зрения В. И. Стрельского). В-третьих, поставлен вопрос о разработке новой схемы источниковедческого исследования. В-четвертых, рассмотрен вопрос о предмете источниковедения, проанализировано его место в системе исторических наук и, следуя представлениям о более высоком статусе этой дисциплины, нежели любой другой, входящей в сообщество *вспомогательных* исторических дисциплин, предложено

считать источниковедение *специальной* научной дисциплиной. В-пятых, обоснована классификационная схема исторических источников на основе критерия их происхождения и подтверждено мнение В. И. Стрельского об отсутствии резкой грани между источниками и исследованиями.

Этапный характер для разработки теоретических вопросов источниковедения имело также издание сборника статей «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» (1969), в котором анализировались важнейшие проблемы, связанные с развитием и местом этой научной дисциплины в системе исторического знания. Здесь были представлены работы авторитетных советских историков (С. О. Шмидта, А. Я. Гуревича, О. М. Медушевской, Б. Г. Литвака, С. М. Каштанова, И. Д. Ковальченко и др.) о предмете источниковедения, категории «исторический факт», классификации исторических источников, проблеме достоверности, развитии источниковедения массовых источников и применении количественных методов в анализе исторических документов, специфике научной критики отдельных видов письменных источников, об особом подходе к источникам с целью изучения социально-исторической психологии и стиля мышления минувшей эпохи и др. В одной из работ сборника С. О. Шмидт отмечал необходимость введения в научный оборот источниковедческих приемов крупных дореволюционных ученых: В. О. Ключевского, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского. Историк считал недопустимым давать предложенной ими методике политические характеристики, поскольку это ведет к недооценке роли выдающихся отечественных ученых в развитии мировой науки. «Старые источниковедческие приемы» он называл «классическими», той основой, благодаря которой в дальнейшем обогащалась источниковедческая наука. В другой статье Б. Г. Литвак, именуя А. С. Лаппо-Данилевского «умным идеалистом», настаивал, что «в методике, предложенной ученым, нет таких черт, которые неприемлемы для марксистской методологии истории».

В 1970–80-е гг. выходит академическое серийное издание «Источниковедение отечественной истории» – сборники научных

статей, отражающих опыт изучения различных видов исторических документальных материалов.

Постепенно среди советских историков усиливается интерес к творчеству А. С. Лаппо-Данилевского, начинает преобладать более объективная оценка его трудов (Г. И. Грехова, Л. Н. Хмылев, И. Л. Беленький). На протяжении всей своей долгой творческой жизни обращался к наследию выдающегося русского ученого его ученик С. Н. Валк.

В теоретическом и прикладном аспектах изучались возможности применения в источниковедении методов других наук – математики, социальной психологии, экономической статистики и др. Началось формирование источниковедения массовых источников как самостоятельного направления научных изысканий.

Характерной чертой материалистической научной парадигмы оставалось направление «борьбы с буржуазными концепциями и теориями» исторической науки. Продолжают выходить работы, в которых критикуются исследования западных ученых с позиций партийности и историзма.

Показателем определенной завершенности в процессе обсуждения вопросов теории и методологии, а также качественных изменений в развитии источниковедения как самостоятельной научной дисциплины явилось издание учебных пособий по всему курсу источниковедения истории СССР, включая советский период. Это хорошо известные многим поколениям студентов-историков учебные пособия под редакцией В. И. Стрельского (1962), М. Н. Черноморского (1965), М. А. Варшавчика (1971), А. П. Пронштейна (1976), И. А. Федосова, И. Д. Ковальченко (1973, 1981). В них значительное место отводилось методике изучения исторических источников. В учебные планы большинства вузов в 1960-е гг. вводятся источниковедческие дисциплины, в задачи которых входит формирование научно-исследовательской культуры будущих специалистов в области истории.

В конце 1980-х гг. под влиянием системных перемен в обществе и концептуальных изменений в области методологии истории, породивших спрос на новые исторические источники, у источни-

коведения возникли новые научные задачи. Актуальными проблемами отечественного источниковедения на рубеже 1980–90-х гг. назывались следующие:

- неравномерность в уровне, характере и масштабах изучения и использования различных групп и видов источников;
- необходимость более широкого введения в научную практику массовых источников;
- неразработанность источниковедческих подходов по отношению к документам советского времени, когда элементарные источниковедческие процедуры вообще не применялись – например, к документам КПСС и советских органов власти;
- малочисленность специальных источниковедческих исследований по истории Нового и Новейшего времени в сравнении со степенью изученности источников по истории страны более ранних периодов;
- отставание от западноевропейских и американских исследований в области применения компьютерных технологий для обработки исторических источников;
- пробелы в источниковой базе Новейшего времени по причине отсутствия или тенденциозности официальных документальных материалов, восполнить которые возможно развитием устной истории;
- низкий научный уровень публикаций документов по истории советского общества, которые имели в основном апологетический характер и конъюнктурное назначение, отсутствие пофондовых изданий, необходимость сотрудничества в этой области с архивными учреждениями.

На исходе XX в., когда ученые получили доступ ко многим ранее засекреченным документам и ввели их в научную практику, некоторые историки-корифеи, например Н. Н. Покровский, обратили внимание на актуализацию качественного научного анализа этих источников как в процессе их изучения, так и в ходе публикации. Во-первых, акцент делался на комплексном подходе, так как извлечь достоверные сведения из документа можно, только используя достижения различных наук: источниковедения, текстологии,

археографии, дипломатики, палеографии, сфрагистики и др. Во-вторых, подчеркивалось, что назрела серьезная необходимость углубленного научного анализа советских материалов, включающего классические подходы определения авторства, даты, подлинности, полноты, канонического (первоначального) текста, динамики формуляра, тенденциозности и достоверности источников. Важно не просто вовлекать в научную практику и спешно публиковать новые источники, отвечающие политическим взглядам исследователей и подтверждающие их убеждения, – обязательным требованием для получения действительно научных выводов остается качественное источниковедческое исследование.

Итак, отечественное источниковедение прошло определенные этапы в своем развитии. В 1920–80-е гг. была оформлена и получила развитие материалистическая концепция науки об источниках, сформировался ее предмет как самостоятельной отрасли научных исторических знаний. Новые задачи, возникшие перед источниковедением в конце 1980-х гг., открыли новые перспективы в его развитии. Прежде всего это проявилось в освоении и введении в научную практику ранее не изученных источниковых комплексов, а также в совершенствовании методов исследования источников. Углубление теоретико-методологических изысканий способствовало определению нового статуса источниковедения в системе гуманитарных наук, основанного на его междисциплинарном характере.

Список литературы

Авдеев Н. И. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции / Н. И. Авдеев // Пролетарская революция. – 1925. – № 1–2.

Актуальные проблемы советского источниковедения : Круглый стол // История СССР. – 1989. – № 6.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый: XVII век / Н. И. Авдеев. – М. ; Л., 1960.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй: XVIII век (первая половина) / Н. И. Авдеев. – М. ; Л., 1965.

Беленький И. Л. Разработка проблем теоретического источниковедения советской исторической науки (1960–1984) / И. Л. Беленький. – М., 1985.

Борисова Л. В. Делопроизводственные документы советской эпохи: историография и источниковедение (20–80-е годы) / Л. В. Борисова // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 19–29.

Бочаров Ю. Н. Источники по истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе / Ю. Н. Бочаров // Историк-марксист. – 1927. – № 5.

Быковский С. Н. Методика исторического исследования / С. Н. Быковский. – Л., 1931.

Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / С. Н. Валк. – СПб., 2000.

Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение / М. А. Варшавчик. – Киев, 1984.

Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС / М. А. Варшавчик. – М., 1989.

Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–35.

Иванов Г. М. Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. – М., 1981.

Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969.

Карсавин Л. П. Введение в историю / Л. П. Карсавин // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 109–127.

Карсавин Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб., 1993.

Каштанов С. М. Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносков // Исторический архив. – 1962. – № 4. – С. 173–196.

Коломийцев В. Ф. Методология истории / В. Ф. Коломийцев. – М., 2000.

Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. / О. М. Медушевская. – М., 1988.

Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность / О. М. Медушевская // Советская историография. – М., 1996. – С. 42–77.

Медушевская О. М. Источниковедение в системе гуманитарного образования / О. М. Медушевская, В. А. Муравьев // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. – М., 2001. – С. 33–54.

Медушевская О. М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строгая наука / О. М. Медушевская // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. – М., 2001. – С. 8–32.

Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов / О. М. Медушевская // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 171–194.

Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX в. / С. А. Никитин. – Т. 2 – М., 1940.

Пичета В. И. Введение в русскую историю / В. И. Пичета. – М., 1922.

Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки : в 2 т. / М. Н. Покровский. – М., 2011.

Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века / Н. Н. Покровский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 94–105.

Покровский Н. Н. О принципах издания документов XX века / Н. Н. Покровский // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 32–45.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д., 1976.

Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории. – М., 1994.

Рожков Н. А. К методологии истории революционного движения / Н. А. Рожков // Красная летопись. – 1923. – № 7.

Румянцева М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М., 2002.

Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования / Г. П. Саар. – Баку, 1930.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1940.

Хорхордина Т. Неизвестный И. Л. Маяковский (1878–1954) / Т. Хорхордина. – М., 2001.

Шмидт С. О. А. С. Лапо-Данилевский на рубеже эпох / С. О. Шмидт // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 167–176.

Яцунский В. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и научной деятельности / В. Яцунский // Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. – М., 1960. – С. 3–14.

Глава 5

Предмет и метод современного источниковедения

Как отрасль исторического знания, как особая научная дисциплина отечественное источниковедение оформилось в XIX в. Важным условием институализации науки является выработка определений ее объекта, предмета, основных задач, методов изучения и понятийного аппарата.

Объектом изучения источниковедения были определены исторические источники. Что касается *предмета*, то в 1920-е гг. большинство историков удовлетворяло общее определение источниковедения как научной дисциплины, посвященной изучению исторических источников. Деятели науки 1930-х гг. также характеризовали источниковедение как «совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников». Эта дефиниция была закреплена в первом издании «Большой советской энциклопедии» в 1937 г. С. Н. Валк в 1940 г. впервые употребил термин «общее источниковедение», подчеркивая тем самым, что источниковедение, в отличие от других дисциплин, занимающихся изучением источников, «дает общее учение о документе». Так, источниковедение было выделено из комплекса других научных дисциплин, чьим объектом являются источники. В опубликованных в том же году учебных пособиях М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина источниковедение рассматривалось как самостоятельная наука, ставящая своей задачей «дать обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР», кроме того специфика критики источников связывалась с их видовой принадлежностью. В 1953 г. во втором издании «Большой советской энциклопедии» была опубликована статья Л. В. Черепнина «Источниковедение», носившая концептуальный характер для уровня развития науки на тот момент времени. Статья определяла источниковедение как «наиболее широкую из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающую методы изучения и использования исторических источников». Главными задачами

источниковедения были названы «вопросы классификации, критического анализа, определения происхождения, классового характера источника, проверки достоверности и фактической ценности его содержания, а также синтез – изучение системы источников в их взаимосвязи».

В 1960-е гг. среди теоретических дискуссий наиболее крупной был научный спор об определении предмета и задачах источниковедения. Отмечалась множественность дефиниций: в одних случаях источниковедение характеризовалось как совокупность вспомогательных дисциплин, в других – как одна из них. Предлагалось также с целью подтверждения статуса науки, являющейся основой любого исторического исследования, заменить термин «вспомогательная» термином «специальная историческая дисциплина». В конце 1960-х гг. С. О. Шмидт высказался против противопоставления этих терминов. Предмет источниковедения, по его мнению, включает «теорию и практику изучения исторических источников». Ряд исследователей (например, В. В. Фарсобин) отмечали, что источниковедение возникло под именем исторической критики и доросло до системы наук, именуемых вспомогательными.

В начале 1980-х гг. В. В. Фарсобин настаивал на том, что ошибочно делить науки на «главные» и «второстепенные» дисциплины, выделяя тем самым источниковедение, разрабатывающее теоретические основы для изучения всех типов и видов исторических источников. Он доказывал, что единые принципы построения различных отраслей научных знаний предполагают в каждой науке сочетание теоретических и практических проблем. Кроме того историк высказывался против исключения из источниковедения эвристики, под которой понимал введение памятников в научный оборот.

Другие специалисты в области теории источниковедения (М. А. Варшавчик, С. О. Шмидт, В. И. Стрельский) также подчеркивали, что источниковедение должно не только разрабатывать методику, принципы и приемы исследования исторических источников, но и вести практическую работу по их изучению. Эта точка зрения утвердилась в учебнике под редакцией И. Д. Ковальченко (1973,

1981), где также отмечалось отличие источниковедения от других дисциплин, занимающихся изучением отдельных групп источников, и указывалось, что отличие это заключается прежде всего в том, что источниковедение разрабатывает наиболее общие приемы научной критики и методы работы со всей массой исторических источников.

Одно из определений предмета источниковедения, вошедшее в учебную и научную литературу середины 1980-х гг., предложил советский историк М. А. Варшавчик:

Источниковедение есть специальная отрасль научных исторических знаний, наука об исторических источниках, теории и практики их использования в исторических исследованиях. Источниковедение органически входит в систему исторической науки.

Другой важный вопрос для подтверждения статуса дисциплины – установление границ между источниковедческим и историческим исследованиями. В 1960–70-е гг. ему уделяли внимание С. М. Каштанов и А. А. Курносов, А. И. Уваров и О. М. Медушевская. Первые в своей известной статье подчеркивали, что источниковедение «может рассматриваться как теория и методика добытия исторических фактов», а история – как «теория и методика осмысления исторических фактов в их взаимосвязи и взаимообусловленности». Таким образом, они пришли к выводу о том, что «процесс источниковедческого исследования не прекращается на чисто источниковедческом этапе, а продолжается в ходе собственно исторического исследования». Позже, рассматривая различия в труде историка и источниковеда, А. И. Уваров и О. М. Медушевская отметили, что историк создает источниковедческую модель источника, выделяя из источника те сведения, которые непосредственно связаны с темой его исследования, но за пределами внимания историка остается содержание, которое может быть значительным для изучения другого вопроса. В задачу источниковеда входит выявление всех сведений, содержащихся в источнике, с последующей оценкой их полноты, достоверности, научной ценности и т. д. Иными словами, логика источниковедения предполагает изучение

реальных продуктов в их отношении к системе, в которой они функционировали. А логика конкретно-исторического исследования – вовлечение в научную практику источников, содержащих сведения для ответов на определенные исторические вопросы и гипотезы историка.

В конце 1990-х гг. благодаря ученым МГИАИ, прежде всего О. М. Медушевой, был определен новый статус источниковедения в системе гуманитарного знания, что было закреплено в первом постсоветском учебном пособии «Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории» (1998). Суть нового взгляда на дисциплину заключается в том, что исторический источник рассматривается единым объектом различных гуманитарных наук при разнообразии предметов их изучения. В связи с этим благодаря источниковедению создается основа для *интеграции* наук и *междисциплинарных* исследований. Таким образом, подчеркивается междисциплинарный характер источниковедения, разрабатывающего методы, которые применяются не только в исторической науке, но и в других вспомогательных исторических дисциплинах (палеография, сфрагистика, дипломатика и др.) и необходимы для гуманитарного знания в целом. Следовательно, источниковедение занимает место одной из фундаментальных дисциплин в образовании специалиста-гуманитария, а овладение ее методом становится обязательным условием профессионализма в гуманитарной сфере.

Согласно этому подходу для источниковедения ключевым является определение культуры в самом широком смысле – как всего созданного людьми. Поэтому главная задача источниковедения состоит в изучении объектов культуры как источников информации о человеке и обществе. Кроме того, отмечены также эвристическая и аналитическая источниковедческие задачи. Первая отвечает за умение ориентироваться в многообразии исторических источников, их классификацию, изучение их совокупностей, сложившихся в ходе исторического процесса; вторая – за разработку методов анализа и оценки исторических источников, получение из них достоверных и возможно более полных сведений.

В современной концепции источниковедения активно проводятся идеи исторического источника как средства общения личности с мировой культурой. В основе этой концепции лежит фундаментальная человеческая потребность в преодолении рамок пространства и времени и взаимодействии с людьми и культурой других эпох благодаря освоению исторических источников, выступающих как явления культуры.

Таким образом, современное источниковедение изучает не просто исторический источник, а систему отношений *человек – произведение – человек*, когда посредством созданного произведения человек одной эпохи дает знать о себе человеку другой эпохи.

Определение предмета науки, оформленное на рубеже XX–XXI вв., звучало так: «Источниковедение – наука об исторических источниках как историко-культурных явлениях». При этом подчеркивалось, что источниковедение представляет свой предмет в системе *историческая действительность – исторический источник – историческое знание*.

Развивая методологию современного гуманитарного знания на исходе первого десятилетия XXI в., О. М. Медушевская предложила рассматривать предмет источниковедения в рамках *концепции когнитивной истории*⁴². В основе этого научного подхода – синтез теории информации и теории классического источниковедения. А в центре внимания – «понимание историко-антропологических основ человеческой деятельности, способность человека создавать интеллектуальный продукт своей целенаправленной осознанной деятельностью».

Центральная проблема когнитивных наук – это феномен преобразования мысли (живой или динамичной информации) в вещь (информацию статичную). Под когнитивной историей понимается исследование универсальных характеристик человеческого мышле-

⁴² «Когнитивная история – это прежде всего философия истории, философия человеческого бытия в истории. Поэтому проникновение философского подхода в исторический профессионализм в каждом своем проявлении есть событие становления когнитивной истории» (Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 163).

ния. Ключевым понятием исторического процесса является понятие *деятельности* – это свойство существования человека, который преобразует свои замыслы в целенаправленный интеллектуальный продукт. При этом индивид использует реальность как информационный ресурс.

Для понимания проблемы «информационного ресурса человечества» в рамках когнитивного метода внимание акцентируется на различии понятий динамичной и статичной информации, а также рассматривается процесс перехода от одного типа информации к другому в ходе создания интеллектуального продукта (преобразование мысли в вещь).

Интеллектуальный продукт (или вещь) – личностен по происхождению, социален по функциям и имеет общечеловеческое значение как информационный ресурс. В соответствии с этими свойствами различаются уровни формирования и развития этого информационного ресурса. Первый уровень – функционирование человеческого мышления, когда происходит переход от идеи к вещи. Второй уровень – социальный, когда созданный интеллектуальный продукт осваивается обществом. Третий уровень – обратное превращение статической информации продукта в живую – когнитивный или познавательный уровень, когда происходит самопознание и информационный ресурс вещи становится важнее ее социальной (практической) пригодности.

В основе когнитивно-информационной теории лежит концепция теоретического источниковедения. С этих позиций было предложено *новое определение источниковедения*:

...эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в процессе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса, как источников для изучения человека, общества и мира в целом.

Таким образом, появляется интегральный объект исследования – интеллектуальный продукт, информация которого доступна доказательному познанию с позиций источниковедения, выработы-

вающего целостный подход, который выступает как метод гуманитарного познания в целом.

Метод источниковедения основывается на представлении об источниках как явлении культуры, как реализованном интеллектуальном продукте человеческой деятельности.

Метод источниковедения имеет целью: во-первых, установить информационные возможности источника (или ряда однородных источников) для получения фактических данных о процессах общественного развития (полнота, достоверность, новизна этих данных); во-вторых, аргументированно оценить значение источника (или ряда однородных источников) с данной точки зрения. В соответствии с этой целью метод источниковедения применяется поэтапно, последовательно, на каждом этапе решается своя исследовательская задача, достигается познавательная цель.

Метод источниковедения основан на том, что произведение, созданное в процессе целенаправленной и осознанной человеческой деятельности, несет в себе репрезентативную совокупную информацию о своем создателе, о времени и условиях своего возникновения. Поэтому оно может быть понято и интерпретировано другими людьми, в частности исследователем, рассматривающим это произведение как исторический источник.

Изучение исторических известий в XVIII и XIX вв. строилось преимущественно на представлении, что они содержат непосредственные свидетельства прошлого. В сложившейся во второй половине XIX в. позитивистской парадигме была разработана методика установления подлинности источника («внешняя критика») и его достоверности («внутренняя критика»). Основное внимание при этом уделялось исследованию отношений в системе *историческая действительность – исторический источник*.

В начале XX в. сформировалось представление о более сложных взаимодействиях реальности, источника и его исследователя. Признание «чужой одушевленности», определение исторического источника как «психического продукта», как результата «человеческого творчества в широком смысле», развитие методологии источниковедения способствовало углублению методики работы

с историческим источником на уровне учета не только влияния действительности на источник, но и его взаимодействия с познающим субъектом.

Отношение *автор – произведение – исследователь* рассматривается современной наукой как фундаментальная основа методологии источниковедения. В триаде, которую можно также представить как *человек – произведение – человек*, методология источниковедения различает два типа взаимосвязей и соответственно два этапа исследовательской деятельности. При первом типе изучается то, как историческая реальность, в которой создавалось произведение, повлияла на него: *действительность – источник*. При втором исследователь включает изучаемое произведение в реальность современной ему эпохи: *источник – историк*. Суть и своеобразие методологии источниковедения состоят в признании *чуждого сознания*, запечатленного в историческом источнике. Данный принцип понимания одного человека другим через посредство произведения, как отмечалось выше, составляет специфику гуманитарного познания. Согласно тезису «признания чужой одушевленности» существует универсальная связь человека с человеком, информационного обмена посредством реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности.

Современный источниковедческий подход соответствует системному подходу гуманитарного познания, восходящему к наследию А. С. Лаппо-Данилевского, в рамках концепции которого ключевой единицей выступает реализованный продукт человеческой психики. Учитывая то, что механизмы человеческой психики типологически однородны, к продукту ее деятельности тоже возможен общий подход, то есть применим единый метод методологии источниковедения.

Итак, современная источниковедческая парадигма ставит в центр гуманитарного познания человеческую личность. Цель гуманитарных наук – познание Другого, личности, меняющей социальную среду и окружающий природный мир.

Список литературы

Быковский С. Н. Методика исторического исследования / С. Н. Быковский. – Л., 1931.

Каштанов С. М. Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносков // Исторический архив. – 1962. – № 4. – С. 173–196.

Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». М., 2008 // Российская история. – 2010. – № 1.

Медушевская О. М. Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития / О. М. Медушевская // Теория исторического познания : Избранные произведения. – СПб., 2010.

Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность / О. М. Медушевская // Советская историография. – М., 1996. – С. 42–77.

Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод / О. М. Медушевская. – М., 1996.

Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки / О. М. Медушевская // Лапо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 23–84.

Медушевская О. М. Проблема структуры в науках о человеке / О. М. Медушевская // Теория исторического познания избранные произведения. – СПб., 2010. – С. 394–410.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М., 2008.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 3–22.

Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX в. / С. А. Никитин. – Т. 2. – М., 1940.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д., 1976.

Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М., 1986.

Румянцева М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М., 2002.

Румянцева М. Ф. Еще раз о предмете источниковедения (в связи со становлением источниковедения культуры) / М. Ф. Румянцева // Проблемы методологии и источниковедения : Материалы научных чтений. – М., 2006.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1940.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод / В. В. Фарсобин. – М., 1989.

Фарсобин В. В. К истории складывания понятия «источниковедение» / В. В. Фарсобин // История СССР. – 1981. – № 6. – С. 108–116.

Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки) / В. В. Фарсобин // Источниковедение истории советского общества. – Вып. 2. – М., 1968. – С. 389–453.

Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения / С. О. Шмидт // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 21–63 ; или *Он же.* Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 7–58.

РАЗДЕЛ II

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 6

Понятие «исторический источник»

Центральное место среди теоретических проблем источниковедения занимает теория самого исторического источника, раскрывающая его природу, сущность, специфику взаимодействия с действительностью, особенности содержащихся в нем сведений, его гносеологическую функцию в научных исследованиях.

Что касается определения понятия *исторический источник*, то оно, с одной стороны, относительно и условно, как любое определение, с другой – является одним из средств более полного и точного познания научной категории. В отечественной исторической науке определение исторического источника возникло сравнительно поздно и стало своеобразным этапом в развитии исторического знания.

Появление термина связано с работой немецкого историка и статистика А. Л. Шлецера «Опыт изучения русских летописей», вышедшей на немецком языке в 1768 г., где употребляется термин *Quelle*. Книга была известна в России, но обобщающие исторические труды XVIII в. обходились без этого термина.

В начале XIX в. термин *Quelle* постепенно укореняется в отечественной исторической науке. Его применяют М. Т. Каченовский, Н. М. Карамзин, но без толкования смыслового содержания. В 30–60-е гг. XIX в. термин «источник» широко внедряется в практику преподавания истории, в исследовательскую работу и обоб-

шающие труды. Например, в «Русской истории» Н. Г. Устрялова¹ термин *исторический источник* приравнивается к понятию *памятник минувшего*. Впервые об отличии исторических источников от исторических исследований (пособий) сказал К. Н. Бестужев-Рюмин во введении к курсу «Русская история» (1872), не дав определения термину. К концу XIX в. российское источниковедение, вначале эмпирически выявив, описав и классифицировав исторические источники, вплотную подошло к выработке дефиниции этого понятия.

В последние десятилетия XIX столетия в рамках осмысления философии истории вопросы теории источниковедения получили свое отражение в работах немецких и французских ученых. Э. Бернгейм² понятие «исторический источник» определял как «материал, из которого наша наука черпает познание». По его мнению, исторический источник как генетически (по происхождению), так и функционально (по использованию) связан с человеческой деятельностью: прошлой и познавательной. Придерживаясь неокантианских представлений о специфике исторического познания, ученый подчеркивал, что деятельность человека определяется «внутренними побуждениями сознания», и рассматривал исторический источник как результат прежде всего психической деятельности людей, продукт «духовной среды».

Ориентируя историческое познание на беспристрастное констатирование фактов, извлекаемых из исторических документов с помощью их критического анализа, сторонники исторического позитивизма не акцентировали внимание на постановке теоретико-

¹ «Николай Герасимович Устрялов (1805–1870), русский историк, член Петербургской АН (1837), из разночинцев. Окончил Петербургский университет, где в 1834–1870 был профессором русской истории. Опубликовал ряд мемуарных источников 16–17 вв. <...> В 1836 написал “Русскую историю”, дополненную в 1842 “Историческим обзорением царствования государя императора Николая I”. Эти сочинения были утверждены в качестве официальных учебников» (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 133).

² Немецкий историк (1850–1942), профессор Грейсвильского университета, автор одного из первых учебников по методологии истории «Учебник исторического метода и философии истории» (1889).

методологических вопросов источниковедения и сосредоточивали свои усилия преимущественно на разработке конкретной методики изучения исторических источников. Историки-позитивисты стремились создать «точную науку о духе». Вместо немецкого термина «источник» (*Quelle*) французские ученые Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос³ использовали термин *документ*: «Документы – следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей». Историки видели в них «единственный источник исторического познания», без документов, считали они, историческое познание невозможно: «Нет документов, нет истории».

Определение исторического источника как следа было воспринято почти без изменений многими представителями западноевропейского и российского источниковедения. В. О. Ключевский, сближаясь с точкой зрения французских историков, определял исторический источник, как «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ».

На уровне учения понятие «исторический источник» разработано выдающимся российским историком А. С. Лаппо-Данилевским, что имело решающее значение для формирования самостоятельного научного статуса источниковедения в системе исторического знания.

В начале XX в., когда историческая наука переживала методологический и мировоззренческий кризис, стремление его преодолеть проявилось в тенденции к расширению предмета исторических исследований и соответственно к увеличению источниковой базы. Необходимость оперировать большими комплексами разнообразных источников существенно усложнила процедуры отбора, классификации и сравнительного анализа исторических свидетельств. Все это требовало более широкой трактовки самого понятия «исторический источник». Расширительный подход в этой связи

³ Шарль Виктор Ланглуа (1863–1929) и Шарль Сеньобос (1854–1942), французские историки, преподаватели Сорбонны, специалисты по средневековой и новой истории. Написали совместную работу в области методики исторического исследования «Введение в изучение истории» (издана в русском переводе в 1899 г.)

имел существенное методологическое значение, ориентируя историков на комплексное изучение разнообразных видов исторических источников.

Одна из первых попыток дать расширительную трактовку понятию исторического источника принадлежит немецкому историку Алоису Майстеру (1906):

К остаткам в широком смысле слова относится все, что осталось от бывших людей и их деятельности, то есть человеческие останки, остатки бывших обычаев и привычек, сооружения, а также продукты духовной и физической деятельности людей.

С расширительной трактовкой рассматриваемого понятия выступили в 1920–30-е гг. известные немецкие историки В. Бауэр, А. Федер, К. Эрслев, Э. Кейзер. Так, Эрих Кейзер, считая определение Э. Бернгейма слишком узким, отмечал, что число источников бесконечно и качество их самое различное, поэтому «источниками истории могут считаться не только результаты человеческого труда, но и все то, что оказывает на них влияние».

Начало расширительной трактовки понятия «исторический источник» во французской историографии было положено трудами Люсьена Февра⁴ и Марка Блока⁵. Выступая против традиционной

⁴ Люсьен Февр – «французский историк (1878–1956) ... создатель и один из директоров (совместно с М. Блоком) журнала “Анналы” (1929), организатор и первый президент VI секции (экономические и социальные науки) Практической школы высших исследований (с 1947), председатель Национального комитета историков Франции. <...> Основной исследовательский пафос Февра заключен в стремлении к разрыву с традиционной позитивистской историографией, что нашло отражение в его работах методологического характера, вошедших в сборники “Бои за историю” (1953) и “За историю, понятую по-другому” (1962). <...> Февр призывал отказаться от позитивистской методологии исторической науки, опиравшейся исключительно на письменные тексты, и настаивал на необходимости изучения прошлого с привлечением данных и методов археологии, социологии, истории языка, техники, религии, агрикультуры и т. п. Вся деятельность Февра как организатора науки была направлена на обновление гуманитарного знания, на создание изданий и учреждений, в рамках которых должны были взаимодействовать ученые разных гуманитарных специальностей» (Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. С. 435–436).

«событийной» истории, ограничивавшейся простым описанием фактов, Л. Февр и М. Блок обосновывали необходимость синтеза знаний. Историю они рассматривали как «интегральную», «тотальную», «комплексную» науку, охватывающую социальные, психологические, моральные, религиозные, эстетические, политические, экономические и культурные аспекты жизни человека в прошлом и настоящем. Исторический источник ученые связывали со «следами» всякой человеческой деятельности и рассматривали как объективную основу познания прошлого. Л. Февр:

Изобретательность историка позволяет ему использовать все – слова, знаки, пейзажи, черепицу, формы земледелия, сорные травы, сбруи, экспертизы камней геологами, анализы состава металла шпак химиками. Словом, необходимо использовать все то, что было у человека, зависело от человека, служило человеку, выражало человека, обозначало присутствие его деятельности, его вкусы и формы его бытия.

Работы, опубликованные отечественными историками в первые годы советской власти, были написаны в рамках старых методологических позиций, их авторы придерживались взглядов, зародившихся в недрах так называемой буржуазной исторической науки.

Определение исторического источника у Л. П. Карсавина в работе «Введение в историю» (1920) связано с его общим представлением об истории как науке и о «вживании» историка в прошлое как основном и единственном методе познания:

⁵ Марк Блок – «французский историк (1886–1944). <...> С 1919 – профессор Страсбургского университета. В 1929 совместно с Л. Февром основал журнал “Анналы”. С 1936 – профессор экономической истории в Сорбонне. Во время Второй мировой войны в действующей армии в 1939–1940, во время немецкой оккупации – в движении Сопротивления. <...> В 1944 расстрелян оккупантами. Методологические рассуждения по поводу исторического исследования и размышления о нравственном смысле исторической науки содержатся в книге “Апология истории, или Ремесло историка”, писавшейся в условиях подполья, прерванной гибелью и увидевшей свет посмертно (1949). <...> Социальная история, в интерпретации Блока... включает в себя в качестве неотъемлемого компонента человеческое сознание, ментальность и только через них становится понятной и обретает смысл для историка» (Культурология XX века. Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. С. 79–80).

Историку открыт лишь один путь к погружению в минувшее – реальные остатки этого минувшего, видимо оторванные от того единства, в котором они находились, и утратившие ясные связи с ним. Такие обрывочные остатки прошлого, переживающие себя в настоящем и связующие нас с тем единством, в которое они входили прежде, и называются историческими источниками.

С. А. Жебелев⁶ в научно-популярной работе «Древняя Греция» (1920–1922) определяет исторический источник как

...фактический материал, который заключает в себе совокупность данных, сохранившихся от прошлой жизни... историческими источниками могут быть или сами факты непосредственно – памятники, или указания на факты – свидетельства.

Исследование О. А. Добиаш-Рождественской «Западная Европа в средние века» (1920) содержит определение источника, восходящее к французскому источниковедению начала XX века: «Это следы прошлого, прямые (остатки) или символические (письменные)».

В. И. Пичета в учебном руководстве «Введение в русскую историю. (Источники и историография)» (1922) дает определение источника, тесно связанное с толкованием С. Ф. Платонова, с одной стороны, и Ш. Сеньобоса, с другой. «К источникам следует причислять все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины».

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. историки в качестве определения понятия *исторический источник* предложили термины: «материалы», «фактические материалы», «остатки», «следы прошлого», «памятники».

⁶ «Сергей Александрович Жебелев (1867–1941), советский историк, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии. Академик (с 1927). В 1890 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1904 по 1927 – профессор Петербургского, затем Ленинградского университета. Руководил изучением античности Сев. Причерноморья в ГАИМК и Институте истории материальной культуры. Автор ок. 300 работ по истории Греции эллинистического и римского периодов и Сев. Причерноморья античного времени, а также переводов античных писателей (Аристотель, Платон, Аппиан)» (Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М., 1964. Т. 5. С. 528).

Новое, более широкое понимание источника мы находим в учебном пособии Г. П. Саара «Источники и методы исторического исследования» (1930):

Материалы, по которым мы можем изучать прошлое человеческого общества, называются историческими источниками. Количество источников бесконечно, и если говорить об исторических источниках вообще, то все, созданное человеческим обществом как в области материальной культуры, так и идеологии, является историческим источником.

Далее Г. П. Саар склоняется к тому, что «исследователь не может игнорировать» не только «все, созданное человеческим обществом», но также «географические условия, климат, почву, минеральные богатства... социальные болезни».

В 1930-е гг. новым этапом в осмыслении понятия становятся лекции Б. Д. Грекова⁷ по русской истории, которые он прочитал в 1934–1937 гг. в Вечернем институте красной профессуры и на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Историк предлагает довольно широкую дефиницию:

...исторический источник в широком понимании термина – это буквально все, откуда мы можем почерпнуть сведения об интересующем нас предмете, т. е. все, что служит средством исторического познания, будь то письменный документ, предание или вещественный памятник.

⁷ «Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), советский историк и общественный деятель, чл.-корр. АН СССР (с 1934), академик (с 1935), член Академии архитектуры СССР (с 1939), с 1947– член Польской и Болгарской АН и почетный член АН БССР, доктор философии Пражского ун-та. С 1901 учился в Варшавском ун-те, в 1905 перевелся в Московский университет, который окончил в 1907. Греков принадлежал к числу тех русских историков, взгляды которых сформировались накануне Октябрьской революции. Греков принял марксизм и боролся за утверждение марксистского понимания исторического процесса. Для творчества Греков характерны широта научных интересов, охват большого круга литературы и источников... Важной темой исследований Грекова являлась история Древней Руси и восточных славян» (Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М., 1969. Т. 4. С. 712–713).

В работах 1940-х гг. для определения источника утверждается термин «памятник» в широком смысле этого слова. Так, в курсе источниковедения истории СССР М. Н. Тихомирова указывается:

Под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества. Историческими источниками служат рукописи, печатные книги, здания, предметы обихода, древние обычаи, элементы древней речи, сохранившиеся в языке, и т. д. – одним словом, все остатки прошлой исторической жизни.

М. Н. Тихомиров понятие источника определяет сразу двумя терминами – «памятник» и «остаток», которые употребляются как равнозначные и при этом трактуются в широком смысле («памятник прошлого», «остаток прошлой жизни»).

Л. В. Черепнин в «Русских феодальных архивах» (1948) сформулировал принципиальное для советской исторической науки положение о *материалистическом* понимании природы исторического источника, об источнике как *историческом явлении*:

Каждый источник представляет собой историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью.

Интерпретация исторического источника, подчеркивавшая его социальную природу как исторического явления и раскрывавшая зависимость метода источниковедческого анализа от объективных свойств источника, была дана Л. В. Черепниным в связи с критикой идеалистических – в характеристике советских ученых – представлений, связывающих методологию источниковедения лишь с познавательной деятельностью. Задачу источниковедения советский историк видел в том, чтобы раскрыть политический смысл документов, понять их происхождение в обстановке классовой и внутриклассовой борьбы в феодальном обществе.

К истолкованию природы исторического источника в 1960–70-е гг. обращались известные советские историки С. М. Каштанов, М. А. Вар-

шавчик, А. П. Пронштейн, С. О. Шмидт, И. Д. Ковальченко, Л. Н. Пушкарев, Г. М. Иванов и др.

С. О. Шмидт предпринял попытку охватить возможно более разнообразный спектр источников, учитывая, что круг их постоянно расширяется «от летописей до кинофото документов и материалов устной истории», и предложил видеть в историческом источнике «все то, откуда черпают сведения о прошлом». Ученый высказывал мнение, что неверно ограничивать определение исторического источника только продуктами человеческой деятельности, не учитывая взаимодействия общества и природы, роли природы и социальной жизни человека, не вовлекая в научную практику всего того, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии. Однако большинство советских историков сочли такой подход слишком широким.

В рамках *материалистической парадигмы* были сформулированы следующие характеристики исторического источника:

- сложное общественное явление,
- диалектическое единство объективного и субъективного,
- объект, созданный человеком на основе личных субъективных образов реального объективного мира,
- единство непосредственного и опосредованного отражения действительности,
 - материальный продукт прошлой деятельности человека,
 - продукт определенных общественных отношений.

Л. Н. Пушкарев отмечал, что каждый источник представляет собой сложное общественное явление, диалектическое единство объективного и субъективного, «объект, созданный человеком на основе личных субъективных образов реального объективного мира». Другой отличительной чертой источника историк назвал «непосредственное отражение им исторической действительности». Однако эта непосредственность относительна, так как автор может быть участником событий или получить информацию из вторых рук. В любом случае содержащаяся в источнике информация будет иметь одну общую черту – между источником и реальной действительностью находится только сознание автора, создателя источника.

Кроме того, Л. Н. Пушкарев обращал внимание на то, что в совокупности источников отображаются не только конкретные события, факты и явления, но и более общие исторические процессы. Еще одна характеристика исторических источников, по его мнению, заключается в том, что историческое прошлое в них не только *отображается*, но и *воплощается*, поскольку любой источник, отображая в своем содержании историческую действительность, сам всегда является неотъемлемой частью действительности. Под воплощением Л. Н. Пушкарев понимал тот факт, что любой исторический источник есть часть действительности, так как не только содержит в себе сведения о фактах, но и сам всегда является одновременно историческим фактом.

Г. М. Иванов рассматривал социальную природу исторического источника как «материального продукта прошлой деятельности человека, как общественно-историческое явление, в котором находят свое воплощение и отражение социальные условия жизнедеятельности людей». Социальная природа исторического источника представляет собой, по мнению Г. М. Иванова, результат опредмеченной в нем человеческой деятельности. Наиболее глубоким выражением социальной природы исторического источника является присущее ему диалектическое единство объективного и субъективного. Он объективен прежде всего потому, что существует в форме «внешнего предмета, вещи» и независимо от создавшего его человека. Вместе с тем исторический источник, являясь продуктом труда, включает в себя субъективное, выражающее человека, его потребности и сознание. В процессе исторического познания исторические источники выполняют гносеологическую функцию. Г. М. Иванов провел сравнение понятий «исторический источник», «реликт», «памятник» и пришел к некоторым выводам. «Превращение» реликта в исторический источник совершается тогда, когда реликт как продукт прошлой деятельности включается в процесс деятельности познающего субъекта, использующего его уже в качестве средства познания прошлого. Так, всякий исторический источник субстанционально является реликтом, но не всякий реликт функционально выступает как исторический источник.

В середине 1980-х гг. в исследовательской и учебной деятельности часто использовалось определение исторического источника, разработанное А. П. Пронштейном и И. Н. Данилевским:

Историческим источником можно считать все продукты деятельности людей, которые содержат в себе информацию о реальной жизни общества в единстве непосредственного и опосредованного отражения, свидетельствуют о закономерном процессе развития человеческого общества и, будучи вовлечены в сферу исторического исследования, служат средством исторического познания.

Еще одно общепризнанное определение принадлежало М. А. Варшавчику:

Исторический источник – это материальный носитель исторической информации, возникший как продукт определенных общественных отношений и непосредственно отражающий ту или иную сторону человеческой деятельности.

Особый взгляд на ключевое понятие источниковедения продемонстрировал в своих работах на рубеже 1970–80-х гг. И. Д. Ковальченко, сформулировав *информационный подход*.

Ученый выделил главную, на его взгляд, из прикладных задач источниковедения – повышение информативной отдачи источников. Эта потребность обусловлена тем, что всегда имеет место определенное несоответствие между информацией, которая необходима историку для изучения тех или иных явлений и процессов, и тем, что непосредственно несут в себе источники. Само это несоответствие порождено различиями между целями, которые преследовали авторы источников, и теми познавательными задачами, которые ставят перед собой историки, обращаясь к историческим свидетельствам. С расширением и усложнением круга исследуемых проблем растет потребность в сведениях, которые непосредственно в источниках не выражены. Эта потребность может удовлетворяться, во-первых, путем вовлечения в научный оборот новых, ранее не изученных источников и, во-вторых, посредством повышения информативной отдачи уже известных источников. Первый путь ограничен, поэтому разработка принципов, путей и методов

повышения информативной отдачи источников, подчеркивал И. Д. Ковальченко, является более актуальной задачей источниковедения.

С целью решения этих вопросов ученый предлагал обратиться к учению об информации, имея в виду, что все исторические источники являются носителями социальной информации. Привлечение в методологию источниковедения положений учения об информации потребовало скорректировать представления об историческом источнике, проанализировав его природу с позиций трех аспектов информации – *прагматического, семантического и синтаксического*.

Подход И. Д. Ковальченко строился на понимании социальной информации в широком смысле – как всей совокупности сведений, которые содержатся в исторических источниках, и в узком – как совокупности сведений и данных источников, которая вовлечена в научный оборот и используется для изучения тех или иных явлений и процессов. В последнем случае информация рассматривалась как действующее знание.

Главная идея, на которой основывался ученый, заключалась в том, что возникновение большинства исторических источников представляет собой *информационный процесс*. В этом процессе фигурируют объект, то есть историческая действительность, субъект, то есть творец источника, и информация, являющаяся результатом отражения объекта субъектом.

Всякий информационный процесс всегда имеет *прагматический аспект*, то есть творец источника обязательно преследует определенную цель, выявляя сведения о реальном мире. Эти сведения требуются для решения определенных задач: общественных, социальных, политических, управленческих или личных. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд. Это утверждение в одинаковой мере относится и к законодательству, и к делопроизводственным документам, и к статистике, и к периодической печати, и к личной переписке и т. д. Целевая заданность исторических

источников в момент их возникновения обуславливает то, что всякий источник не только отражает реальность, но и сам является неотъемлемым компонентом этой реальности.

Одним из основных проявлений субъективного момента в информационном процессе является наличие в нем прагматического, целевого аспекта. Однако целевое извлечение информации само по себе не исключает возможности получения объективной информации. Более того, для достижения цели субъекту необходима объективная информация. Поэтому субъект в меру понимания этих задач стремится получить объективную информацию о реальной действительности. Степень этой объективности и ее размах могут быть разными. Но всякий источник содержит ту или иную объективную информацию, и поэтому в семантическом отношении нет источников, которые непригодны для использования в историческом исследовании.

Принципиально важным для источниковедения И. Д. Ковальченко считал тот факт, что источник нужно рассматривать как носитель двойной информации. С одной стороны, он опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует создателя источника (субъекта), прежде всего позволяя изучить его цели и методы их достижения, а также особенности восприятия исторической действительности. Например, мемуары содержат опосредованную информацию о реальном мире и непосредственную о мемуаристе. Жалоба крестьянина на помещика опосредованно отражает отношение помещика к крестьянам и положение последних, а непосредственно – мотивы и цели жалобы. Поэтому, даже если источник не содержит никакой объективной информации об объекте, в нем присутствует какая-то объективная информация о его творце (авторе источника), то есть о субъекте.

Историк обратил внимание на факт большей субъективности данных, которые являются результатом всякого рода извлечений, сводок и переработок первоначальных сведений. Все извлечения и сводки не только ведут к той или иной потере первичной информации, но и являются неоднократно субъективизированным отражением исторической действительности. К субъективному фикси-

рованию первоначальных сведений здесь прибавляется субъективность переработки исходной информации, так как она предпринимается также с какой-то целью. И. Д. Ковальченко привел примеры таких источников, в которых субъективизация является многократной. Это, во-первых, всякого рода последовательные и многоступенчатые выборки и сводки данных и, во-вторых, редакции и списки различных памятников. Критический анализ таких источников усложняется и предполагает дополнительные этапы выявления информационных потерь и объективности последующих сводок и переработок.

Целевое происхождение исторических источников обуславливает то, что в содержательном отношении они характеризуют историческую реальность селективно, избирательно. Объем и характер информации, возникающей в информационном процессе, не определяются исключительно той целью, для которой она выявляется. Органическое свойство информационного процесса состоит в том, что всегда наряду с той информацией, которую субъект стремится получить преднамеренно, извлекается информация избыточная, которая не интересует творца источника. Указанные два вида информации И. Д. Ковальченко называет: 1) информацией выраженной, воспринимаемой и 2) информацией скрытой, структурной. Они могут быть истолкованы с позиции *семантического* аспекта информации.

В плане семантическом, то есть с точки зрения содержания исторических источников, наиболее существенным итогом учения о социальной информации, относящимся к источниковедению, И. Д. Ковальченко считал вывод о том, что в результате отражения субъектом исторической действительности и в процессе его практической деятельности возникает информация выраженная и скрытая. Многообразие взаимосвязей, присущих явлениям окружающего мира, обуславливает то, что в исторических источниках, несмотря на избирательность, содержится безграничный объем скрытой информации о сложных явлениях действительности. Их анализ на основе сведений, непосредственно выраженных, позволяет выявлять информацию скрытую. Понимание природы исторических источников в контексте семантического аспекта информации соз-

дает возможности для неограниченного повышения их информационной отдачи в ходе исторических исследований.

Ученый подчеркивал, что информационная неисчерпаемость присуща всем историческим источникам. Однако можно выделить типы и виды источников, которые содержат особенно большой объем скрытой информации. Такими, по мнению И. Д. Ковальченко, являются массовые источники, то есть источники, характеризующие массовые явления и процессы и различного рода общественные системы. Как правило, такие источники не только содержат сведения о больших или меньших совокупностях объектов, но и позволяют анализировать их по целому ряду признаков. Это расширяет возможности для изучения взаимосвязей, то есть извлечения скрытой, структурной информации. Важным свойством скрытой информации историк считал ее наименьшую степень подверженности субъективным искажениям.

Существенным, отмечал ученый, для решения ряда проблем источниковедения является разрабатываемый в учении об информации и в семиотике (науке о знаковых системах) *синтаксический аспект* информации. Этот аспект касается прежде всего способов и форм отражения в источниках реального мира.

Социальная информация теми или иными техническими средствами фиксируется на определенных материальных носителях в виде тех или иных знаковых систем или натурального (фотография и кино) и художественного воспроизведения действительности. Это позволяет хранить и передавать информацию.

Поскольку язык является действительным выражением сознания, материальной формой мысли и средством человеческого общения, универсальной формой выражения информации оказываются естественные языки. В силу этого именно письменные источники считаются основной категорией исторических источников.

На современном этапе развития источниковедческой мысли можно выделить *три основных подхода* к определению понятия «исторический источник».

Во-первых, следует отметить подход, который можно определить как «культурологический». Он основан на представлении, что

для источниковедения ключевым является определение культуры в широком смысле – как все созданное людьми. Этот взгляд на исторический источник был сформулирован в конце 1990-х гг. представителями школы источниковедения МГИАИ (О. М. Медушевская, В. А. Муравьев, И. Н. Данилевский, М. Ф. Румянцева и др.) и нашел отражение в известном учебнике. Теоретически он восходит к учению А. С. Лаппо-Данилевского, учитывает идеи зарубежных историков и философов, а также принимает во внимание достижения отечественного источниковедения. Исторический источник рассматривается как произведение, созданное человеком, как продукт культуры. Акцент при этом делается на понимании психологической и социальной природы исторического источника, которая и делает его пригодным для изучения исторического прошлого. Историческое прошлое понимается как реконструкция, в основе которой – диалог сознания исследователя с сознанием людей, живших прежде. Диалог начинается с понимания человека прошлого через исторический источник. Последний и позволяет в ходе интерпретации воспроизвести *одушевленность* (психику, индивидуальность) своего творца, понять автора – человека прошлого.

В соответствии с этим подходом определение исторического источника звучит так:

Источник – продукт (материально реализованный результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе, в котором он жил и действовал. В источнике в материальной форме (на материальном носителе) реализованы чувства и мысли людей, когда-то создававших их.

О. М. Медушевская подчеркивала, что источники в большинстве своем не есть какие-то особые, специально созданные для передачи исторических сведений предметы и документы. Они выступают в этом качестве, лишь когда люди обращаются к ним с целью получить необходимую социальную информацию. Прилагательное «исторический» уточняет не специфику источника, а специфику той области знаний, которая привлекает источники для своих исследовательских целей.

Другой взгляд на исторический источник можно характеризовать как «расширительный». Его высказывали С. О. Шмидт, С. М. Каштанов, В. В. Кабанов и др. Они трактовали исторический источник более широко:

Исторический источник – это все, откуда можно получить информацию о развитии человеческого общества... все то, что может источать информацию, полезную для историка, а не только результаты целенаправленной человеческой деятельности, хотя именно источники исторического происхождения (т. е. памятники материальной и духовной культуры) составляют основной массив исторических источников. Но источники – это и окружающая человека естественно-географическая среда, и физико-биопсихические свойства самого человека, во многом предопределяющие и объясняющие деятельность и отдельных индивидуумов, и общества в целом.

И третья точка зрения на исторический источник может быть названа «информационным подходом». Ее придерживаются ученые – последователи школы И. Д. Ковальченко (А. Г. Голиков, Т. А. Круглова и др.). Они включают в понятие «исторический источник» «все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания». Исторические источники, по их мнению, выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошедшей действительности. Создание любого источника представляется при этом как процесс, в котором, согласно концепции И. Д. Ковальченко, взаимодействуют объект (действительность) и субъект (творец источника).

Особенность первого подхода, рассматривающего исторический источник как продукт культуры в широком толковании, заключается в акценте на понимании его психологической и социальной природы. Его сторонники видят слабость расширительной трактовки в том, что в ее рамках не определяется сущность исторического источника, а лишь обозначается функция. Эти различия характеризуются как методологические, так как в конечном итоге обусловлены разным пониманием объекта исторического познания.

Различия между культурологическим и информационным подходами в определении исторического источника вызваны разным пониманием объекта исторического познания. В первом случае это *представления о прошлой действительности*, зафиксированные в источнике – и тогда прошлое познается как реконструкция; во втором – *сама прошлая действительность*, познание которой возможно благодаря историческим источникам.

Все вышесказанное свидетельствует, что ключевое понятие источниковедения трактовалось учеными в соответствии с их воззрениями в области методологии. Расширительный подход, возникший в начале XX в., до сих пор не потерял своих сторонников. В то же время многие ученые сегодня базируются свое толкование исторического источника на учении А. С. Лаппо-Данилевского.

Список литературы

- Бернгейм Э.* Введение в историческую науку / Э. Бернгейм. – СПб., 1908.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб., 1872.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М., 1986.
- Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение : Теория, методология, методика / М. А. Варшавчик. – М., 1984.
- Голиков А. Г.* Введение / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова // Источниковедение отечественной истории. – М., 2000. – С. 5–9.
- Голиков А. Г.* Преподавание проблем методологии истории в МГУ им. М. В. Ломоносова / А. Г. Голиков // Новая и Новейшая история. – 2006. – № 5.
- Гуревич А. Я.* Что такое исторический факт? / А. Я. Гуревич // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 59–88.
- Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание / Г. М. Иванов. – Томск, 1973.
- Иванов Г. М.* Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. – М., 1981.
- К юбилею О. М. Медушевской // Отечественные архивы. – 1997. – № 5.
- Карсавин Л. П.* Введение в историю / Л. П. Карсавин // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 109–127.

- Карсавин Л. П.* Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб., 1993.
- Каштанов С. М.* Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносков // Исторический архив. – 1962. – № 4.
- Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете учения об информации / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1982. – № 3.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987.
- Ланглюа Ш.* Введение в изучение истории / Ш. Ланглюа, Ш. Сеньобос. – СПб., 1899.
- Медушевская О. М.* Источниковедение : Теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М., 1996.
- Медушевская О. М.* Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строгая наука / О. М. Медушевская // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. – М., 2001. – С. 8–32.
- Новое учебное пособие по источниковедению: взгляд специалистов // Отечественные архивы. – 1999. – № 5.
- Румянцева М. Ф.* Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М., 2002.
- Пичета В. И.* Введение в русскую историю / В. И. Пичета. – М., 1922.
- Пронштейн А. П.* Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн. – М., 1986.
- Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д., 1976.
- Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М., 1975.
- Саар Г. П.* Источники и методы исторического исследования / Г. П. Саар. – Баку, 1930.
- Тартаковский А. Г.* Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения / А. Г. Тартаковский // История СССР. – 1983. – № 3.
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1940.
- Февр Л.* Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. / Л. В. Черепнин. – Ч. I. – М.; Л., 1948.
- Шмидт С. О.* Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте / С. О. Шмидт // Путь историка : Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 64–91.

Глава 7

Категория «исторический факт»

Слово «факт» происходит от лат. *factum* («сделанное, деяние, дело; действие, поступок») и в строгом смысле относится только к высказываниям о совершенных действиях и их результатах. В науке высказывания, которым придается статус «истины», обычно именуются «фактами». На каждом этапе развития исторического знания вырабатывалось особое понимание исторического факта, соответствующее общему состоянию исторической науки и научной методологии в целом.

Среди категорий источниковедения понятие «исторический факт» занимает наряду с понятием «исторический источник» одну из центральных позиций. В зависимости от того, как историк толкует понятие «исторический факт», он ищет «факты» или «сообщения о фактах» либо сам исторический источник рассматривает как исторический факт. Данная категория подверглась значительной «смысловой эволюции» в различных концепциях, выдвигавшихся в историографии XIX–XX вв.

Историки середины XIX в. не подвергали сомнению реальность существования исторических фактов. После критической проверки изучаемых текстов они вводили в научный оборот содержащиеся в них факты, считая их достоверными и реальными. Таков был метод немецкого ученого Л. Ранке⁸, считавшего, что для того, чтобы уловить ход истории, надо строго описывать факты, держаться как

⁸ «Леопольд фон Ранке (1795–1886), профессор Берлинского университета, официальный историограф Прусского королевства (с 1841). Характерные черты методологии Ранке – провиденциализм, представление о решающей роли в ходе истории религиозной идеи и идеи политической, воплощенной в государстве. <...> Вкладом Ранке в развитие исторической науки является его исследовательская методика, основанная на следующих положениях: объективная истина содержится главным образом в архивных материалах... правильное использование исторических источников требует филологического анализа, установления аутентичности и достоверности документа и др. <...> Основной задачей историка Ранке провозглашал установление того, “как собственно все происходило”» (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. С. 459).

можно ближе к историческим текстам и сообщениям авторов. В то же время Л. Ранке не ограничивал задачу историка простым накоплением фактов. Он полагал, что посредством сосредоточения на факте ученый способен уяснить развитие мира в целом, раскрыть подлинный смысл истории. Самая известная и популярная цитата из Л. Ранке: «Показать, как это было на самом деле».

«Культ факта» был характерен и для *историков-позитивистов*. Понятие факта не представляло для них методологической трудности и казалось им ясным и простым. Факт рассматривался историками указанного направления как единственная основа науки, а реальное познание связывалось с наблюдаемыми фактами. Познаваемость исторического факта, с точки зрения позитивистов, определялась его относительной простотой. Поскольку исторические факты известны из текстов, следовательно, для установления исторической истины достаточно обратиться к источникам. Решающей по своему значению стадией исторического исследования для историков позитивистской школы всегда оставался сбор фактов. Опираясь на факты, они рассчитывали превратить историю в точную науку. Из этой трактовки вытекала возможность полного отождествления гносеологической и логической природы исторического и естественно-научного знания. Факт истории и факт природы считались явлениями одного порядка. Анализ источников с целью сбора фактического материала, внешняя и внутренняя их критика играли, по мнению историков позитивистского направления, такую же роль в их исследованиях, какую опыт выполняет в биологии, физике, химии. Как и естествоиспытатель на основе опытов, историк обобщает факты на основе анализа причин и следствий, открывая законы исторического процесса. Единственная угроза истине исходит не от источников, не от фактов, а от историка, который может вольно или невольно исказить ясную картину факта. Следовательно, необходимо, насколько это возможно, исключить убеждения, симпатии и антипатии исследователя из исследования.

Позитивистская историография не проводила различий между фактом исторической науки и фактом исторической действительности. Выводы позитивистской историографии 60–80-х гг.

XIX в. по вопросу трактовки исторического факта заключались в следующем:

1) Исторический факт – объективный и единственный источник исторического знания. Важнейшая задача историка – установить аутентичность факта.

2) Исторические источники содержат раз и навсегда заданное число исторических фактов – фрагментов самой исторической действительности, готовых к перенесению в исторический труд.

3) Исторические факты – это «кирпичики» объективной истины, заготовленные самой историей.

Заслуга позитивистской историографии в том, что благодаря своему вниманию к факту она обосновала необходимость научной критики источников, накопила огромный конкретный документальный материал, расширила проблематику исторических исследований, вовлекая в ее круг, помимо политической истории, историю экономических и социальных отношений. Кроме того, факты, которыми оперировала историческая наука, не смешивались с «опытом» познающего субъекта.

Авторы одного из самых популярных на рубеже XIX–XX вв. руководства для историков «Введение в изучение истории» (1897) Ш. В. Ланглюа и Ш. Сеньобос сформулировали закрепившиеся в историографии и до настоящего времени цитируемые формулы позитивистского взгляда на историческое исследование:

История пишется по документам... За неимением документов история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории.

В последней трети XIX в. в европейской исторической науке родилась концепция исторического факта, противоположная позитивизму. Ее выразителем стал В. Дильтей⁹, выдвинувший на первый

⁹ «Вильгельм Дильтей (1833–1911), немецкий философ и историк культуры. Представитель “философии жизни”, основоположник “духовно-исторической школы” в немецкой истории культуры XX в. <...> Разрабатывая проблематику герменевтики, вслед за Шлейермахером, ставит вопрос об условиях возмож-

план проблему «внутреннего опыта» – интуиции историка как решающей предпосылки для уяснения познавательной и научной природы исторического факта. Последний был противопоставлен факту естественно-научному. Согласно концепции В. Дильтея, факт истории лишился таких характеристик, как первичность, аутентичность, независимость от познающего субъекта и его оценки.

Представители *критической школы* начала XX в. поставили под сомнение познаваемость факта и возможность его интерпретации. Факт больше не рассматривался как нечто определенное, раз и навсегда данное, неизменное и независимое от исследователя. Проблема исторического факта оказалась проблемой взаимодействия субъекта с познаваемым историческим объектом.

Дальнейшее развитие точка зрения В. Дильтея получила в *неокантианском* делении наук на номотетические (генерализирующие, обобщающие) и идеографические (индивидуализирующие, описательные), науки о духе. В. Виндельбанд и Г. Риккерт¹⁰ видели в истории лишь последовательность фактов, подлежащих описанию с целью понимания отдельных, единичных фактов. Проблема отношения познающего субъекта к познаваемому объекту становилась все более существенной для теории исторического знания. В рамках неокантианского взгляда на историческое исследование факт считался принципиально несводимым к закону, не представлял собой какого-то простого объекта, не поддавался полному и всестороннему описанию. В результате установление и описание фактов истории было связано с приобретением ими значения «фактов культуры» и отнесением их к «ценностям». Сама процедура отнесения к ценностям связывалась с оценочной деятельностью историка, поэтому творцом исторической действительности выступал сам историк – носитель представлений о ценностях.

ности понимания письменных документов. <...> Герменевтические разработки Дильтея дали толчок т. н. “духовно-исторической школе” в историко-культурных и историко-литературных исследованиях» (Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 172–174).

¹⁰ Вильгельм Виндельбанд (1848–195) и Генрих Риккерт (1863–1936), немецкие философы, основатели Баденской философской школы неокантианства.

Субъективизм в трактовке исторического факта, крайний релятивизм в интерпретации истории, агностицизм и даже нигилизм в отношении исторических закономерностей – основные компоненты *презентистской концепции*, провозглашенной представителями философской и исторической науки в США в 1920–30-е гг. Отказ от основных догм позитивистской историографии, с одной стороны, и «исчезновение материи» в физике, с другой, поколебали веру историков в материальность, прочность фактов истории. В этой ситуации именно понятие «факт» становится объектом «развенчания» со стороны представителей презентизма и релятивизма в историографии. Американские историки К. Беккер и Ч. Бирд, анализируя понятие «факт», отмечали, что историк имеет дело не с самим фактом, а с утверждением о нем и только в результате извлечения сообщения из исторического памятника оно становится историческим фактом. В этой связи исторический факт существует лишь в уме историка «или нигде», поскольку воспроизводится только посредством его воображения. Отсюда делался вывод, что факты ничего не говорят и не содержат никакого смысла, это историк наделяет их определенным значением, а следовательно, событие, имевшее место в прошлом, не может быть представлено в своей полноте и целостности. Кроме того, разные историки изображают факты по-разному, сообразно своим целям и взглядам, поэтому отрицалась возможность объективного исторического знания, свободного от искажения, от влияния точки зрения историка и ценностей, принятых в обществе, к которому он принадлежит. Каждый устанавливаемый историком факт предполагал сложную интеллектуальную операцию, создание некоторой теоретической конструкции, и любая написанная историком работа содержала отбор фактов, организованный под влиянием принятых им схем. Научная история, таким образом, становилась «актом веры», на смену фетишизации исторического факта пришла его полнейшая мистификация. Релятивизм презентистов способствовал распространению нигилистического отношения к возможности объективного исторического знания. Но данное направление не нашло значительной поддержки в других национальных исторических школах.

Во второй половине XX в. категория «исторический факт» помещалась в центр обсуждений и дискуссий на основе *материалистической научной парадигмы*. В частности, отмечалась двойственность понятия «исторический факт». С точки зрения обыденного сознания под этим понятием имелось в виду событие или явление, произошедшее в действительности. В системе научного знания, в историческом исследовании понятие «факт» приобретало иной смысл, выступая в форме представлений об объекте, полученных в результате определенных научных операций. Иными словами, утверждалось, что факт – это фрагмент исторической действительности и результат активной, творческой, конструктивной работы историка. Хотя признавалось, что система фактов, полученных таким путем, отлична от непосредственной реальности, ее научная объективность не подвергалась сомнению.

Выдающийся советский ученый А. Я. Гуревич так схематично представил «сложный путь» от реального события прошлого до факта, о котором пишет историк. Совершившееся событие порождает представления о себе у своих современников. Некоторые из этих представлений находят отражение в историческом источнике: при этом событие выделяется из цепи других событий, подвергается истолкованию, ставится в новую связь с сообщениями об иных фактах. Известие о происшедшем событии фиксируется в знаковой системе, присущей и понятной данному обществу. Это сообщение, однако, никогда не отражает полноты события, не адекватно ему, а иногда искажает последнее. Затем к источнику обращаются историки. Их взгляды и способы истолкования материала, критерии отбора источников и содержащихся в них сведений меняются. В результате оказывается, что исторический факт неисчерпаем, во-первых, из-за множественности подходов к нему, во-вторых, из-за непрерывно меняющихся перспектив, в которых рассматривается прошлое. В зависимости от задач, которые ставит перед собой историк, и от его методов в известных, уже изученных исторических источниках оказывается возможным найти новые факты.

А. Я. Гуревич сформулировал следующее определение исторического факта:

Это то событие или явление прошлого, сведения о котором сохранились, получают оценку историков, интерпретируются ими в свете изучаемой проблематики и включаются в систему закономерных связей.

Ученый обращал внимание на приблизительность и неполноту дефиниции, так как она не учитывает тех исторических фактов, о которых нет упоминаний в письменных источниках, не сохранилось материальных остатков, но которые могут быть восстановлены косвенным путем. Рассуждая о природе исторического факта, А. Я. Гуревич подчеркивал, что он всегда сложен и те многочисленные события и явления, которые историк обозначает данным понятием, «суть проявления происходивших в обществе процессов и движений». Если под историческим фактом имеется в виду событие, то оно ведет историка к своим причинам, результатам и другим фактам. Если исторический факт – процесс, то необходимо понять его во всей сложности между составляющими его фактами – событиями и явлениями. Таким образом, заключает ученый, исторический факт – не нечто простое и неподвижное, не «кирпич», не «атом», а «отношение между другими фактами, воссоздаваемое историками».

В конце XX столетия один из ведущих отечественных методологов исторической науки М. А. Барг к категории «исторический факт» относил:

- 1) явления, события, факты истории (исторические факты);
- 2) факты, запечатленные в историческом источнике (сообщения исторического источника);
- 3) известия источника, прошедшие критический анализ и осмысленные историком (факт науки или научно-исторический факт).

Определяющим свойством исторического факта называлась его хронологическая завершенность, а научно-исторического – познавательная незавершенность, содержательная изменчивость, способность к бесконечному обогащению. Содержание исторических фактов не зависит от их толкования, оно – инвариантно. Научный исторический факт – это уже не само событие, а отражение его в специфической форме. Историк при этом не только производит

отбор и оценку наиболее значимых сведений, но в ходе научного анализа видоизменяет и преобразует их.

Историческими фактами (в идеале) ученый называл

...все социально значимые события, все многообразные явления общественной жизни, всю бесконечность мира социального, независимо от шкалы значений и параметров данного явления, события, как поразившие воображение современников, так и прошедшие для них незамеченными.

Разнородность сфер общественной жизни вела к необходимости классификации исторических фактов, среди которых различали факты экономические, социальные, политические и т. д. Кроме того, на уровне эмпирического наблюдения выделялись факты уникальные, массовые, статистические. В зависимости от времени – события моментальные, периодические, циклические.

Относительно второй разновидности фактов, тех, которые запечатлены в историческом источнике, выделялась проблема соотношения: а) сказанного с тем, что создатели источника желали сказать; и б) содержания со значением. Названная проблема определялась как одна из ведущих в источниковедении.

В условиях фрагментарности исторических источников, опосредованной передачи, различных способов фиксации и других характерных черт повышается значение методов научного обобщения, абстракции, сравнительного анализа для установления научно-исторических фактов. Научно-историческими фактами считались не переписанные и перенесенные в исторический труд сведения, а только факты, поставленные в надлежащую связь, подкрепленные научной концепцией.

Связывая вопросы развития исторической науки с проблемой «исторического факта», М. А. Барг подчеркивал:

Поскольку число фактов-событий, представленных в исторических источниках, сравнительно ограничено, а число фактов-граней, связей бесконечно, то именно в выявлении новых, ранее неизвестных сторон, связей, сцеплений, переходов и будет состоять прогресс исторического знания.

С тех пор как наука отказалась от концепции эмпирического факта XIX в. и его позитивистского толкования, представления о соотношении между результатами наблюдений и интерпретациями, превращающими их в «факты», все более усложняются. Современная трактовка факта в европейской исторической науке базируется на фундаментальной идее Л. Февра о том, что «установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос».

Французский историк А. Про говорит о факте, как неоспоримом и жестком элементе дискурса историков. В системе исторического познания он выделяет взаимосвязь между фактами, документами и вопросами. Факт для исторического исследования – это основа, а для утверждений историка – доказательство. От аккуратности и корректности воссоздания фактов зависит солидность исторического текста, подчеркивает ученый. Он видит неразрывную и ярко выраженную корреляцию между фактами и предварительными гипотезами исследователя, вопросами, которые должен осознавать историк и без которых он «потерял бы ориентацию, не зная, ни что искать, ни нигде искать»:

Каковы бы ни были на практике используемые документы и какие бы ни возникали вопросы, на стадии установления фактов на первый план выходит достоверность или правдивость текста, представленного историком на суд публики.

Английский историк Дж. Тош вслед за Э. Х. Карром проводит различие между фактами прошлого и историческими фактами: объем первых безграничен и в своей полноте непознаваем, вторые представляют собой результат отбора, сделанного историками в целях научной реконструкции и интерпретации. Научный отбор всегда требует установления системы критериев, принципов, на основе которых исторические факты будут отбираться. В этом смысле Дж. Тош также видит зависимость результата выбора от тех вопросов, которые задает себе историк, приступая к данной работе. Он предполагает, что существенного прогресса в познании можно достичь, сформулировав четкую гипотезу и сопоставив ее

с документальными свидетельствами. Однако хорошо известно, что выбор тех или иных событий в качестве «исторических фактов» зависит от эпохи, историографических основ, представлений и концептуальных подходов конкретного историка: у каждого автора свой набор принятых и исключенных фактов.

Эпоха постмодерна второй половины XX столетия породила «интеллектуальные вызовы» в форме «лингвистического», «исторического» и «прагматического» поворотов. Понимание связи между историком, источником и историческим контекстом (реальностью прошлого) усложнилось. На первый план вышла проблема интерпретации взаимосвязи сведений источника и социально-исторического контекста. Это обусловило включение в методологический арсенал исторической науки современных концепций философской герменевтики, теории языка и дискурса. То внимание, которое представители постмодернизма уделяют роли текста, рассматриваемого как важная культурологическая единица, несомненно, способствует углублению текстологического анализа в практике конкретных исторических исследований. Однако идея постмодернизма о том, что исследователь не в состоянии констатировать отношение текста с самой реальностью, что он способен лишь фиксировать соотношение текстов друг с другом и эта их связь порождает множество подлежащих интерпретации смыслов, не согласуется с позицией историка. Историк полагает, что при изучении текстов, являющихся историческими источниками, ему удастся выявить и изучить определенные проявления многофакторной исторической реальности.

Список литературы

Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М., 1984.

Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) / В. С. Библер // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 89–101.

Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–35.

Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? / А. Я. Гуревич // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 59–88.

Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. – М., 1998.

Ракитов А. И. Историческое познание / А. И. Ракитов. – М., 1982.

Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, Л. П. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2004.

Румянцева М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М., 2002.

Про А. Двенадцать уроков по истории / А. Про. – М., 2000.

Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М., 1986.

Савельева И. М. История в пространстве социальных наук / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Новая и новейшая история. – 2007. – № 6. – С. 3–15.

Савельева И. М. Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб., 2007.

Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М., 2000.

Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке / А. И. Уваров. – Калинин, 1973.

Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.

Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука / К. В. Хвостова // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 22–33.

Глава 8

Теория массовых источников

К числу теоретических вопросов источниковедения массовых источников относятся прежде всего определение понятия «массовые источники», а также разработка их классификации и методики изучения.

Это новое для отечественного источниковедения направление наметилось во второй половине 1950-х гг. Один из его теоретиков и практиков Б. Г. Литвак подчеркивал, что изучение первичных массовых документов открывает перед историком больше возможностей, чем при анализе сводных, обобщающих материалов. Однако названные положительные качества массового источника выявляются только в результате источниковедческого синтеза, основанного на широком внедрении статистических методов исследования. Таким образом, развитие источниковедения массовых источников связано с приходом в исследовательскую лабораторию историка математических методов исследования (квантитативной истории). Количественно обширные комплексы массовых источников, часто содержащие большие объемы цифровых данных, невозможно ввести в научную практику, выявить на их основе закономерности, базируясь только на традиционных научно-исторических подходах и методах исследования.

Другой теоретик и практик в области источниковедения массовых источников И. Д. Ковальченко отмечал, что введение понятия массовых источников фактически открыло новую страницу в отечественном источниковедении. В зарубежной историографии данный термин отсутствует, так же как и сама особая предметная область – источниковедение. Выделение же массовых источников влекло за собой и переосмысление ряда аспектов традиционного источниковедения. В зарубежной исторической науке аналогичные процессы происходили в виде обращения к массовым данным (*mass data*). Причем проблемы работы с ними решались прагматично и сводились к осмыслению особенностей обработки этих данных при помощи современных информационных технологий. Такой взгляд предполагает акцент внимания на *семантическом контексте* массовых данных. А элементы их *структурного контекста*, например специфика отражения действительности в массовых источниках, оставались вне поля зрения зарубежных историков, в то время как именно эти вопросы составляют суть теоретического осмысления источниковедческих особенностей этих комплексов исторических источников. И. Д. Ковальченко видел

четкие отличия между категориями *источник* и *данные*. Источник, по мнению ученого, это система более высокого уровня. Данные – подсистема, возникшая в результате целенаправленной исследовательской деятельности историка.

Один из первых опытов выделения массовых источников в самостоятельную группу принадлежит В. И. Стрельскому:

Есть источники уникальные, полностью отразившие основные, существенные, наиболее важные и характерные черты изучаемого вопроса... есть источники массовые, иллюстрирующие уже установленные по материалам первого рода закономерности и не доставляющие существенно важного к уже установленным фактам.

М. А. Варшавчик, формулируя понятие «массовый источник», заменил термин «уникальный» на «синтезирующий», но также с идеей противопоставления массовых и всех остальных, более привычных для историка источников.

Данный подход Б. Г. Литвак признал недостаточным, ограничивающим значение массовых источников. Он заметил, что высказанная точка зрения отводит массовым источникам подсобную роль, исключая возможность изучения на их основе закономерностей общественного развития. При определении категории массовых источников Б. Г. Литвак считал необходимым исходить из *обстоятельств и цели происхождения* документов, а также учитывать их *форму*. Его определение, разработанное в 1965 г. совместно с М. П. Губенко, звучит так:

Под массовыми источниками мы разумеем такие документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность. По форме своей эти документы представляют определенный формуляр или зачатки его.

Таким образом, само возникновение массовых документов ученые связывают с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации будничных сторон социальной жизни.

Позднее Б. Г. Литвак отметил наиболее существенные *признаки массовой документации*:

- ординарность обстоятельств возникновения;
- однотипность формы, тяготеющей к стандарту;
- первичность, то есть предельная близость к отражаемому факту действительности;
- однородность и повторяемость содержания.

Что касается вопросов *классификации*, то Б. Г. Литвак полагал, что массовая документация, ординарная по своему происхождению, содержит разнообразнейшую информацию о различных сторонах социально-экономической действительности. Он выделил три пласта в комплексе массовой документации в зависимости «от степени близости документа к самому факту прошлого или его деталям»:

- 1) документы, которые отражают деталь, фрагмент прошлого;
- 2) документы, которые отражают весь факт прошлого;
- 3) документы, которые сами являются естественной частью факта.

Иной подход к пониманию природы массовых источников предложил И. Д. Ковальченко. В его основе лежал не учет обстоятельств, целей происхождения и формы массовых источников, а *содержание*, заключенное в этих источниках информации. Определение И. Д. Ковальченко звучит следующим образом:

Массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем.

В данной дефиниции нашел отражение *системный подход* – то есть изучение сложных развивающихся объектов в единстве и целостности составляющих их элементов, связей, зависимостей. Такой подход позволяет признать массовыми источниками не только отдельные документы, отражающие *единичные* факты или явления,

но и источники, содержащие факты *обобщенные* – например, статистические публикации, но при условии, что эти материалы несут сведения о массовых социальных объектах и явлениях.

В соответствии с рассмотренными подходами к толкованию сущности массовых источников учеными по-разному решался вопрос об отношении статистики к рассматриваемой категории. Б. Г. Литвак отмечал, что статистические источники нельзя относить к категории массовых, так как они несут в себе научную заданность и не соответствуют характеристике «ординарность происхождения». По мнению И. Д. Ковальченко и многих его последователей, статистические источники по содержанию заложенной в них информации вполне подходят под категорию массовых, хотя и не отличаются ординарностью происхождения. Однако они соответствуют *свойствам массовой документации*, которые сформулировал И. Д. Ковальченко:

- 1) содержат в большом количестве систематическую однородную информацию;
- 2) имеют единый механизм передачи этой информации (форма);
- 3) многомерно характеризуют массовое явление, богаты скрытой информацией;
- 4) допускают количественные методы анализа.

Специально вопросы *классификации* массовых источников И. Д. Ковальченко не рассматривал. Но ему принадлежат важные рассуждения в связи с данной проблемой.

Так, по мнению ученого, массовые источники по отечественной истории представлены различными комплексами документов и материалов. Прежде всего это статистика, которая отложилась в виде «сырых», необработанных данных и в сгруппированных формах (таблицы, графики, диаграммы). В исторических исследованиях возможно использование первичных статистических материалов, которые в силу каких-либо причин не разрабатывались или разрабатывались в соответствии с программами, не удовлетворяющими познавательные потребности современного исследователя, так как их исходными принципами были конкретные управленческие задачи. Например, переписные листы демографических,

промышленных, сельскохозяйственных переписей, анкеты бюджетных обследований и многие др. Но в случае, когда первичные источники не сохранились, возможна исследовательская работа с обобщенными и даже опубликованными данными. При этом новые знания, основанные на выявлении скрытой, неявной информации, заложенной в источнике, помогут получить количественные методы исследования на основе новейших информационных технологий.

Среди массовых источников по проблемам современности И. Д. Ковальченко выделил материалы социологических обследований. Историк обратил внимание на то, что отложилось огромное количество информации, полученной различными социологическими группами, лабораториями и самими историками. Однако, несмотря на многоплановость сведений, содержащихся в этих материалах, они имеют ряд существенных ограничений. Так, обследования чаще всего носят локальный характер по времени проведения, охвату территории и группам опрашиваемых (интервьюируемых). Существует множество несогласованных программ опросов, а следовательно, несопоставимость полученных данных. Нет единой системы хранения этих материалов, что осложняет поиск и выявление документов по интересующей историка тематике.

Кроме того, И. Д. Ковальченко разделил массовые источники по «степени формализации» заключенной в них информации.

В первую группу он поместил документы, имеющие стандартные разработанные формы, идентичные или близкие к статистическим: анкеты, формуляры, бланки и результаты их обобщений. Это так называемые *формализованные* источники: анкеты делегатов различных съездов, конференций, лишенных избирательных прав, листки по учету кадров, учетные карточки членов партий, профсоюзов и других общественных организаций, описи изъятых церковных ценностей и имущества раскулаченных и др.

Следующую группу массовых источников составляют документы, которые хотя и не имеют разработанной формы, но описывают стандартные ситуации и положения. Это *полуформализованные* источники, к которым можно отнести характеристики, автобио-

графии и биографии, рекомендации, жалобы, письма в газеты и административные органы власти, доносы и т. д. Сквозные признаки таких документов и повторяющиеся элементы информации легко выделяются и поддаются формализации. Данная особенность позволяет преобразовать полуформализованный документ в формализованный, создав, таким образом, новый массовый источник.

Что касается группы *неформализованных* массовых источников, в которую обычно включают документы эпистолярного и мемуарного жанра, то она вызывает возражения у ряда историков. Процедура формализации этих документов может привести к потере важных семантических элементов, содержащихся в этих материалах, и лишить их специфических черт, передающих атмосферу создания источника, эмоциональное состояние автора, то есть к утрате всего того, что составляет своеобразие природы источников личного происхождения.

В круг основных теоретических вопросов источниковедения массовых источников входит разработка *методики* их изучения. С учетом особенностей природы этих документов определено несколько задач, которые требуют решения в ходе источниковедческого исследования и введения этих документов в научную практику.

Исходная задача источниковедческого изучения массовых источников – выявление их комплексов. Сложность ее решения определяется тем, что нередко массовые данные о тех или иных явлениях или процессах собирались разными ведомствами и учреждениями и сосредотачивались в различных архивах. С другой стороны, некогда упорядоченные комплексы массовых данных в дальнейшем могли оказаться разрозненными, искусственно объединенными с другими материалами, утраченными и т. п. В методологическом плане здесь необходимо изучение закономерностей возникновения, движения и утраты массовой документации.

Важнейшей задачей источниковедческого анализа массовых источников является установление репрезентативности, представительности содержащихся в них сведений. Прежде всего необходима проверка представительности данных массовых источников

в количественном отношении, то есть насколько равномерно они охватывают всю совокупность объектов и их разновидности. Другим аспектом изучения представительности массовых источников является выяснение того, насколько заключенные в них сведения позволяют раскрыть действительную суть исследуемых явлений и процессов. Существенной является также проверка сопоставимости в пространстве и времени сведений массовых источников, так как их сбор часто производится по неодинаковым, изменяющимся программам и различными методами. Поэтому выяснение целей, программ и методов сбора информации об изучаемых объектах играет важную роль в источниковедении массовых источников, особенно в тех случаях, когда однотипные сведения содержатся в источниках разных видов. Для определения достоверности и точности данных массовых источников, полученных в результате того или иного измерения, требуется выяснение принципов, методики и техники измерения.

Для введения массовых источников в практику конкретно-исторических исследований необходимо решить задачу поиска наиболее эффективных методов обработки данных, содержащихся в изучаемых источниках. Эффективность применяемых методов определяется тем, в какой мере они позволяют получить надежные в количественном и качественном отношении сведения о сущности изучаемых явлений. Конкретные задачи здесь сводятся к разработке методов повышения информативной отдачи источников.

При этом необходимо помнить о скрытой информации, которую содержат практически все источники. Ее объективная основа – широкая взаимосвязь в реальной действительности явлений, процессов, их свойств и черт. Поэтому создатели источников наряду с целенаправленной и непосредственно выраженной информацией об объектах и процессах неизбежно оставляют и скрытую, непосредственно не выраженную информацию. В этом отношении важная особенность массовых источников – их многомерность и, следовательно, богатство такого рода информацией. В связи с этим массовые источники допускают применение количественных

методов ее извлечения, обработки и анализа. Выявление многообразных взаимосвязей – основной путь к извлечению из массовых источников явно не выраженной информации.

Изучение массовых источников тесно связано с развитием количественных методов в исторических исследованиях. Историко-ведческому исследованию массовых источников, развитию количественных методов их анализа, введению документальных материалов в научную конкретно-историческую практику, созданию исследовательских и справочных баз и банков данных на основе комплексов массовых источников посвящена деятельность созданной в 1992 г. Российской ассоциации «История и компьютер» (АИК). Ассоциация регулярно организует конференции и публикует результаты научных изысканий своих членов в «Бюллетене АИК» (1993–2012) и сборнике статей «Круг идей» (1993–2010), содержание которых свидетельствует о широком охвате документальных комплексов массовых источников, отражающих различные сюжеты, процессы и явления экономической, политической и социальной истории.

Историко-ведческая тематика затрагивалась в ходе обсуждения проблем компьютерного источниковедения, построения источник-ориентированных баз данных и моделей организации информации в информационных системах. Развитие теории и методики компьютерного источниковедения рассматривалось в контексте взаимодействия и взаимообогащения классического источниковедения и исторической информатики. Подвергались анализу проблемы достоверности и наличия противоречивых свидетельств источников, обнаруживающихся в ходе создания исследовательской источник-ориентированной базы данных. Предлагались пути создания формализованных моделей организации историко-исследовательской информации, исходя из утверждения, что массивы информации, с которыми имеет дело историческая наука, характеризуются значительным структурным многообразием и поэтому для развития исторического знания необходимы специальные модели организации информации, соответствующие специфике исторических исследований.

Наиболее распространенной формой комплексного исследования массовых источников признаны базы данных. Так, например, учетные карточки и личные дела членов трудовой армии 1941–1946 гг. легли в основу базы данных «Советские немцы – трудармейцы Тагиллага», материалы личных дел государственных руководителей сформировали банк данных по персональному составу Совнаркома (1917–1941 гг.). Научно-исследовательская обработка материалов весенних опросов 1925 г. крестьянских хозяйств на Украине проводилась с целью выяснить масштабы такого явления, как кулачество в годы НЭПа. Приказы Реввоенсовета СССР и Наркома обороны СССР стали основным источником для создания коллективной биографии высшего военного руководства страны в 1921–1941 гг. с применением технологии исследовательской базы данных. Списки кулацких семей, характеристики лишенных избирательных прав, анкеты и личные карточки спецпереселенцев легли в основу аналитической и справочно-информационной базы данных «Раскулаченные крестьяне Южного Урала (1930–1934 гг.)».

Список литературы

Бонюшкина Л. Е. Банк данных по персональному составу совнаркома (1917–1941 гг.) / Л. Е. Бонюшкина // *Круг идей : Традиции и тенденции исторической информатики.* – М., 1997. – С. 220–254.

Герасимов Г. И. Советское военное руководство. 1921–1941 гг. / Г. И. Герасимов // *Круг идей : Историческая информатика на пороге XXI в.* – М., 1999. – С. 87–96.

Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации / И. Д. Ковальченко // *История СССР.* – 1982. – № 3.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987 (2003).

Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников / Б. Г. Литвак // *Источниковедение. Теоретические и методические проблемы.* – М., 1969. – С. 102–114.

Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б. Г. Литвак. – М., 1979.

Лубский А. В. Некоторые теоретические и методологические проблемы источниковедения массовых источников / А. В. Лубский, А. П. Пронштейн // Источниковедение отечественной истории. 1981. – М., 1982.

Массовые источники по истории советского рабочего класса. – М., 1982.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. – М., 1979.

Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М., 1975.

Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. – М., 1977.

Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. – М., 1989.

Перевертень В. А. Модели организации информации в информационных системах для просопографических исследований / В. А. Перевертень // Круг идей : Традиции и тенденции исторической информатики. – М., 1997. – С. 42–58.

Раков А. А. База данных «Раскулаченные крестьяне Южного Урала (1930–1934 гг.)» и ее анализ / А. А. Раков // Круг идей : Междисциплинарные подходы в исторической информатике. – М., 2008. – С. 236–279.

Разинков С. В. База данных «Советские немцы – трудармейцы Тагиллага»: принципы создания, источники и методы обработки / С. В. Разинков // Круг идей : Историческая информатика в информационном обществе. – М., 2001. – С. 200–211.

Святец Ю. А. Богач, бедняк. Был ли кулак в украинском селе в годы НЭПа? / Ю. А. Святец // Круг идей : Развитие исторической информатики. – М., 1995. – С. 453–470.

Тихонов В. И. Источнико-ориентированная база данных: о противоречиях источника / В. И. Тихонов // Круг идей : Развитие исторической информатики. – М., 1995. – С. 294–316.

Тяжельникова В. С. Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы / В. С. Тяжельникова // Круг идей : Развитие исторической информатики. – М., 1995. – С. 244–256.

Глава 9

Классификация исторических источников

В научной исторической литературе термины «классификация» и «систематизация» исторических источников чаще всего применялись и употребляются до сих пор как синонимы. В этой связи хотелось бы присоединиться к точке зрения Л. Н. Пушкарева, высказанной им в единственной советской монографии, посвященной проблемам классификации письменных источников. Для Л. Н. Пушкарева, когда речь идет о теоретических вопросах источниковедения, термин «классификация» являлся предпочтительным.

Систематизация источников, по мнению ученого, теснейшим образом связана с целями и задачами исследования. Задача систематизации – сделать обозримыми для историка-исследователя выявленные источники, сгруппировать их, помочь в отыскании нужных фактов, определить возможный объем материала, подлежащего изучению, и т. д. Цель систематизации – чисто служебная, вспомогательная: создание такой системы, которая полнее раскрывала бы содержание изучаемых источников. Причем выбор этой системы целиком определяется волей историка-исследователя. Одни и те же источники можно систематизировать по самым разным признакам (хронологический, проблемный, персональный, географический и т. п.) в зависимости от целей исследования. Под классификацией источников Л. Н. Пушкарев понимал

...раскрытие внутренней необходимой связи между различными типами, родами и видами источников. Эти связи изначально заложены в источниках, присущи им с момента их возникновения, объективны и независимы от воли историка-исследователя... <...> ...Систематизация – приведение источников в определенную систему по выбору историка-исследователя в зависимости от целей его исследования. Это практическая задача.

Задача классификации – разделить источники на такие группы, которые изучаются близкими, сходными приемами и спосо-

бами, то есть связать классификацию источников с методикой их изучения. Классификация не просто систематизирует источники в удобные для изучения группы, а способствует их познанию, является одним из способов и средств этого познания. Одна из целей классификации – указание пути и форм возникновения новых типов, родов и видов источников.

Таким образом, заключал Л. Н. Пушкарев, если систематизация источников относится к области методики их изучения, то классификация связана с теорией источниковедения, с методологическими проблемами исторической науки вообще. И если целью систематизации источников является группировка исходного материала, отражающая уровень данного конкретного исследования, то цель классификации – создание такой схемы, которая отражала бы уровень развития исторической науки и источниковедения на данный исторический период. Смену различных классификационных схем Л. Н. Пушкарев называл закономерным историографическим явлением.

Итак, классификацию ученые определяют как логическую операцию, состоящую в разделении изучаемых объектов на отдельные виды и классы по обнаруженным сходствам и различиям, на основе знания их закономерной связи. Причем признаки, на основе которых проводится классификация, должны быть не случайными, а существенными.

Необходимость классификации вызвана потребностью, во-первых, разобраться во все увеличивающейся массе исторических источников, с наибольшей полнотой выявить источники по определенной теме; во-вторых, определить методы их научного изучения.

Существенным и очень важным теоретическим вопросом при разработке системы классификации исторических источников является выбор основания их деления. Научное значение классификации зависит от того, насколько правильно выбран принцип деления и с какой степенью последовательности он применен.

Из историков, работавших в XIX – начале XX в., наиболее общую, обладающую чертами универсальности и всеобщности клас-

сификацию исторических источников и заключенных в них сведений дали И. Г. Дройзен¹¹, Э. Бернгейм, А. С. Лаппо-Данилевский. Они делили источники на две группы:

- 1) *остатки культуры*,
- 2) исторические *традиции* (предания).

Остатки они считали частью исторического факта и доверяли им больше, чем традициям, но только в том случае, если подлинность остатка доказана. Тогда, по мнению ученых, источники можно вводить в историческое исследование без применения к ним критического анализа. Достоверность же исторических традиций нуждается в проверке, так как, с их точки зрения, они удалены от исторического факта на определенную временную дистанцию и в них могут содержаться субъективные оценочные суждения автора источника.

Ш. Сеньобос и Ш. В. Ланглуа предложили деление источников и фактов на «непосредственные следы» прошлого, заслуживающие особого доверия, и «косвенные следы». М. Блок также придерживался деления источников на две большие группы: «намеренные» и «ненамеренные» источники. В первом случае цели автора обнаруживаются в источниках, они ясны, во втором – создатели источников не преследовали каких-либо явных целей, поэтому эта группа оценивалась как наиболее важная для историка.

В первые годы советской власти отечественные исследователи (Л. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиаш-Рождественская, В. И. Пичета и др.) в вопросах деления исторических источников стояли на позициях академической науки.

С. А. Жебелев, присоединяясь к точке зрения Э. Бернгейма, делил исторические источники на две большие группы:

¹¹ «Иоганн Густав Дройзен (1808–1884), немецкий историк и философ. Изучал философию в Берлине, где несколько семестров слушал Гегеля, посещал занятия А. Бёкка. Профессор университетов в Киле (с 1840), Йене (с 1851), Берлине (с 1859). После революции 1848 – член Франкфуртского парламента. Автор трудов по политической истории... по античной истории (ввел термин “эллинизм” для обозначения распространения греческой культуры в Средиземноморье в 4–1 вв. до н. э.) и методологии исторического познания» (Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 1. С. 697).

- 1) памятники или материалы, непосредственно сохранившиеся от изучаемых событий;
- 2) свидетельства, которые излагают события на основании каких-либо источников.

О. А. Добиаш-Рождественская во многом следовала за точкой зрения Ш. Сеньбоса и делила источники на две большие группы:

- 1) вещественные остатки (немые памятники);
- 2) письменные памятники (символические следы).

Одной из первых после 1917 г. специальных источниковедческих работ, где подробно рассматривался вопрос деления источников, был учебник В. И. Пичеты, опубликованный в 1922 г. Автор предложил следующую систему деления источников, называя выделенные группы «видами»:

- 1) вещественные (предметы археологических раскопок, вещественные остатки);
- 2) устные (былины, сказки, исторические песни, пословицы, поговорки, различные поверья, народные легенды, стихи, частушки);
- 3) письменные (летописи, хронографы, акты публичного и гражданского права, мемуары, письма, политические сочинения, жития святых, документы по внешней политике, исторические и историко-литературные печатные издания и сборники, записки иностранцев и т. д.).

В последующие годы обсуждаемыми вопросами в области теоретических проблем классификации исторических источников становятся следующие: 1) количество признаков (один или несколько), которые должны быть положены в основу научной системы классификации; и 2) собственно признаки (критерии) классификации.

Г. П. Саар в работе «Источники и методы исторического исследования» (1930) признавал принципиальную возможность деления источников по различным признакам: происхождение, содержание, характер, место хранения и др. Он также высказывал свое согласие со схемой С. А. Жебелева, а значит, и Э. Бернгейма.

В начале 1930-х гг. С. Н. Быковский, подчеркивая условность существующих классификационных систем, предложил делить источники на четыре основных группы:

1) устная традиция (древнейшая форма передачи очевидцами известий о пережитых событиях);

2) письменная (и печатная) традиция (исторические источники в «тесном» смысле);

3) вещественные памятники и традиции в изображениях;

4) пережитки (в быте, нравах, учреждениях общества).

Вторая группа делилась историком на категории, которые он определял как «виды» или «формы» исторических источников: летописи, жития святых, биографии, записки, мемуары, политические сочинения, юридические памятники, эпиграфический материал. В выводах С. Н. Быковского просматривается невысокий уровень теоретического осмысления вопросов классификации. Это проявилось, например, в том, что он отказывал в самостоятельности периодической печати, не выделяя ее в особый вид исторических источников, ссылаясь на характерное для газетных материалов многообразие жанров.

М. Н. Тихомиров в своем учебнике, опубликованном в 1940 г., присоединяется к общему делению источников на остатки и традиции и оценивает их с точки зрения достоверности и ценности для исторического исследования:

В науке давно уже существует представление о двух типах исторических источников. К первому относятся так называемые исторические остатки, ко второму – историческая традиция. Под историческими остатками понимаются остатки непосредственной деятельности людей, прямые свидетели исторических фактов (например, подлинные акты, монеты, архитектурные памятники, предметы быта и т. д.). Под исторической традицией понимается отражение какого-либо исторического факта в источнике. Историческая традиция является результатом того впечатления, какое этот факт произвел на современников или потомков. Она передает историческое событие так, как оно преломилось в сознании людей (авторов летописей или мемуаров, певцов и сказителей былин и т. п.). <...> Исторические остатки являются более правдивым материалом, чем историческая традиция. Но количество их невелико; кроме того, они охватывают обычно лишь небольшой круг исторических явлений.

При всей ценности исторических остатков, без помощи исторической традиции невозможно было бы написать связную историю многих народов.

М. Н. Тихомиров предлагает историкам пользоваться как остатками, так и традициями, распределяя все исторические источники на пять групп, которые, как и В. И. Пичета, обозначает «видами»:

- 1) вещественные (археологические памятники, предметы быта, нумизматический материал, архитектурные памятники);
- 2) этнографические (пережитки);
- 3) лингвистические (географическая номенклатура, разговорный и книжный язык);
- 4) устные (устный рассказ, былины, песни, пословицы и т. д.);
- 5) письменные:
 - а) памятники литературного характера (летописи, хроники, хронографы, жития, мемуары, памфлеты и т. д.);
 - б) памятники актового характера (грамоты или акты в широком смысле этого слова, законодательные памятники, письма, юридические документы и т. д.).

Следуя учебным задачам, М. Н. Тихомиров изложил материал в хронологической последовательности. Он объединил исторические источники по истории России в пять больших групп: по древнейшей истории; по истории Киевской Руси; по истории периода феодальной раздробленности; по истории Русского государства XVI–XVII вв.; по истории России XVIII в. Внутри этих хронологических разделов источники были систематизированы по происхождению и по видам. Данный принцип вошел в практику преподавания источниковедения в вузах.

Проблема классификации исторических источников обсуждалась в 1950-е гг. в МГИАИ в связи с подготовкой программы общего курса «Источниковедение истории СССР». В качестве критерия деления письменных источников было предложено учитывать их содержание: по социально-экономической истории; по истории внутренней и внешней политики; по истории общественно-политической мысли и культуры и т. д. Однако эта классификационная сис-

тема вызвала возражения у некоторых ученых. Так, В. К. Яцунский указал, что при такой классификации все внимание исследователей сосредоточится на описании материала, который содержит источник, а не на методике его исследования. Кроме того, источники комплексного характера могли попадать сразу в несколько групп. В результате основным для структуры курса отечественного источниковедения стал видовой принцип классификации исторических источников, что позволяло говорить о методах анализа их разновидностей. В то же время различные виды исторических источников вписывались в общую структуру источниковедческой базы определенных исторических эпох и анализировались в контексте развития социально-экономических формаций. В 1958 г. в «Трудах МГИАИ» вышла научная статья В. К. Яцунского «К вопросу о классификации письменных исторических источников». Автор присоединился к системе деления, приведенной в учебнике М. Н. Тихомирова, и подчеркивал, что классификация источников, являясь необходимым предварительным приемом для введения их в научную практику, должна базироваться на едином научном принципе. В качестве последнего он видел методику анализа источников и на этой основе делил источники на виды, так как именно видовая принадлежность определяет единые или очень близкие приемы анализа письменных документов. Кроме того, вслед за М. Н. Тихомировым В. К. Яцунский считал возможным принять хронологическую систематизацию материалов, определив для каждого исторического периода свой перечень разновидностей источников.

В целом к 1960-м гг. сложилось общепринятое в современном отечественном источниковедении деление всей совокупности исторических источников на шесть групп:

- 1) письменные;
- 2) вещественные;
- 3) лингвистические;
- 4) этнографические;
- 5) устные;
- 6) кинофотофонодокументы (позже последняя группа была разделена на две: кинофото- и фонодокументы).

Однако у этой классификационной системы были критики. С. М. Каштанов и А. А. Курносов первыми выразили сомнение в ее теоретической состоятельности, поскольку здесь, как они отметили, смешаны два принципа деления источников: во-первых, по способу передачи явлений (вещественные, устные, письменные) и, во-вторых, по объекту исследования разных наук (этнографические и лингвистические). Позже И. Д. Ковальченко также критиковал непоследовательность этой классификации за неоднозначность критериев деления: одни группы выделены по форме отражения действительности; другие – по способу фиксирования информации; третьи – по объекту отражения. Указывал И. Д. Ковальченко и на другие изъяны данного подхода: например, этнографические материалы могут стать источником только после того, как будут зафиксированы либо письменно, либо на видео-, аудиопленку.

В. П. Данилов и С. И. Якубовская (1961), анализируя основные направления советской историографии в области классификации письменных источников, отметили слабые стороны двух основных систем деления источников – по видам и по содержанию. Ученые высказывали сомнение о возможности создания системы деления, пригодной для всех случаев исторического исследования, и предлагали определить единые основные принципы классификации. В то же время авторы подчеркивали перспективность известного подхода распределения исторических источников на «остатки» (подлинные письменные документы, созданные непосредственно в процессе исторического действия: законодательные акты, ведомственные распоряжения и приказы, договоры, уставы, записи речей и выступлений, протоколы, переписка и т. д.) и «традиции» (источники, передающие историческое событие, это не сам факт, а его отражение в источнике: отчеты, пресса, мемуары и т. д.). Кроме того, историки высказались о принципах научной классификации источников, которая возможна, по их мнению, только при одновременном учете нескольких признаков – содержания, происхождения и вида источникового материала.

В том же 1961 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история» имела место дискуссия по вопросу деления источников

Нового времени. В ней, главным образом, принимали участие вузовские преподаватели источниковедения, и, следовательно, она носила прикладной характер. В результате большинство участников и редколлегия журнала присоединились к видовому принципу деления письменных источников.

Интересный опыт классификационной системы был предложен в теоретической работе С. М. Каштанова и А. А. Курносова. Ими была предпринята попытка теоретического обоснования нового принципа деления письменных источников и дана критика иных систем деления. Они высказались за деление источников по происхождению, аргументируя тем, что вид документа – категория вторичная, производная от породивших его условий и отношений. Под происхождением они понимали сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни, их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления. В целом эта схема опиралась на базисно-надстроечную конструкцию теории общественно-экономических формаций. Исходя из этого принципа, историки разделили все письменные источники на возникшие в трех сферах: социально-экономических отношений; социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; семейно-личных отношений. Историки утверждали, что классификация по происхождению коренным образом отличается от классификации по содержанию, поскольку в ее основу кладется не то, *что* отражается в источнике, а то, *как* оно отражается в силу специфики происхождения.

Этот подход вызвал критику авторитетных советских историков Л. В. Черепнина и Е. А. Луцкого, которые отмечали, что:

- большинство источников возникли в условиях очень сложного переплетения общественных отношений и это затруднит практическое использование данной классификации;
- если и допустить, возникновение источника в какой-то определенной сфере, то из этого не следует, что он будет отражать только отношения, характерные для этой сферы.

В конце 1960-х гг. М. А. Варшавчик в своем учебном пособии по историко-партийному источниковедению подверг критике при-

нятые до сих пор системы деления, основанные на одном из признаков: содержание, происхождение, близость к факту и т. д. Историк сделал вывод, что не может быть выработано научной классификации, основанной на одном-единственном принципе деления, так как разные источники характеризуются различными чертами, качествами и свойствами. Поэтому, отмечал ученый, источники надо классифицировать и по их классовой направленности, и по видам, и по происхождению, и по авторству, допуская, таким образом, множественность принципов классификации.

Благодаря теоретическим исследованиям и дискуссиям в области проблем классификации исторических источников к началу 1970-х гг. в научной и учебной литературе утвердилась типовидовая система деления исторических источников в контексте формационного подхода.

Видовой принцип получил теоретическое обоснование в работах О. М. Медушевской, В. К. Яцунского, А. П. Пронштейна, Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко и др. Видовая категория представлялась очень важной и значительной в классификационном процессе. Поэтому для осмысления классификационных систем необходимо разобраться в критериях причисления исторических источников к одному виду. О. М. Медушевская под видом понимала «источники, имеющие устойчивые общие признаки, возникшие и закрепившиеся в силу общности их функций в жизни общества». При этом историк не сводила эту общность признаков только к форме источника, которая определяется его практическим назначением, а включала в видовые свойства и элементы содержания источника. А. П. Пронштейн и И. Н. Данилевский, в свою очередь, отмечали определенные трудности в делении источников на виды из-за глубокой органической взаимосвязи отдельных видов и разновидностей источников между собой, вследствие чего многие виды образуют комплексы близких по своему характеру источников. В то же время определяющими видовыми признаками они называли внутреннюю форму источника, его структуру, единство происхождения, содержания и формы, связанных с целевым назначением исторических свидетельств. Значение видовой классификации

И. Д. Ковальченко видел в том, что выделение видов исторических источников открывает возможности для выявления их эволюции.

Типовидовая классификационная система, получившая законченное оформление в работах Л. Н. Пушкарева, связана с представлением о предметных областях других гуманитарных наук и их методике. «Типами» исторических источников здесь названы те классы, которые ранее (в учебниках В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова) именовались «видами». Типологические системы обычно появляются в науке для описания множества разнородных объектов и решения задач их упорядочения и объяснения.

Основные классификационные понятия – *тип, род, вид* – употреблялись как в российском, так и в советском источниковедении. Однако точное определение этим категориям было дано Л. Н. Пушкаревым в монографии «Классификация русских письменных источников по отечественной истории» (1975). Здесь эти понятия были рассмотрены в системе. Ученый доказывал, что типологическая система классификации с наибольшей полнотой и последовательностью отражает ту всеобщую связь и взаимообусловленность явлений в природе и обществе, которая в области источниковедения проявляется с особой наглядностью в тесном переплетении между собой типов, родов и видов источников, в отсутствии резких, непереходимых границ между ними, в наличии смешанных, переходных форм.

Основанием деления при классификации источников, по мнению Л. Н. Пушкарева, должно быть самое общее, самое основное, самое существенное свойство источника. Таким наиболее общим свойством он считал *тип* исторического источника, предопределяющий его источниковедческую ценность и методику изучения. Под типами ученый подразумевал «наиболее широкие категории источников, которые отличаются друг от друга принципом хранения и кодирования информации». Основные типы исторических источников с точки зрения кодирования в них информации, выделенные Л. Н. Пушкаревым, неоднократно рассматривались в качестве основы классификации отечественными историками первой половины XX в.: 1) письменные, 2) вещественные, 3) устные

(фольклорные), 4) этнографические, 5) данные языка, 6) кинофотодокументы, 7) фонодокументы. Наиболее общая черта – способ кодирования содержащейся в источнике информации – позволяет, считал ученый, наметить не только определенные типы источников, но и, объяснив наличие переходных типов, подчеркнуть непрерывность деления и возможность возникновения новых типов исторических источников.

По словам Л. Н. Пушкарева, поместив в основу деления способ кодирования заключенной в источниках информации, кроме семи перечисленных типов, получаем также два переходных: данные антропологии и географическая среда. Первый одновременно относится к источникам историческим и биологическим, второй – к историческим и естественным.

Ученый отмечал, что вычлененные в результате деления типы источников в силу спецификации способов кодирования информации требуют для своего изучения особых специфических приемов и методов изучения. Поскольку способы кодирования заключенной в источнике информации различны, различна и методика изучения отдельных типов источников.

Деление исторических источников на документальные и повествовательные также было знакомо историкам начиная с 30-х гг. XIX в. В разное время этим категориям присваивались различные наименования: «разряды», «группы», «категории». Л. Н. Пушкарев предложил именовать их термином *род* и присоединился к дефиниции, данной в «Словаре современного русского литературного языка» (1961), гласившей, что род – «это каждый класс предметов, в состав которого входят другие классы предметов, являющиеся его видами».

С точки зрения Л. Н. Пушкарева, внутренним признаком, отличающим документальные источники от повествовательных, является преобладание *отображения* или *воплощения* действительности в источнике. В одних источниках отображается и далекое прошлое в виде рассказа, предания (устного или письменного), и живое настоящее, так как источник является одновременно и историческим фактом. В других ничего не говорится о том прошлом,

которое совершилось до создания самого источника, но много различных фактов, сведений и черт, которые свидетельствуют о многообразном воплощении исторической действительности в данном письменном источнике. Таким образом, в первом случае мы имеем дело с повествовательными источниками, рассказывающими о прошлом или настоящем, во втором – с источниками документальными, которые сами по себе являются документом, подтверждающим историческое настоящее по отношению ко времени создания документа.

Л. Н. Пушкарев подчеркивал, что любой источник и отображает, и воплощает в себе историческую действительность одновременно. Все дело в том, какой из этих двух процессов – отображение или воплощение – преобладает в данном источнике. Если источник больше рассказывает о прошлом, совершившемся до возникновения самого источника, или повествует о настоящем в виде связного рассказа, – перед нами источник повествовательный. Если автор источника не ставит своей целью дать связный рассказ о событиях, а просто фиксирует происходящее, то мы имеем дело с документальным источником. Однако оба эти процесса могут сосуществовать в любом историческом источнике. Среди письменных источников Нового и Новейшего времени, по мнению ученого, много таких, которые стоят на грани этих категорий, например отчетная документация. Следовательно, между документальными и повествовательными источниками нет непроходимой грани.

Л. Н. Пушкарев отмечал, что документальность или повествовательность источника – это его реальное, объективное свойство, с момента возникновения присущее источнику, а не привносимое в него исследователем. Историк не может изменить по своему желанию характер источника и превратить деловую бумагу в повествование о прошлом. Следовательно, такое деление вытекает из самой природы письменного источника и связано с процессом отображения и воплощения в нем действительности.

Л. Н. Пушкарев ставил вопрос о связи деления источников на роды с проблемой достоверности. По его мнению, прямой связи здесь не существует. Но установление документальности или повест-

вовательности письменного источника необходимо для определения тех приемов и способов изучения, которые могут дать наиболее полные результаты. Значительная часть этих методов является общей для всех письменных источников. Но у документов и повествований (по аналогии с остатками и традициями) имеются и специфические черты, которые заставляют выделять, например, дипломатику как особую часть источниковедения или разрабатывать характерные подходы к изучению мемуаров, художественных произведений и т. д. Таким образом, установление документальности или повествовательности письменного источника помогает исследователю сразу определить, какими приемами и способами он может извлечь из источника необходимые ему факты, какова степень их полноты и достоверности, каковы пути дальнейшего изучения источника.

Идея деления исторических источников на документальные и повествовательные в практическом смысле не была новой. Ею давно пользовались, например, историки-медиевисты. Классификационная система Э. Бернгейма также учитывала специфику источников, порождаемую степенью их близости к описываемым событиям.

А. П. Пронштейн и И. Н. Данилевский, анализируя выводы Л. Н. Пушкарева, отмечали нецелесообразность деления письменных источников на роды как избыточный, промежуточный этап в построении классификационной системы между типом и видом источников и высказались, таким образом, в пользу типовидового подхода.

Как уже отмечалось выше, рассмотренные два больших рода письменных источников, в свою очередь, распадаются в системе Л. Н. Пушкарева на более мелкие составные части – *виды*: это исторически сложившиеся комплексы письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры и внутренней формы.

Л. Н. Пушкарев опять остановился на вопросе о взаимосвязи между достоверностью источника и его видовой принадлежностью, подчеркнув, что не может быть оказано предпочтения одному источнику перед другим только потому, что один источник – акт, а другой – рассказ современника. Источниковедческая ценность

памятника, по мнению ученого, определяется целой суммой признаков, хотя существуют виды источников, хранящие необыкновенно богатую информацию о прошлом, и другие – несущие сведения узкого характера.

Оба рода письменных источников у Л. Н. Пушкарева делятся по традиции на виды, количество которых, по его мнению, постоянно увеличивается. Практика источниковедческого анализа свидетельствует о том, что некоторые виды письменных источников могут быть объединены (в пределах рода) в особые категории, имеющие схожие особенности происхождения, содержания и формы. Эти категории, по аналогии с классификационными схемами других наук, историк назвал *разрядами*. Таков разряд статистических материалов, состоящий из нескольких видов и разновидностей, большой разряд актов, разряд картографических материалов и т. д. – все это в пределах рода документальных письменных источников. Среди повествовательных памятников также могут быть выделены разряды: исторические труды (летописи, хронографы, анналы, хроники и т. д.), источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма, автобиографии) и пр. Одни из этих видов оказываются характерными для одного исторического периода, другие свойственны многим хронологическим эпохам.

Учитывая приведенные выше рассуждения, Л. Н. Пушкарев предложил *циклическую систему деления источников*, которая, по его мнению, наиболее убедительно подчеркивает взаимосвязь различных типов источников и наличие переходных групп между ними (рис. 1).

Циклическая система классификации изображает всю совокупность исторических источников в виде замкнутого круга, разделенного (условно) на семь основных типов. Однако эти типы не отделены друг от друга непреходимой границей, наоборот, между ними находится большое количество переходных форм. Количество этих переходных форм различно, как отмечает ученый, на рис. 1 обозначены лишь наиболее яркие и показательные. Так, между основными типами источников существуют переходные: монеты, медали, гербы, печати, эпиграфические источники, вещественные источники

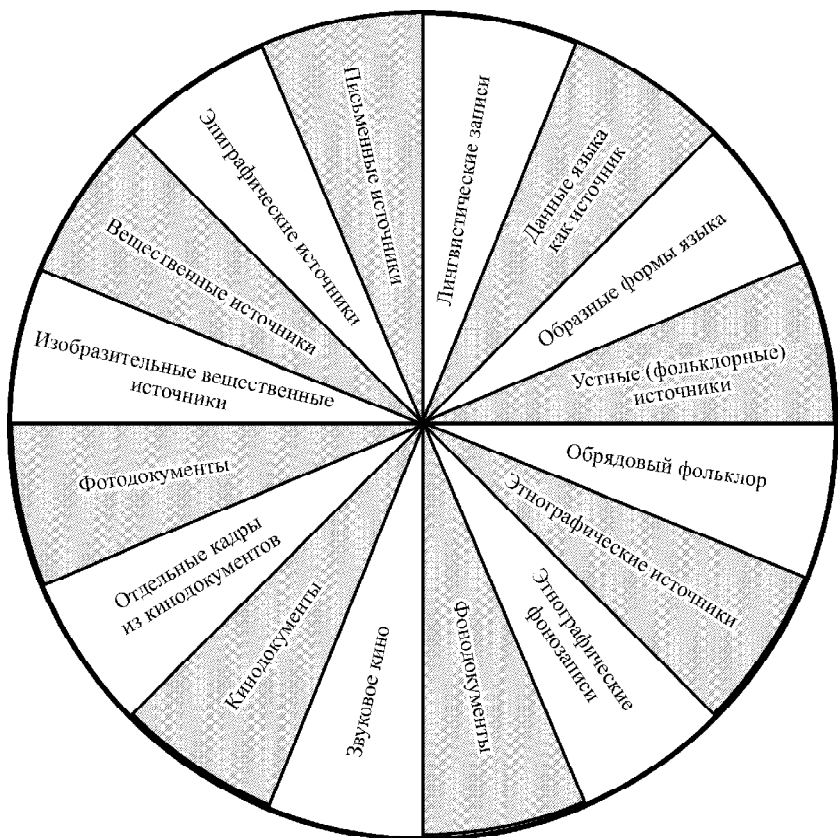

Рис. 1. Циклическая система классификации исторических источников

с элементами письма. Например, берестяные грамоты (переходные между вещественными и письменными); фольклор, бытующий в письменной форме (переходный между письменными и устными); обрядовые жанры фольклора (переходные между устными и этнографическими) и т. д.

С практической точки зрения бывает нужно развернуть циклическую систему в *линейную*, то есть в каком-либо условном месте разорвать замкнутый цикл источников и представить его в виде линейного ряда (рис. 2).

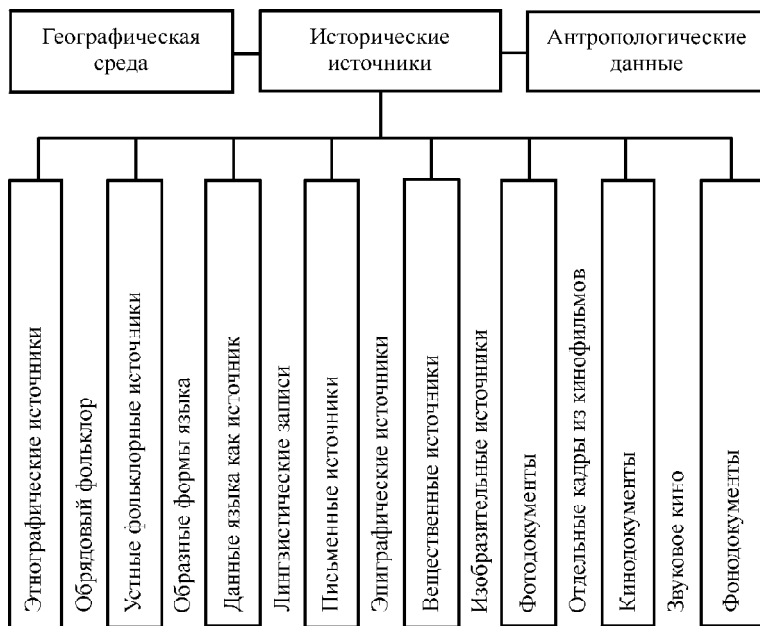

Рис. 2. Линейная система классификации исторических источников

Такая необходимость, по мнению Л. Н. Пушкарева, диктуется прежде всего стремлением показать, что ряд исторических источников бесконечен, так как с развитием науки и техники будут возникать новые типы исторических источников, основанные на новых способах кодирования информации. С другой стороны, линейный ряд циклической классификации наглядно может продемонстрировать связь исторических источников с естественно-физическими (географическая среда) и естественно-биологическими (антропологические данные) источниками. Естественно всего, как считал ученый, разрыв провести в пункте, соединяющем этнографические источники с фонодокументами. Это может быть мотивировано той последовательностью в возникновении исторических источников, которая раскрывается данной линейной системой классификации (хотя вещественные источники по времени своего возникновения первичны, но в качестве источников они стали привлекаться

к исследованию после письменных). Все переходные группы источников должны быть сохранены: они наглядно показывают непрерывность линейного ряда источников. Количество этих переходных групп легко может быть увеличено, и на рис. 2 они указаны разработчиком схемы лишь выборочно.

Классификационная система письменных источников в графическом выражении строилась Л. Н. Пушкаревым на тех же самых принципах. Наиболее объективной графической формой классификации ученый считал *циклическую*, так как она наглядно показывает условность деления письменных источников и на два больших рода, и на разряды внутри этих родов, и на виды (рис. 3). Названия разрядов вынесены за пределы круга источников. Условность границ между группами источников графически выражена прерывистой линией. Виды, конечно, перечислены не все, по количеству их гораздо больше, чем указано на рисунке. Между всеми помещенными на рис. 3 видами можно найти переходные формы, которые будут содержать черты, общие для соседствующих видов (например, деловые и личные письма; географические труды теснейшим образом связаны с картографическими источниками и т. д.).

При развертывании циклической системы классификации письменных источников в *линейный ряд*, разрыв между двумя родами будет условным и относительным (рис. 4). Л. Н. Пушкарев полагал, что логичнее всего провести этот разрыв в пункте, соединяющем картографические источники с научными, так как сама форма отображения и воплощения действительности в двух этих видах существенно и наглядно различается. В то же время линейка повествовательных источников будет оканчиваться научными трудами, то есть тем переходным видом, который стоит на грани исторического источника и исторического исследования. Таким образом, можно представить всю совокупность источников в виде непрерывного ряда, переходящего в одном направлении в исторические исследования, а в другом – в изобразительные источники, восходящие к древнейшему периоду в развитии человечества.

Давая оценку этой классификационной модели, С. О. Шмидт отмечал ее логическую нечеткость в области основания деления,

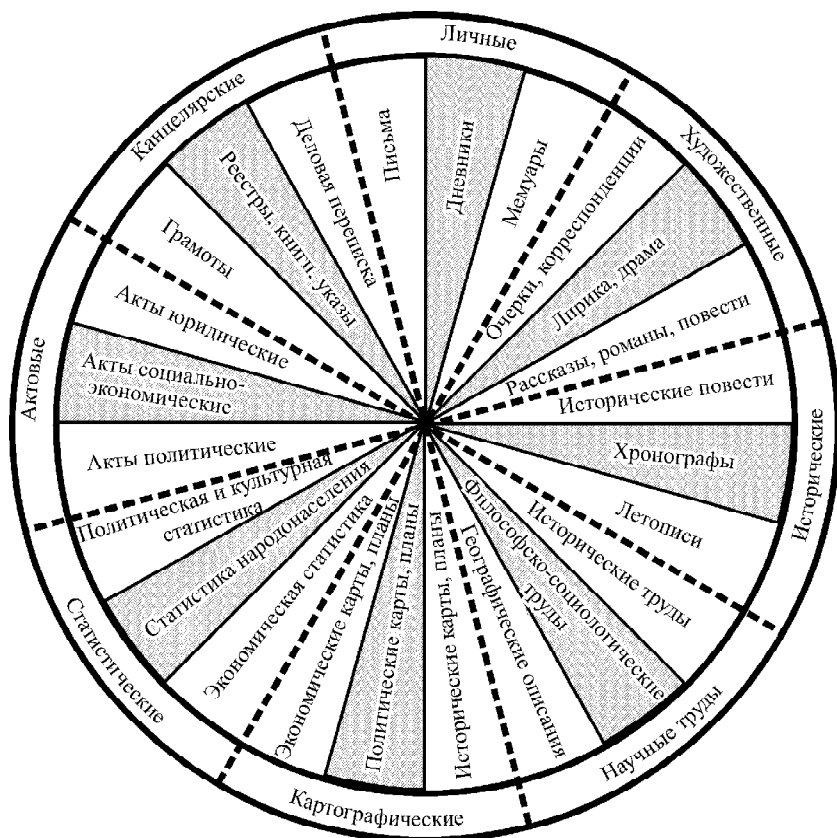

Рис. 3. Циклическая система классификации письменных исторических источников

а также отставание от современной источниковой базы «номинированных» в данной системе наук (лингвистика, этнография, фольклористика). Кроме того, указывались механистичность объединения кинофото- и фономатериалов, искусственный отрыв фотодокументов от других изобразительных источников, которым в классификации совсем не нашлось места.

В то же время образовательное значение классификационной системы Л. Н. Пушкирева выражено достаточно явно. Несомненным

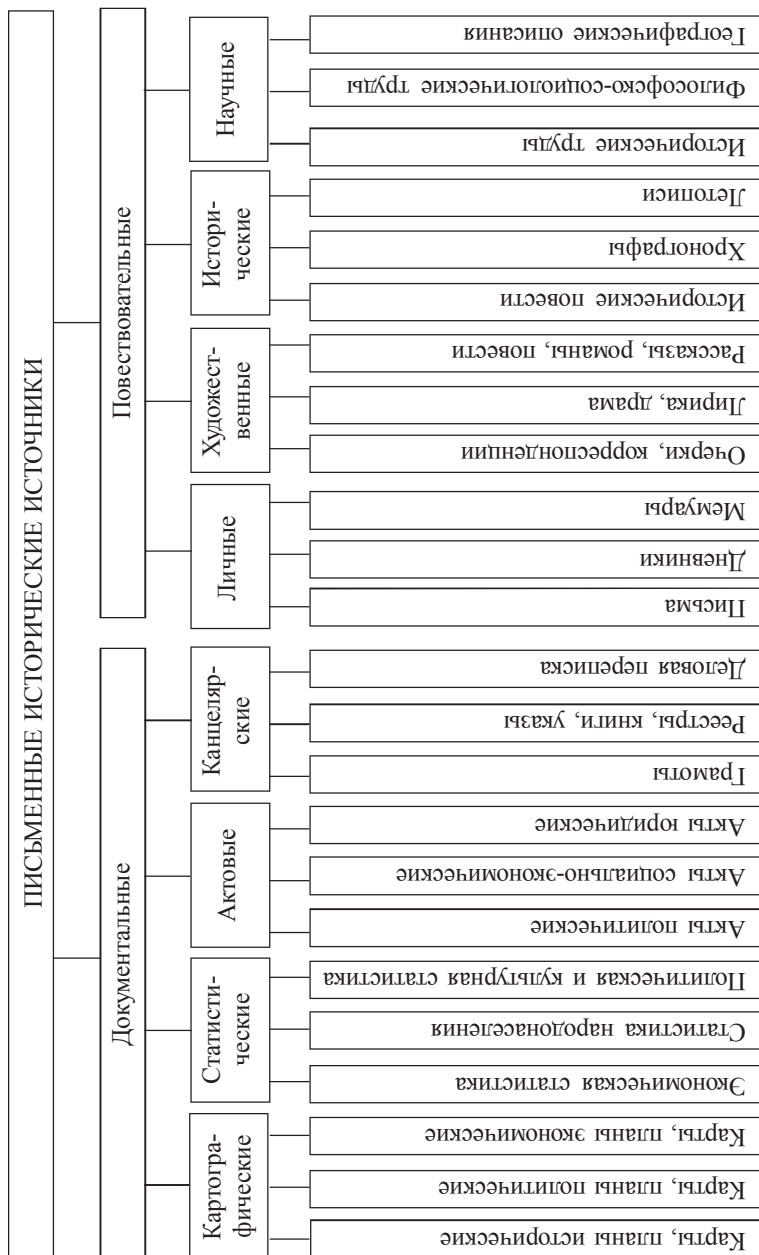

Рис. 4. Линейная система классификации письменных исторических источников

является вклад ученого в развитие категориального аппарата данного раздела источниковедения. Наглядно представлены в линейной и циклической схемах системные взаимосвязи между различными классами исторических источников. Доказательно обоснованы отсутствие непроходимых граней между источниками различных типов и видов, наличие переходных форм, перспективы постоянного качественного и количественного развития этой системы.

Типовидовая классификационная система, наглядно представленная Л. Н. Пушкаревым в циклической и линейной схемах, довольно прочно утвердилась в отечественном источниковедении и учебной литературе. Для многих действующих историков она остается актуальной до настоящего времени.

Иной взгляд на проблему классификации исторических источников отражен в научном наследии И. Д. Ковальченко. Ученый доказывал, что к этому методологически сложному вопросу следует подходить с позиции *трех аспектов информации* (прагматический, семантический и синтаксический), в контексте которых им и была проанализирована природа исторического источника.

Принятая большинством отечественных специалистов система деления всех исторических источников на семь типов, по мнению ученого, строилась непоследовательно, нарушая принцип единства классификации источников. Взамен И. Д. Ковальченко предложил более стройный и научно обоснованный подход, который в начале 1980-х гг. был заметным шагом вперед в области теории источниковедения и сегодня сохраняет свое научное значение.

Первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников – по методам и формам отражения действительности – И. Д. Ковальченко выделил, исходя из *синтаксического аспекта информации*. Вся совокупность исторических источников при этом четко делилась на четыре группы, или типа:

- 1) вещественные,
- 2) письменные,
- 3) изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные, изобразительно-натуральные),
- 4) фонические.

Выделение основных групп исторических источников является хотя и важным, но лишь первым этапом в их классификации. Еще большее значение имеет классификация источников каждой из этих групп. Как неоднократно говорилось выше, в источниковедении широко распространенной была видовая классификация, в основе которой лежат единство происхождения, общность содержания и назначения определенного круга источников. С информационной точки зрения, подчеркивал И. Д. Ковальченко, видовая классификация основывается на *прагматическом аспекте информации*, а именно на единстве целевого назначения информации для ее получателя, субъекта. Единство цели, с которой выявлялась информация из окружающего мира, естественно, порождает сходство принципов и методов восприятия действительности, форм выражения и использования информации (сходство формы, структуры содержания и назначения источника). Последнее обстоятельство, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов источниковедческого и конкретно-исторического анализа к источниковому материалу.

Таким образом, выделенные на основе синтаксического аспекта информации типы и на основе прагматического аспекта информации виды – это главные звенья предлагаемой классификационной системы.

Но кроме синтаксического и прагматического информация имеет еще *семантический*, или *содержательный*, аспект. В этой связи И. Д. Ковальченко рассмотрел вопрос о правомерности классификации источников на основе учета их содержания. Попытки разработки таких классификационных систем предпринимались многократно. Однако с точки зрения учения об информации, подчеркнул ученый, поскольку содержание источников в плане отражения ими исторической действительности чрезвычайно многообразно и одни и те же виды источников и даже сами отдельные источники могут нести сведения о самых различных сторонах этой действительности, постольку включить в классификационную систему признак содержания не представляется возможным. Но опыт распределения изучаемых источников на группы с учетом их содер-

жания может быть реализован исследователем в ходе решения конкретных научно-познавательных задач в рамках определенной темы. Такие систематизации широко применяются в проблемных источниковедческих исследованиях и являются одним из главных методических приемов в конкретно-исторических изысканиях (например, группировка разных видов источников по степени ценности для определенного исследования).

Таким образом, предложенный И. Д. Ковальченко учет трех аспектов информации (синтаксического, прагматического и семантического) помогает яснее представить принципы, исходя из которых может быть построена научная система классификации исторических источников. При этом семантический аспект информации участвует в решении прикладных задач изучения источников в рамках конкретно-исторических изысканий и скорее может быть связан с такой процедурой, как систематизация вовлеченных в научную практику исторических источников, чем с классификацией всей их совокупности.

Сравнивая классификационные модели Л. Н. Пушкарева и И. Д. Ковальченко, другой выдающийся отечественный историк С. О. Шмидт высказался в пользу информационной – как более обоснованной, логически выдержанной и перспективной в учебном процессе, так как она концентрирует внимание на тех классах источников, которые более интенсивно изучаются.

Рассматривая проблему классификации исторических источников и подчеркивая ее условность, С. О. Шмидт характеризовал сам процесс создания классификационных моделей как средство организации познавательной деятельности и отражение развития наших знаний. Общая классификация, по его мнению, должна удовлетворять нескольким условиям. Во-первых, учитывать характер источниковой базы, источниковедческий опыт исследователей и практику преподавания. Во-вторых, быть одновременно и устойчивой, и гибкой, допускающей выявление новых классов и подклассов исторических источников и включение их в систему. Ученый настаивал на обязательном логическом правиле построения общей классификации всех исторических источников: опора на жесткий

принцип деления по одному основанию (признаку). Он также видел связь конструирования генеральной классификации всех источников с представлением об объеме понятия «исторический источник», замечая, что широкая трактовка затрудняет этот процесс.

С. О. Шмидт был сторонником взгляда, согласно которому историческим источником признаются не только результаты целенаправленной человеческой деятельности, но и то, что существует независимо от нее, в определенной степени обуславливая развитие человеческого общества, и способствует объяснению хода исторического процесса. Логика такого представления о природе исторических источников приводила ученого к выводу о том, что «все массивы источников исторической информации» можно классифицировать на два класса: 1) исторические источники, являющиеся результатом целенаправленной деятельности людей; 2) источники, существующие независимо от этой деятельности. Первую группу он оценивал как «основную» для познания прошлого человека. Именно для нее вырабатывается источниковедческая методика и выстраиваются классификационные модели. Опираясь на высказанные идеи, С. О. Шмидт предложил свой вариант типологической классификации «всех источников исторического происхождения»:

1) вещественные источники (от памятников археологии до современных машин и предметов бытового обихода);

2) изобразительные источники (художественно-изобразительные: произведения искусства, кино, фотографии; изобразительно-графические; изобразительно-натуральные: фотографии, кинокадры);

3) словесные источники (разговорная речь, памятники устного творчества, письменные памятники, фонодокументы, фиксирующие речь человека);

4) конвенциональные источники (все системы условных обозначений: ноты, математическая, химическая и другая символика);

5) поведенческие источники (визуально наблюдаемые обычаи, обряды, ритуалы – коллективные и индивидуальные действия);

6) аудиальные источники (записи звуков в широком и узкомузыкальном смысле).

Поясняя свою классификационную модель, историк опровергал кажущуюся неполноту системы и обращал внимание на ее прикладной характер и условность как всякой классификации. Например, монеты – вещественные источники с изображением и надписями – могут рассматриваться как разновидность нескольких типов источников: вещественных, изобразительных, словесных. Картографические материалы и плакаты являются одновременно письменными и изобразительными источниками. Песни – одновременно и словесными, и звуковыми источниками. Кинофильмы – источники поведенческие, изобразительные, словесные и звуковые.

С. О. Шмидт предлагал рассматривать свои классификацию прежде всего в учебных целях – для выявления, учета и первичного разделения источников на классы как одну из предпосылок для обоснования сущностной и многоаспектной классификации исторических источников.

В новейшем источниковедении классификация рассматривается как познавательное средство для осмысления всего многообразия исторических источников. Наиболее важной определена видовая классификация как отвечающая главной задаче источниковедения. В основе видовой классификации – учет цели и назначения произведения. Этот подход связан трактовкой источника как результата целенаправленной человеческой деятельности, облеченного в материальную форму произведения, как средства достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных или человеческих потребностей.

В связи с тем что главная задача классификации связана с разработкой методов исследования различных источников, проблема деления исторических источников рассматривается во взаимодействии с междисциплинарным подходом. В ходе исследования исторических источников источниковедение использует данные различных дисциплин и отраслей знания, дающих возможность изучать произведения, созданные людьми. Для эффективного изучения конкретных документов необходимы знания методов, разработанных смежными дисциплинами. Так, источниковедение литературных произведений тесно связано с литературоведением и филологией;

источниковедение законодательных документов – с правовыми науками; источниковедение изобразительных источников – с историей искусств; рукописных книг – с кодикологией и палеографией; актовых материалов – с дипломатикой; периодической печати – с журналистикой и т. д.

Итак, рассмотренные классификационные системы разрабатывались на основе различных критериев: близость к историческому факту, содержание, происхождение, видовая принадлежность. Учитывая условный характер любой классификации, необходимо подчеркнуть ее познавательное значение в связи с разработкой методов изучения исторических источников.

Список литературы

- Бернгейм Э.* Введение в историческую науку / Э. Бернгейм. – СПб., 1908.
- Быковский С. Н.* Методика исторического исследования / С. Н. Быковский. – Л., 1931.
- Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение : Теория, методология, методика / М. А. Варшавчик. – М., 1984.
- Данилов В. П.* Источниковедение и изучение истории советского общества / В. П. Данилов, С. И. Якубовская // Вопросы истории. – 1961. – № 5. – С. 3–23.
- Каштанов С. М.* Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносов // Исторический архив. – 1962. – № 4. – С. 173–196.
- Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете учения об информации / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1982. – № 3.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987.
- Курносов А. А.* К вопросу о природе видов источников / А. А. Курносов // Источниковедение отечественной истории. 1976. – М., 1977.
- Ланглюа Ш.* Введение в изучение истории / Ш. Ланглюа, Ш. Сеньбос. – СПб., 1899.
- Медушевская О. М.* Источниковедение в системе гуманитарного образования / О. М. Медушевская, В. А. Муравьев // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. – М., 2001. – С. 33–54.

Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М., 1996.

Медушевская О. М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строгая наука / О. М. Медушевская // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. – М., 2001. – С. 8–32.

Пичета В. И. Введение в русскую историю / В. И. Пичета. – М., 1922.

Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М., 1986.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д., 1976.

Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М., 1975.

Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования / Г. П. Саар. – Баку, 1930.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М. Н. Тихомиров. – Т. 1. – М., 1940.

Шмидт С. О. О классификации исторических источников / С. О. Шмидт // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 73–92.

Глава 10

Структура источниковедческого исследования

До сих пор многие современные исследователи, обращаясь к критике исторических источников, оперируют понятием *внешняя и внутренняя критика*. Эта терминология, прочно вошедшая в арсенал историков еще в советский период, связана с позитивистским подходом к изучению источников.

Следует выделить два периода в советской исторической науке, когда уделялось серьезное внимание вопросам методики исследования исторических источников: это 1920-е гг. и последние

десятилетия XX в., начиная с конца 50-х гг. В промежутке между этими годами, несмотря на деятельность ученых и преподавателей МГИАИ, историческое образование в большинстве вузов страны включало лишь обзорные курсы источниковедения. В опубликованных в 1960–80-е гг. работах, посвященных общетеоретическим проблемам исследования исторических источников и методике их анализа, доминировала точка зрения о двух взаимосвязанных стадиях работы с источником (А. П. Пронштейн). Признавалось, что «последовательность аналитических операций» воспринята марксистским источниковедением у буржуазной науки, и подчеркивалось отсутствие резкой грани между этапами внутренней и внешней критики и условность данного деления. Отмечалось, что все вопросы внешней критики источника не могут быть выяснены без изучения текста свидетельства. В целом источниковедческий анализ делился на две стадии, первая из которых состояла в выяснении происхождения источника, его подлинности, авторства, времени, места и условий возникновения с учетом связи источника с определенной эпохой, политических и классовых позиций его автора. Только после этого исследователь мог переходить к специальному изучению содержания источника с целью выяснения полноты, достоверности и точности заключенных в нем сведений.

Некоторые отечественные историки выяснение степени вероятности и достоверности фактов, сообщенных в источниках, определяли основной задачей аналитической критики (С. М. Каштанов, А. А. Курносков). От категории «внешняя и внутренняя критика» не отказывался Л. Н. Пушкирев. К ее задачам ученый относил определение и анализ внешней и внутренней формы исторического источника вместе с определением и анализом его содержания. На то, что задачи источниковедческой критики не исчерпываются только проверкой достоверности отдельных исторических источников, обращали внимание М. А. Варшавчик и А. Г. Тартаковский.

И. Д. Ковальченко во втором издании учебника под своей редакцией (1981) подчеркивал необоснованность выделения в источниковедческом анализе внешней и внутренней стороны, которое приводит к нарушению целостной структуры исторического источника.

Необходимость источниковедческой критики историк объяснял самой природой источника и видел ошибку в ограничении этой задачи источниковедческим анализом только документов, «вышедших из среды эксплуататорских классов», настаивая на том, что в нем нуждаются все источники без исключения.

В источниковедческом исследовании И. Д. Ковальченко выделял *основные стадии работы с источником*:

- 1) поиск, выявление источников;
- 2) источниковедческий анализ (научная или источниковедческая критика источника);
- 3) разработка методов изучения, обработка и анализ данных, содержащихся в источнике.

Понятия «источниковедческий анализ», «научная критика», «источниковедческая критика» ученый использовал как синонимы.

Указанные этапы и сегодня можно оценить как обязательные составляющие любого конкретно-исторического исследования, когда поиск источников, выработка методики их изучения и вовлечение в научную практику содержащихся в них сведений связаны с определенной научно-познавательной целью. Источниковедческий взгляд на изучаемые документы (памятуя о различии в труде историка и источниковеда), позволяющий узнать об источниках намного больше, чем при первом приближении, связан с их научной критикой.

На стадии *источниковедческого анализа (критики)*, по мнению И. Д. Ковальченко, должны были последовательно решаться следующие вопросы изучения исторических источников: определение внешних особенностей памятника, установление его подлинности, прочтение текста источника, установление времени, места, авторства, обстоятельств и мотивов происхождения текста, истолкование текста, определение его достоверности, полноты, представительности, научной значимости. Речь здесь шла преимущественно о письменных источниках.

Ученый обращал внимание на то, что при выявлении внешних особенностей письменных источников и установлении их подлинности необходимо прибегать к методам и приемам других

гуманитарных дисциплин: палеографии, хронологии, лингвистики, топонимики, исторической географии и др. Большое место в источниковедческом анализе отводилось работе с текстом: выявление первоначального варианта, дополнений, переработок, копий, редакций и списков. Отмечалась роль текстологического анализа в установлении основного текста. Часто с глубоким, всесторонним изучением содержания самого текста связано определение времени, места и авторства источника. Эта работа требует от историка знаний в области вспомогательных исторических дисциплин и понимания социальной среды, в которой возник исследуемый документ. Раскрытию истинного смысла текста источника служит его интерпретация (истолкование). Отвечать на вопросы о содержании источника И. Д. Ковальченко предлагал с точки зрения полноты, точности и достоверности его сведений. В то же время историк замечал, что полнота, точность и достоверность во многом определяются осведомленностью автора и его методикой сбора конкретно-исторических сведений. Таковы, говорил И. Д. Ковальченко, самые общие направления и пути научной критики источников. Они могут конкретизироваться в зависимости от категорий источников и научно-познавательной цели исследователя.

К концу XX в. вопрос о логической последовательности и названиях этапов источниковедческого исследования оставался дискуссионным. Предлагалось, например, выделить три сменяющих друг друга этапа: эвристический, текстологический и герменевтический (Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев). Первый, эвристический, подразумевает процесс поиска и сбора источников, главная цель которого – создание источник-информационной основы исследования. Второй, текстологический, также называют «установление текста», что означает его прочтение и буквальное понимание того, что хотел сказать автор. И третий этап, герменевтический, отвечает за выяснение объема, полноты, качества, достоверности или недостоверности, субъективности или объективности сведений источника и, в конечном итоге, его научную оценку и перспективу использования в историческом исследовании.

В контексте истолкования исторического источника как явления культуры О. М. Медушевской предложена структура источни-

коведческого исследования, основанная на феноменологическом подходе (1996), которая позднее была закреплена в одном из самых известных современных учебников по источниковедению.

Таким образом, если рассматривать *источниковедческое исследование* с учетом специфики труда источниковеда, то его цель заключается в следующем:

1) установить подлинность, достоверность и полноту источника (или совокупности взаимосвязанных источников);

2) выяснить его информационные возможности, для ответов на какие вопросы он может быть привлечен в историческое исследование, какие темы представляется возможным изучить на его основе;

3) дать оценку источнику с точки зрения его научно-познавательной ценности.

Именно этими знаниями об изучаемых исторических источниках должен обладать исследователь в результате проведения источниковедческого исследования, прежде чем решать судьбу проанализированных им свидетельств о введении их в дальнейшую научную практику на уровне уже конкретно-исторических изысканий.

Источниковедческое исследование – это сложная процедура, включающая в себя два основных этапа: источниковедческий анализ и источниковедческий синтез, составляющие основу метода источниковедения.

Источниковедческий анализ предполагает изучение исторического источника (или их совокупности) с различных сторон, для того чтобы приблизиться к ответу на три вопроса, составляющие общую цель исследования. На полноту, степень достоверности, содержание источника и актуальное научное значение могли повлиять различные факторы, связанные с его созданием и функционированием, со всем его «жизненным циклом» до того, как он стал историческим источником.

Исторические условия возникновения источника

Источник как феномен определенной культуры, как материальный продукт целенаправленной человеческой деятельности вызван к жизни конкретными условиями (политическими, экономи-

ческими, культурными), задачами, целями. Поэтому важно понять, что представляла собой та историческая социальная реальность, фрагментом которой он является. Ни один источник не может быть интерпретирован вне той общекультурной ситуации, с которой он связан возникновением и функционированием. Без изучения исторических условий нельзя решить вопросы новизны, уникальности или, наоборот, типичности изучаемого комплекса источников. Исследователь обобщает уже известное науке знание о реальности, ставя вопрос о том, каким образом в этой реальности мог возникнуть изучаемый культурный феномен.

Автор источника

Источниковед в ходе работы с источником должен рассмотреть вопрос о соотношении изучаемого произведения и его авторства. Метод источниковедения указывает на исследовательскую проблематику, которая может открыть новые возможности интерпретации текста и получения сведений об источнике, условиях и времени его создания.

Соотношение индивидуальности автора источника и той реальности, в которой он существовал, может быть разным. В одних случаях автор проявляется более выпукло, и тогда становится возможным «задать» ему конкретные вопросы о его искренности, точности и знании предмета. А. С. Лаппо-Данилевский обращал внимание на то, что чем ярче личность автора источника, тем более источник нуждается в индивидуализирующем истолковании (интерпретации). Масштаб личности создателя произведения, цель его создания, степень завершенности – параметры, определяющие значение сведений, которые можно почерпнуть из источника.

Невозможно интерпретировать источник, предварительно не зная его автора, не зная его биографию, сферу практической деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определенной социокультурной общности с соответствующими ценностными установками.

С проблемой авторства позитивистское источниковедение связывало установление достоверности источника. Ш. Сеньобос

разработал с этой целью две социологические анкеты. Вопросы первой из них предусматривали установление причин, которые могли способствовать недостоверным сведениям (практическая выгода автора, национальные, партийные, семейные, религиозные и другие интересы и предпочтения). Вопросы другой анкеты выявляли обстоятельства, при которых не следует доверять точности наблюдений автора.

Источниковеды Нового и особенно Новейшего времени выступают против столь жесткой схемы, связывающей достоверность источника непосредственно с личностью его автора. Обращается внимание на сложность применения такого рода критериев к источникам коллективного (или безымянного) авторства: законодательным, делопроизводственным документам, периодической печати. Изучение авторства в подобных ситуациях должно включать целый ряд исследовательских процедур, учитывающих состав авторских групп, социальные цели законодателей, непосредственных исполнителей произведений коллективного творчества. В подобных исследованиях познавательная нагрузка с этапа «автор источника» может быть перемещена на выяснение конкретных обстоятельств создания источника.

Обстоятельства создания источника

Данная исследовательская проблема состоит в выявлении тех конкретных обстоятельств, которые могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения автора свидетельства. В отличие от изучения исторических условий создания произведения (начальный этап источниковедческого анализа), когда анализируется общекультурная ситуация, в данном случае детально анализу подвергаются те непосредственные условия, в которых источник был создан. При этом критически рассматриваются все факторы (политические, экономические, социальные, психологические, нравственные и т. п.), которые могли повлиять на степень полноты и достоверности содержащихся в источнике сведений. В одних и тех же исторических условиях один и тот же человек в зависимости от обстоятельств, в которых он находится, может создать

произведения, существенно различающиеся по полноте, степени достоверности, способу изложения и структуре сведений.

Эти заключения имеют отношение как к источникам мемуарного жанра, публицистике, то есть с выраженной авторской составляющей, так и к «обезличенным» документам экономической, делопроизводственной, законодательной и других сфер.

История текста источника

Текстологический анализ направлен на изучение вариантов исследуемого текста произведения: истории рукописей, поправок и изменений, соотношения первоначальных и последующих вариантов, черновых и окончательных текстов, списков и редакций. Эти исследовательские приемы позволяют понять авторский замысел, динамику творческой работы над произведением, особенности его функционирования и использования в культурной среде своего и последующих исторических периодов.

Самостоятельный интерес представляет вопрос перевода источника на другие языки. Свободное владение языком – обязательное условие для введения в научную практику иноязычных документов.

Приемы текстологического анализа пришли в источниковедение из филологии. В Новейшее время на гуманитарное познание значительное влияние оказывает семиотика, занимающаяся свойствами знаков и знаковых систем. Как и в современной семиологической концепции, в источниковедении феномен «текст» понимается достаточно широко: это и рисунок, и графика, и фотодокументы, и т. д.

В отличие от филологической текстологии, которая стремится выбрать наиболее значимый и приемлемый для публикации вариант текста произведения, для исторической текстологии важно выявление всех этапов формирования текста – от замысла до его окончательного оформления. Это необходимо для того, чтобы дать общую характеристику исторического источника и тем самым создать основу для введения текста в научную практику. К теоретическим основам текстологического анализа относятся, в частности, выявление влияния на текст источника его социальных функций, учет

общих понятий исторической текстологии (текст, список, произведение, редакция, оригинал и копия, подделка и т. д.) и др.

Традиционно в отечественном источниковедении сложилось менее скрупулезное отношение к работе с текстами Новейшего времени, нежели с документами ранних эпох. В середине 1990-х гг. обращалось внимание на необходимость более качественной текстологической работы с документами советского периода (Н. Н. Покровский). Подчеркивалось, что методика научного анализа источников является единой для документов всех периодов: «Директивы Политбюро ЦК ВКП(б), так же как указы государя или Боярской думы, требуют установления аутентичности текста и способов его передачи, определения подлинности, границ и степени тенденциозности и т. п., а разрабатывать научные приемы датировки документов XX в. так же важно, как и документов, например, XVI в.»

При характерном для советского делопроизводства обилии копий документов важной является проблема соотношения «подлинник – копия», а также установления канонического текста. Привлечение к анализу всех выявленных копий – обязательно, даже при наличии подлинника. Копии могут сообщить важные сведения об исполнении документов и реакции на них. Различную ценность для исследователя имеют копия, близкая по времени к подлиннику, и копия более поздняя – архивная, так как советские архивы пережили несколько кампаний по замене подлинников копиями. Более поздние архивные копии могут отличаться от подлинников снижением уровня информативности, потому что из них при копировании часто исключались разного рода пометы, резолюции, имена репрессированных управленцев.

История публикаций источника

На этом этапе в первую очередь необходимо выяснить, предназначался ли источник к изданию или он был создан для других целей. Если источник все же был опубликован, то следует рассмотреть, кем, когда, с какой целью. Ответ на первый вопрос дает представление о цели и намерении автора изучаемого источника и имеет значение для решения проблем достоверности. Источник,

не предназначавшийся для издания, может содержать более откровенные и не ограниченные цензурой высказывания, нежели тот, который целенаправленно готовился автором для печати.

Каждое новое переиздание источника представляет для источниковеда самостоятельный интерес, поскольку данный факт отражает степень использования произведения в социальной практике, позволяет понять, почему и кем оно было востребовано в новой культурной ситуации, как относились к этому произведению читатели следующих поколений. Распространение исторического свидетельства в определенной среде отражает состояние общественного сознания, развитие его социальных или культурных интересов и ориентаций.

Функционирование произведения в иной социальной среде и культуре проявляет те оттенки содержания, которые могут быть не выражены явно в источнике и которые не закладывались в произведение намеренно его автором. Его содержание вступает в новые смысловые связи с той исторической реальностью, в которой произведение оказалось востребованным.

Интерпретация источника

Интерпретацию проводят с целью установить (в той мере, в какой это возможно с учетом временной и культурной дистанции, разделяющей автора и исследователя) тот смысл, который вкладывал в произведение его создатель. Общее учение об исторической интерпретации источников в наиболее систематизированном и логически обоснованном виде изложил А. С. Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории» (1910–1913). Однако выдающийся российский ученый настаивал на самостоятельном значении интерпретации, ее специфических задачах и недопустимости поглощения ее критикой. Современная структура источниковедческого исследования включает интерпретацию как один из своих этапов.

Для решения задач интерпретации А. С. Лаппо-Данилевский выдвинул в первую очередь принцип психологического истолкования показаний источника, основанный на фундаментальном постулате – признании чужой одушевленности; далее технический

метод интерпретации, позволяющий судить о смысле и назначении произведения по тем специальным (техническим) приемам, которыми пользовался автор; типизирующий метод, предполагающий соотнесение источника с соответствующим типом культуры; и индивидуализирующий метод интерпретации, призванный раскрыть индивидуальные особенности творчества автора.

Преодолевая традиционные позитивистские подходы к источнику, современная методология гуманитарного исследования выдвинула на первый план проблему герменевтики как главного метода работы с произведением. Э. Ренан еще в XIX в. утверждал, что «задача литературной критики не в том, чтобы вдыхать аромат цветка» (с которым Ренан сравнивал произведение), «а в том, чтобы изучить состав почвы, на которой он вырос». «Понять» исторический смысл произведения, по мнению выдающегося французского литературоведа Р. Барта, значит вжиться в его структуру, увидеть мир глазами произведения, заговорить на его языке, подчинить себя заложенному в нем чувству жизни. Задачей исторической науки, полагает Р. Барт, является реконструкция исторических смыслов произведения, своего рода воскрешение забытых языков, на которых написаны произведения ушедших эпох. Вступая в своеобразный «диалог» с произведением, отмечал ученый, исследователь находится в иной системе координат, в которую включает исторический источник и в которой в зависимости от контекста может выявить скрытые аспекты его смыслов. Исследователь должен уметь видеть действительность глазами произведения – и в то же время видеть само произведение как объект, находящийся в окружении других аналогичных объектов. Он видит его культурное окружение, исторический фон, видит то, чего зачастую не способно заметить само произведение, знает о нем то, чего оно само о себе не знает. Таким образом, современная философская герменевтика выходит за пределы традиционного истолкования текста, обращаясь к более общим проблемам языка и контекста. От истолкования смысла, который вкладывал в свое произведение автор, исследователь обращается к рассмотрению понимания источника как явления культуры.

На этапе интерпретации источника исследователь стремится лучше понять ситуацию, в которой находился автор, замысел произведения, способ, принятый автором для воплощения этого замысла. Источниковед, стараясь как можно точнее понять творца источника, может выступать в качестве заинтересованного слушателя, испытывать симпатии и сопереживать создателю произведения. Следует, однако, иметь в виду, что степень проникновения в психологию автора зависит от видовых особенностей его произведения.

Анализ содержания

Если на предыдущем этапе источниковедческого исследования историк сокращал дистанцию между собой и автором источника, стараясь стать на какое-то время внимательным собеседником или представить себя на месте создателя произведения, то для того, чтобы осуществить анализ содержания источника, источниковеду необходимо взглянуть на источник и его показания глазами человека другого времени. От интуиции и сопереживания исследователь обращается к логической оценке сведений, намеренно или ненамеренно заключенных в источнике. Главным на данном этапе является возможно более полное раскрытие богатства сведений, которые несет источник.

Если этап интерпретации источника предполагает создание психологически достоверного образа его автора, использование, наряду с логическими категориями познавательного процесса, таких категорий, как здравый смысл, интуиция, симпатия, сопереживание, то на этапе анализа содержания превалирующими становятся логические суждения и доказательства, сопоставление данных, анализ их согласованности друг с другом и т. д.

Таким образом, в процессе *источниковедческого анализа* исследователь раскрывает информационные возможности источника, интерпретирует те сведения, которые, намеренно или помимо своей воли, сообщает источник, свидетельствуя о своем авторе, об условиях, в которых был создан, и общекультурной ситуации.

Необходимо обратить внимание, что данная схема источниковедческого анализа представляет собой обобщенный, типовой подход к изучению источника. Можно его также определить как классический канон современного источниковедения. Однако учитывая многообразие разновидностей (типов и видов) произведений, с которыми имеет дело источниковед, допустимо творческое движение в содержании и последовательности аналитических процедур. Подчинение жесткой схеме канона далеко не всегда возможно и не всегда способствует достижению многогранной цели источниковедческого исследования. Например, изучение истории текста или истории публикаций источника может вырасти в самостоятельное исследование. Проблема авторства может занимать доминирующее положение в источниковедческом анализе, а может практически уступать свое место детальному рассмотрению конкретных обстоятельств создания источника. Нагрузка, возложенная на разные этапы исследования, лишь в редких случаях будет равномерной, но всякий раз она должна соответствовать специфическим чертам и характеристикам изучаемого источника.

Опираясь на результаты аналитического разбора исторического источника (или их совокупности), источниковед обобщает свою работу при помощи *источниковедческого синтеза*. Синтез – это завершающий этап изучения произведения, рассматриваемого в качестве исторического источника. В ходе него обобщаются результаты анализа отдельных сторон произведения, полученные при исследовании его структуры и содержания. Теперь исторический источник рассматривается целостно, как явление культуры своего времени.

Источниковедческий синтез, сосредоточивая внимание исследователя на воссоздании целостности произведения, открывает возможности широких культурологических компаративных исследований. Возможны сложные сравнительные операции аналогичных источников одного периода или произведений, принадлежащих разным историческим эпохам, сопоставление источников различной видовой принадлежности, соответствующих одной культуре,

и т. д. Источниковедческий синтез позволяет увидеть уникальность или типичность вовлеченных в научную практику результатов человеческой деятельности. Аргументированная научная оценка значения исторического источника дает обоснование для практических рекомендаций о возможностях его научно-практического использования.

Подчеркивая цельность источниковедческого исследования и опираясь на известные выводы о различиях в содержании и результатах труда историка и источниковеда, высказанные еще в 1970-е гг., повторим аллегорию известного французского ученого Эммануэля Ле Руа Ладюри. Если историк, наметив познавательную цель, определив круг источников и сформулировав конкретные вопросы к ним, начнет работу, то вскоре он может оказаться совсем на другой дороге, нежели предполагал. Источники, которые должны были, по предположению исследователя, дать одни ответы, оказываются способными направить научный поиск в неожиданное русло и навязывать свой путь. Во избежание того, чтобы «источники овладели историком» историку-источниковеду необходимо самому мастерски владеть методикой источниковедческого исследования.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994.
- Георгиева Н. Г.* Историческое источниковедение: проблемы теории, истории и методики / Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев // Вестник РУДН. – Серия «История России». – 2003. – № 3. – С. 237–263.
- Каштанов С. М.* Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносов // Исторический архив. – 1962. – № 4.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 1987.
- Ковальченко И. Д.* Предмет и задачи источниковедения / И. Д. Ковальченко, С. В. Воронкова, А. В. Муравьев // Источниковедение истории СССР. – М., 1981. – С. 4–23.
- Медушевская О. М.* Источниковедение: теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М., 1996.

Медушевская О. М. Структура источниковедческого исследования / О. М. Медушевская // Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. – М., 1998. – С. 127–151.

Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века / Н. Н. Покровский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 94–105.

Про А. Двенадцать уроков по истории / А. Про. – М., 2000.

Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М., 1986.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д., 1976.

Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении / А. Г. Тартаковский // История СССР. – 1973. – № 6. – С. 54–80.

Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М., 2000.

Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод / В. В. Фарсобин. – М., 1989.

Учебное издание

Русина Юлия Анатольевна

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Учебное пособие

Зав. редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Н. В. Шевченко*
Корректор *Н. В. Шевченко*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

План изданий 2015 г. Подписано в печать 25.06.15.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 10,8. Усл. печ. л. 11,86. Тираж 200 экз. Заказ 185.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Русина Юлия Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета. Преподает общий курс «Источниковедение отечественной истории» с 1992 г. Автор более 70 научных публикаций и двух учебных пособий. Является членом международных ассоциаций «История и компьютер» (с 1993 г.) и Fellows Association of the Netherlands Institute for Advanced study in the humanities and social sciences (с 1998 г.). Сфера научных интересов – методология истории и источниковедения, практика источниковедческих исследований, феномен инакомыслия в СССР.